

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР

МЕЖДУНАРОДНАЯ

ЖИЗНЬ

2012

Руководитель проекта:

Главный редактор журнала «Международная жизнь»

А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:

*Ответственный секретарь журнала «Международная жизнь»
кандидат исторических наук*

Е.Б.Пядышева

Редакторы-составители:

*Обозреватель журнала «Международная жизнь»
кандидат философских наук*

Е.В.Ананьева

Редактор журнала «Международная жизнь»

А.Д.Дубина

Литературные редакторы:

О.Н.Ивлиева

Н.В.Карпычева

Л.А.Подчашинская

Дизайн и верстка:

И.Н.Знатнова, В.А.Позднякова, М.С.Тюрина

Материалы, публикуемые в спецномере журнала «Международная жизнь» «История без купюр», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: info@interaffairs.ru

Отпечатано в типографии ООО «Верже-РА»

127055, Москва, ул. Новослободская, дом 31, стр. 4, офис 11

www.verge.ru; e-mail: info@verge.ru; тел./факс: +7 (495) 727-00-08, 363-61-55

Подписано к печати 03.12.2012

© Редакция журнала «Международная жизнь». 2012.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

А.Рудницкий

Судьба первого консула

К истории российско-австралийских отношений 5

Ю.Лунева

Свидания монархов 27

И.Селиванов

Де Голль в Москве 49

А.Падерин

Мятежный легион

О роли Чехословацкого армейского корпуса

в Гражданской войне 69

(Продолжение на след. стр.)

СПЕЦВЫПУСК

С.Монин	
Ленд-лиз шел через Иран	109
Ю.Рубцов	
«Яки» против «лайтнингов» в небе Югославии	131
И.Гладков, М.Пилоян	
Граф Е.Ф.Канкрин: воспоминание о будущем	148
Е.Трофимов, А.Фролов	
Вопросы предвоенного строительства СССР и законодательные процессы	158
М.Орешина	
Прибалтийский узел: между историей и политикой	171
Л.Терновая	
История глазами фотографа	195

СУДЬБА ПЕРВОГО КОНСУЛА

К ИСТОРИИ РОССИЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Артем Рудницкий

70 ЛЕТ НАЗАД были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Австралией. Шла Вторая мировая война, оба государства сотрудничали в антигитлеровской коалиции, и логика подобного шага была очевидной. Однако мало кто знает, что основы двусторонних отношений были заложены гораздо раньше, а российская консульская служба на пятом континенте была учреждена еще в середине XIX века. После Октябрьской революции большевистское правительство на замену царскому консулу князю А.Н.Абазе назначило своего представителя - эмигранта Петра Фомича Симонова.

К началу XX века это государство уже играло пусть скромную, но все же достаточно заметную роль в мировой экономике и политике. Оно активно участвовало в Первой мировой войне и внесло свой вклад в победу союзников. По всем статьям, Австралию не следовало сбрасывать со счетов, однако за-

Артем Юрьевич Рудницкий - заместитель директора Историко-документального департамента МИД России, доктор исторических наук.

Автор выражает благодарность сотрудникам Архива внешней политики Российской Федерации за поддержку и помощь в поиске документов.

интересованность советского руководства в сотрудничестве с ней носила конъюнктурный характер и вскоре пошла на убыль.

В жизни Симонова немало загадок. До конца не ясно, чем руководствовался Л.Д.Троцкий, назначая его на должность консула, и почему в дальнейшем Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) не обеспечил ему хотя бы относительно сносные условия для работы. Тем не менее Симонов исправно выполнял консульские обязанности, отстаивал права соотечественников, а еще и революцию в Австралии готовил, создавая там Коммунистическую партию. Советское государство должно было бы это оценить, но... не оценило. По возвращении на родину бывшего консула не похвалили, не поощрили, его знания и опыт оставались невостребованными. Москва не воспользовалась возможностью развивать отношения с Австралией, перечеркнув тот задел, который был создан царским правительством. На длительный период Австралия переместилась на дальнюю периферию внешней политики СССР.

Российский исследователь А.Я.Массов пишет: «Попытка Советского правительства назначить в начале 1918 года своего генерального консула - П.Ф.Симонова - оказалась неудачной. Австралия отказывалась иметь какие-либо отношения с Советским правительством»¹. Это не совсем так. Австралийские власти действительно с определенным недоверием отнеслись к представителю «красной» России (что тут удивительного - американцы аналогично восприняли Л.К.Мартенса, а шведы - В.В.Воровского), однако не отказались от сотрудничества с ним. Его даже принимал федеральный премьер-министр, а вот НКВД вскоре перестал уделять внимание своему назначенцу и в 1921 году закрыл консульство.

Постараемся разобраться в происшедшем. Российские и австралийские историки уже не раз писали о Симонове², но пробелов в его биографии по-прежнему хватает. Заполнить их, пусть отчасти, позволяют материалы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), которые вводятся в научный оборот впервые.

Симонов родился 8 (21) июня 1883 года в деревне Новые Яблоньки Хвалынского уезда Саратовской губернии. Проис-

хождения он был, с большевистской точки зрения, вполне подходящего - из крестьян, однако политической деятельностью вплоть до своего отъезда в эмиграцию практически не занимался.

В Российскую коммунистическую партию большевиков - РКП(б) - вступил только в 1921 году, до тех пор ни к каким политическим партиям не принадлежал. Заполняя одну из нкидовских анкет, он упоминал о своей «работе в РСДРП» в 1905 году и своем аресте по обвинению «в военной пропаганде»³, но в членах Российской социал-демократической рабочей партии формально не состоял, и вообще трудно судить, насколько серьезным был тот эпизод. Тогда же П.Ф.Симонов проходил военную службу в Баку (был призван в 1904 г.) и по логике вещей его должны были «примерно наказать», скажем, уволить и сослать в какую-нибудь сибирскую глубинку. Однако его направляют продолжать службу в Елисаветград - город в центральной Украине, экономически развитый, с культурными традициями, в общем не тмутаракань. Если речь шла об антиправительственной пропаганде среди военнослужащих, то подобное решение кажется странным. В стране бушевала революция, и правящий режим со «смутьянами» не церемонился. Скорее всего, П.Ф.Симонов лишь косвенно (возможно, даже случайно) оказался причастен к запрещенной деятельности и потому отделался «легким испугом». На его положение в армии это не повлияло: начав с рядового, он дослужился до прапорщика⁴. Политически неблагонадежному военнослужащему трудно было рассчитывать на такую карьеру.

В советское время Симонов «для анкеты» мог намеренно преувеличивать свой вклад в революционную борьбу, что не следует рассматривать как упрек - определенная изворотливость помогала выживать в условиях советской бюрократической системы. Другой пример: только в самой первой своей нкидовской анкете в графе «национальность» П.Ф.Симонов записывает себя мордвином. Во всех последующих позиционирует себя как русского.

Его семья, скорее всего, не особенно нуждалась и могла дать детям образование (у Петра было два брата, след которых после революции и Гражданской войны затерялся). Он занимался в сельской

школе, затем с частным преподавателем и поступил в саратовскую гимназию. Проучившись шесть классов, окончил ее экстерном.

Свою трудовую карьеру он начал рабочим на котельном заводе, продолжая учиться. Выдержал экзамен «на счетовода» и устроился бухгалтером в нефтепромышленную фирму (еще до призыва в армию). Сняв погоны, перебрался в Китай, в г. Харбин, где работал в промышленной компании и банке.

Таким образом, Симонов пополнил ряды трудовой российской эмиграции. В конце XIX - начале XX века многие рабочие и крестьяне искали лучшей жизни за границей, устремляясь не только в США и Канаду, но и страны Востока. Имеющиеся архивные документы не дают ответа на вопрос, почему Симонов не остался в Харбине. Может, банк лопнул или другие проблемы возникли. Он покинул Китай и в 1912 году прибыл в Австралию, в Брисбен - столицу штата Квинсленд, куда в основном стекались русские эмигранты.

У приезжего почти не было шансов устроиться на «непыльную» работу. Чужаков в Австралии не жаловали и на хорошие должности предпочитали брать своих. Бывший бухгалтер рубил сахарный тростник, трудился грузчиком на бойнях, добывал железную руду на приисках корпорации «Брокен-Хилл Пропрайетори». Он вступил в Союз русских эмигрантов (преобразован в Союз русских рабочих, а после 1917 г. - в Союз русских рабочих-коммунистов - СРПК), анархо-синдикалистскую организацию «Индустриальные рабочие мира» и активно участвовал в рабочем и профсоюзном движении.

Перемены в его жизни были связаны не только с тем, что «бытие определяет сознание». Несомненную роль сыграло общение с русскими революционерами, которые верховодили в Союзе и отличались организаторскими способностями, умением сплачивать вокруг себя единомышленников. Среди них были большевики, как, например, Артем Сергеев (в будущем герой Гражданской войны, член ЦК РКП(б) и соратник В.И.Ленина), А.М.Зузенко и А.Э.Калнин, эсеры (Г.Быков), анархисты (Н.Лагутин) и представители других радикальных течений. Объединяли их революционный максимализм, вера в необходимость свержения «отживших режи-

мов». Участникам этой «могучей кучки» были присущи личное обаяние и дар убеждения - как говорится, люди к ним «тянулись».

Симонов дождался своего часа. Уже не скромный служащий, «маленький человек», а революционный лидер и народный трибун, он вошел в руководство Союза, принимал участие в забастовках, демонстрациях, а когда началась Первая мировая война, включился в антивоенную кампанию. У него прорезалась журналистская жилка, и он печатался в эмигрантской газете «Эхо Австралии», которую местные власти (с подачи А.Н.Абазы) неоднократно закрывали, но она возрождалась под другими названиями: «Известия Союза русских эмигрантов», «Рабочая жизнь», «Знание и Единение». Симонов публиковался также на английском языке, которым он овладел на вполне приличном уровне, в периодических изданиях австралийских профсоюзных организаций.

После Февральской революции русские собирались домой. Заспешил на родину и Симонов, однако решением Союза ему было поручено остаться на полгода в Австралии, чтобы обеспечивать отъезд репатриантов и продолжать редактирование эмигрантской газеты. «После шести месяцев, - писал он в 1921 году в отчете руководству НКВД, - я снова решил было уехать и снова был задержан русскими, на этот раз для борьбы против гонений бывшего царского консула Абазы»⁵.

Эмигрантский Комитет по отправке «воевал» с этим «царским наместником», всячески препятствовавшим отъезду «не нужного для России анархического элемента»⁶. Симонова он называл бандитом, уголовником и выдавать ему паспорт категорически отказался. Последний пароход с русскими ушел в ноябре 1917 года на родину без него.

А.Н.Абаза был вынужден прекратить свою деятельность в силу «непреодолимых обстоятельств». С декабря 1917 года австралийское правительство отказалось признавать выданные им документы. Тогда он сложил с себя полномочия генерального консула, о чем уведомил премьер-министра Австралии письмом от 26 января 1918 года⁷.

Тем временем Симонов взял на себя руководство СРРК. При этом он выдерживал ожесточенный натиск той части

эмиграции, которой пришлось не по вкусу коммунистические идеи и большевистские перемены в России. Это была пестрая публика: монархисты, черносотенцы, сторонники Керенского, меньшевики. Однако были у Симонова оппоненты и среди рабочих, которых возглавили эмигранты К.Клюшин (Орлов) и эсер Г.Быков. В противовес СРРК они сформировали «Группу русских рабочих», и Симонов окрестил их «групповцами»⁸. Его же последователи гордо именовали себя «симоновской красной гвардией». «Разница наших позиций... - писал он, - вызвала ожесточенные споры на так называемых «колониальных» или общегражданских собраниях, часто вплоть до рукопашной»⁹.

Документы не дают ответа на вопрос, в чем именно заключалась «разница» позиций. Возможно, она носила не только идеологический, но и личностный характер. Симонов был человеком властным, многие его недолюбливали¹⁰.

В этой ситуации состоялось его сенсационное назначение на должность консула. «Рудокоп заменяет князя в генеральском чине» - с такими заголовками вышли австралийские газеты, когда 30 января 1918 года пришло сообщение агентства «Рейтер» о приказе главы Наркоминдела. Вскоре поступило подтверждение из Лондона от представлявшего там интересы РСФСР М.М.Литвинова. Великобритания в то время курировала внешнеполитические и дипломатические связи своего доминиона, и М.М.Литвинову, соответственно, полагалось курировать «австралийский участок».

Назначение было неожиданностью не только для австралийской публики, но и для самого Симонова. В уже упомянутом нкидовском отчете (позже на его основе он подготовил и опубликовал в журнале «Международная жизнь» статью «Три с половиной года советского дипломатического представительства») он следующим образом описывал происшедшее: «Пока все бури и катавасии еще продолжались, в конце января 1918 года получается из Петербурга рейтеровская телеграмма, а вслед за этим телеграмма от тов. Литвинова из Лондона о моем назначении тов. Троцким консулом Советской России для Австралии»¹¹.

Можно только гадать, что подвигло Л.Д.Троцкого остановить свой выбор на бывшем «рудокопе» - скорее всего, Симонова порекомендовал кто-то из друзей-товарищей по эмиграции, вернувшихся в Советскую Россию. Пренебрежительное отношение первого наркома по иностранным делам к дипломатической службе хорошо известно. Мол, что толку в «цивильных» отношениях с зарубежными государствами, когда вот-вот все «отжившее» международное сообщество будет сметено ураганом всемирной революции. Единственную пользу дипломатия могла принести лишь как средство разжигания «революционного пожара», и для выполнения задачи бывший горняк вполне годился. Однако Л.Д.Троцкий, наверное, не предполагал, что случайно выбранный им кандидат примется всерьез осваивать профессию консула и дипломата и продержится на ней значительный срок.

Первым делом Симонову пришлось вступить в противоборство со своими противниками в диаспоре, считавшими, что ему не место на консульском посту. Они созывали «общие собрания всех русских граждан», чтобы заручиться поддержкой эмигрантов, но, по свидетельству Симонова, из этого ничего не вышло: его назначение «вполне одобрялось и горячо приветствовалось». Дескать, такого рода резолюции поступали «из всех уголков Австралии»¹². На деле же картина могла быть не столь радужной. Против Симонова выступили не только «приверженцы старого режима», но и «групповцы», пользовавшиеся определенным влиянием в эмигрантской среде. Как они уверяли, на одном из «общих собраний колонии» было решено «просить Советскую Россию Петра Симонова отозвать, поучиться коммунизму, а на его место прислать из Советской России другого консула, который мог бы соответствовать своему назначению»¹³.

К.Ключин и Г.Быков использовали не только прессу и публичные выступления, но также обращались к Г.В.Чичерину и М.М.Литвинову. В их письмах говорилось, что «Симонов не достоин представлять Российскую крестьянскую и рабочую республику» и своей деятельностью он «больше вредит, чем помогает российскому рабочему движению в целом»¹⁴. Консулу вменялось в вину использование своего положения для личного обогащения:

«собирая и получая пожертвования, он отчетов русской колонии не дает, мотивируя, что дела консула от простых смертных - секрет». За паспорта он якобы требовал от 10 до 300 фунтов стерлингов, поясняя, что средства необходимы для содержания консульства и «агитации среди австралийцев», и уверял, что «без его паспорта Советская Россия к себе никого не пускает». Симонов будто бы окружил себя роскошью - в подтверждение сообщалось, что над его конторой в центре Сиднея установлена доска с золотыми буквами «Russian Representative of Soviet Russia Piter Simonoff»¹⁵.

Симонов парировал обвинения¹⁶. В письмах в НКВД он подчеркивал, что его противники пытаются не допустить развития отношений между СССР и Австралией и хотят поставить под свой контроль российскую общину в этой стране. Консул, разумеется, не был смещен, однако нельзя исключать, что в результате «полемики» репутация П.Ф.Симонова все же пострадала, что сыграло свою роль в его дальнейшей судьбе. Поступавшие доносы были «отфиксированы» в секретном докладе НКВД, который пополнил его личное дело.

Зададимся вопросом: а подходил он для консульской работы на самом деле? Соответствующим опытом он не обладал, специалистом-международником не был. Вместе с тем был человеком не без способностей. Осваивая бухгалтерскую профессию, получил экономические знания и, оказавшись за границей, старался их расширять и углублять. Сохранилось несколько информационных документов, подготовленных Симоновым (анализ экономического положения Австралии, характеристика японо-австралийских торгово-экономических отношений), и статьи, опубликованные им в «Международной жизни». Писал Симонов несколько коряво, что простительно «рудокопу», который неожиданно сделался дипломатом. В годы революции и на более высокие должности назначали людей со способностями намного хуже, чем у Симонова, иногда вообще без образования. Если вчерашний школьник становился командиром полка, то рабочий запросто мог стать консулом.

В Мельбурне, бывшем тогда федеральной столицей, он открыл «Бюро русского представителя в Австралии» - кон-

сульством оно называться не могло, ведь ни Великобритания, ни Австралия официально не признали Советскую Россию. Симонова тогда это не слишком беспокоило, поскольку новая коммунистическая эра должна была покончить со всеми «дипломатическими условностями». «Вопрос о признании, - заявлял Троцкий, - есть вопрос формальный, и Советская власть с полным безразличием относится к этой подробности дипломатического ритуала. Непризнание не избавляет, однако, от необходимости считаться с Советским правительством, как с фактом»¹⁷. Суть подхода: неважно, признают тебя или нет, главное - заставить с собой считаться. Симонов следовал именно этой установке.

Деньги для аренды помещения и на текущие нужды дали Симонову его «близкие товарищи»¹⁸. Скорее всего, это были австралийцы - члены Лейбористской партии левых взглядов, с которыми консул тесно сотрудничал. Самый известный из них - П.Брукфилд, симпатизировавший Советской России (и впоследствии пострадавший за свои взгляды - в 1921 г. был убит белоэмигрантом).

Симонов заказал официальные бланки, и работа закипела. Нужно было ставить на учет российских граждан (тех, которые соглашались быть «советскими»), помогать им с выездом на родину. В архивном досье сохранились опросные листы, которые заполняли посетители консульства. Вверху крупными буквами было набрано: «Пролетарии всех стран соединяйтесь! Российская социалистическая федеративная советская республика. Представительство в Австралии»¹⁹. Далее были перечислены вопросы, на которые должны были отвечать посетители: «Принадлежите ли к какой-либо организации? Какую работу предпочли бы в России? Сумеете ли отправиться в Россию при первой возможности? Нуждаетесь ли в пособиях для поездки в Россию? Можете ли покрыть часть расходов по поездке и в каком размере?»²⁰ В результате предпринятой консулом переписи был составлен список примерно из 600 эмигрантов, желавших покинуть Австралию.

При содействии парламентариев-лейбористов удалось организовать встречу с премьер-министром У.Хьюзом. Аудитория прошла в благожелательной атмосфере, и в результате Симонову удалось продвинуться в задаче отправки эмигрантов

в Россию. Паспорта он выдавать не мог (заявления «групповцев» о паспортах за 300 фунтов были, конечно, вымыслом), и австралийцы согласились выдавать по согласованию с ним специальные разрешения на выезд в Японию. С японским консулом Симонов договорился о прибытии россиян в его страну для дальнейшего транзита во Владивосток²¹.

Терпимое отношение властей к Симонову длилось недолго, ведь он продолжал заниматься политической деятельностью, используя свое положение для расширения и упрочения контактов с рабочими организациями, что в представлении австралийцев, исходивших из общепринятой международной практики, не сочеталось с дипломатическим статусом. Однако Симонов мыслил по-новому - в духе позиции, сформулированной Троцким: «Советская власть считает необходимым дипломатические сношения не только с правительствами, но и с революционно-социалистическими партиями, стремящимися к низвержению существующих правительств»²². Получалось, с одной стороны, общаемся с властями, а с другой - готовим революцию против тех же властей. Стоит ли удивляться, что консул раздражал ту часть австралийского общества, которая придерживалась «устаревших» взглядов на дипломатию.

«Буржуазная пресса, - вспоминал он, - все больше и больше усиливала атаки против меня, указывая, что я претендую быть дипломатическим представителем лишь для удобства в своей большевистской пропаганде, что мои связи с рабочими организациями, мои лекции и статьи якобы для объяснений русской революции, являются возмутительной, преступной пропагандой против войны и против британского и австралийского правительств и против существующего в империи строя, что такая пропаганда в стране недопустима была бы, если бы я действительно был консулом»²³. Для подобного рода утверждений имелись веские основания. В нкидовском отчете Симонов высказался откровенно: «Единственной моей целью, конечно, было использовать это положение для пропаганды»²⁴.

Пускай, это было преувеличением (консульские обязанности Симонов тоже выполнял), но то, что его занимали мысли о «ре-

волюции в Австралии», отрицать невозможно. Он ездил по всей стране, выступал с лекциями, «писал статьи почти во всех рабочих газетах»²⁵. Одной пропагандой дело не ограничивалось: Симонов участвовал в митингах и демонстрациях под антивоенными и социальными лозунгами. Русским рабочим, помимо стражей порядка, противостояли отряды лоялистов из демобилизованных солдат. Нагнетанию антибольшевистских настроений способствовало заключение Советской Россией сепаратного Брестского мира и начавшаяся интервенция «империалистических держав», в том числе Великобритании. В состав британского контингента входили австралийские военнослужащие, а австралийский эсминец «Свон» был направлен в Черное море для поддержки ВМС союзников и сил белогвардейцев (генерала П.Н.Краснова). Понятно, что «симоновцы» принялись за организацию кампании протеста под лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

Первый «звонок» прозвенел в сентябре 1918 года, когда в Лондоне арестовали М.М.Литвинова. Австралийцы, «державшие нос по ветру», тут же выписали ордер на арест Симонова, правда хода ему сразу не дали. Возможно, не хотели лишний раз обострять социальную ситуацию (с учетом популярности Симонова среди рабочих) и надеялись, что, узнав о грозящем ему заключении, консул одумается. Соответствующая информация до него действительно дошла, но он не одумался. Продолжал выступать на митингах, написал брошюру «Что такое Россия», которую тут же запретила цензура. Тогда в рамках Акта о военной безопасности правительство издало специальный декрет, запрещавший иностранцам принимать участие в общественной жизни. Надо ли говорить, что консул и его товарищи не подчинились.

Что ж, консул не оставил правительству выбора. 3 ноября 1918 года он был арестован в Мельбурне и препровожден для суда в Сидней. Его освободили под залог в тысячу фунтов (внес П.Брукфилд), и он принялся бомбардировать премьер-министра письмами, настаивая на своем дипломатическом иммунитете, которым на самом деле не обладал.

Суд приговорил Симонова к году каторжных работ, предусмотрев возможность замены наказания выплатой крупного штрафа.

П.Брукфилд был готов и на этот раз выручить русского товарища, однако консул «пошел на принцип». Заплатив штраф, Симонов косвенно признал бы правомочность судебного решения, с чем он был категорически не согласен. Пришлось отбывать срок в сиднейской тюрьме «Лонг Бэй», который, правда, оказался не слишком продолжительным. Сначала он был сокращен до полу-года, потом - до четырех месяцев. По всей видимости, сыграло свою роль заступничество со стороны левых лейбористов и проф-союзов, которые апеллировали не только к своему премьеру, но и к Президенту США В.Вильсону и главе британского кабинета Д.Ллойд Джорджу. Учитывался и напор со стороны русских эмигрантов-радикалов, будораживших австралийское общество.

В марте 1919 года в Брисбене дело дошло до стрельбы. Мас-совое шествие русских и австралийских рабочих, требовавших соблюдения гражданских свобод и отмены Акта о военной без-опасности, подверглось нападению полиции и отрядов лоялистов. После этих волнений, получивших название «Бунты красного флага», многих зачинщиков арестовали и выслали из страны.

В середине июля 1919 года Симонов вышел на свободу. Его здоровье было подорвано: он переболел гриппом, за-тем - воспалением легких. За то время, что он провел в тюрь-ме, многое изменилось. СРПК был фактически разгромлен. «Я был потрясен, - говорил Симонов, - арестом товарищей и тем, что в нашей организации воцарился полный хаос»²⁶. Поняв, что восстановить эмигрантский Союз как самосто-ятельную организацию уже не удастся, он все силы бросил на создание Коммунистической партии Австралии (КПА).

Советские власти неизменно отрицали, что помогали ор-ганизационно и финансово зарубежному коммунистическому движению, поэтому в своей статье в «Международной жизни» Симонов о своих достижениях в этой области благоразумно умалчивает. КПА, дескать, возникла совершенно неожиданно, «сразу, как из-под земли... с тремя печатными органами, луч-шим залом для массовых собраний и другим - для партийных собраний, редакции»²⁷. В действительности вклад Симонова в создание Компартии Австралии трудно переоценить. В ки-

довском отчете он уже не стеснялся писать: «После тюрьмы месяцев пять я работал главным образом нелегально... по развитию коммунистического движения, укреплению организационных основ КПА... Я создавал ячейки и группы или секретно, или под скромным названием групп самообразования»²⁸.

Компартия Австралии официально была создана в октябре 1920 года, и Союз русских рабочих-коммунистов входил в нее на правах Брисбенского отдела. На сохранившихся в архиве нескольких статьях из «Знания и Единения» (возможно, были привезены в Москву Симоновым) чернилами написано пояснение: «Приложение к органу Брисбенского отдела Коммунистической партии Австралии «Knowledge and Unity» №66».

Симонов не забывал и о консульских делах. В январе 1920 года консульство открылось снова (на этот раз в Сиднее) и стало издавать свой информационный орган «Soviet Russia». Помимо организации выезда эмигрантов (эта сторона консульской деятельности уже не отнимала много времени - почти все, кто хотел, уже успели уехать) Симонов принялся налаживать торгово-экономические связи между Россией и Австралией. Он списался с Л.К.Мартенсом и запросил инструкции у советского торгового представителя в Лондоне Л.Б.Красина. «Во исполнение первой инструкции» Симонов составил и направил ему аналитическую справку - «описание состояния австралийского рынка»²⁹.

«Руководствуясь до некоторой степени активностью тов. Мартенса в Америке, - сообщал Симонов в НКВД, - я возобновил свою официальную активность с посылки федеральному премьеру меморандума, где я объяснял положение Советской России и указывал на обоюдную выгодность возобновления торговых сношений между Россией и Австралией. Этот меморандум я издал немедленно в форме брошюры и 2 тыс. экземпляров разослал видным газетам, коммерсантам, членам биржи и членам парламентов. В это время начал издание официального органа моего консульства, также по образцу американского»³⁰. Австралийские бизнесмены все чаще обращались к Симонову, информация о компаниях и фирмах, заинтересованных в торговле с «Советами», направлялась в Москву. «Я надеюсь, - писал

Симонов Г.В. Чичерину, - что Вы получили мой доклад о моих переговорах для установления торговых сношений между Австралией и Советской Россией с «Pacific Supply Company», и я хотел бы, чтобы Вы сообщили мне, были ли делегаты у Вас от этой компании и что сделано»³¹.

Наряду с поиском торговых партнеров консул выяснял и возможности помощи австралийцев голодающим России. Он информировал НКВД о частных компаниях, благотворительных организациях и отдельных людях, готовых оказать донорскую поддержку³².

Стремление Симонова развивать торгово-экономические контакты способствовало изменению отношения официальных кругов Австралии к советскому консульству. Наконец-то, оно занялось деятельностью, соответствовавшей его статусу. «С начала 1921 года, - констатировал Симонов, - по-видимому, даже буржуазия перестает придавать значение газетной травле против меня, и многие из деловых людей разыскали мое консульство и обращались со всевозможными деловыми предложениями... С правительством также были установлены регулярные сношения, хотя вся корреспонденция адресовалась мне лично, а не как консулу официально»³³.

Власти также заверили, что не станут препятствовать финансированию консульства из Москвы. Это подтвердил премьер-министр, отвечая на запрос в парламенте одного из членов Лейбористской партии («финансовые поступления на имя Симонова из Советской России не будут изыматься»)³⁴. Но вот досада - никакие деньги не поступали, и очень скоро консульство и сам консул оказались в бедственном положении.

Единственным, кто пришел ему на помощь, был Л.К. Мартенс, который прислал 100 фунтов и ходатайствовал перед Г.В. Чичериным о стабильном финансировании консульства в Австралии. Он не только писал в Москву о бедственном положении Симонова, но и переадресовывал в НКВД все его письма. Незадолго до своей высылки из США (в январе 1921 г.) он написал Симонову: «Дорогой товарищ Симонов, я получил Ваши письма от 20 октября и 23 декабря. Я чрезвычайно огорчен, что Вы до сих пор не могли

связаться с нашими товарищами в Европе. Со своей стороны делаем все возможное, чтобы обратить внимание Чичерина и Литвинова на Ваше положение». Советский представитель в США уверял, что понимает «всю важность работы», которую Симонов выполняет в Австралии и будет продолжать «настаивать» на том, чтобы с ним «снеслись немедленно»³⁵.

Симонову хотелось, чтобы отношение Москвы к консульству в Австралии было таким же, как к представительству в США. Пусть оно не признано страной пребывания, но, по крайней мере, наделено внятыми официальными полномочиями со стороны Москвы. В США Л.К.Мартенсу поначалу выражали недоверие, «но с этим было покончено Вами, - писал Симонов Г.В.Чичерину, - тем, что Вы послали сообщение для опубликования, что тов. Мартенс и вообще посольство ответственны только Советскому правительству и потому никто или никакая организация вмешиваться не может в дела посольства»³⁶. Для себя Симонов просил о том же: «Я бы просил Вас телеграфировать мне что-либо в этом роде, как Вы телеграфировали тогда товарищу Мартенсу»³⁷.

Некоторым утешением для Симонова стало письмо от имени Г.В.Чичерина (подписанное сотрудником его секретариата), которое в январе 1921 года ему доставил А.М.Зузенко (бывший товарищ по эмиграции стал капитаном дальнего плавания и в 1920-1930-х гг. не раз наведывался на пятый континент, выполняя поручения Коминтерна). В этом письме длительное молчание центра объяснялось проблемами со связью, которые делали невозможным поддержание «тесных контактов». Очевидно, имелось в виду тяжелое положение Советской России в связи с Гражданской войной и интервенцией. Главное, подчеркивалось, что НКВД выражает «исключительное одобрение» деятельности Симонова, которую он вел «в сложных условиях», и жалеет, что «в связи с отсутствием средств связи» ему «пришлось столько вынести». Далее говорилось, что НКВД поручает советскому диппредставительству в Лондоне поддерживать с консульством в Австралии «прямые контакты» и снабжать необходимыми средствами для функционирования офиса³⁸.

Симонов приободрился, однако ни одно из данных ему обещаний выполнено не было. Когда вышли все средства, полученные от австралийских друзей, и собственные его накопления, советский представитель подошел к самой грани нищеты. 6 мая 1921 года он написал наркомку: «Мне неприятно повторять тот же самый вопрос, вопрос финансовый, но я вынужден...» Строки его письма выдают отчаяние человека, доведенного до крайности, который перестал стесняться, описывая свое плачевное положение. «Весь оборвался, а заменить ничего я не в состоянии. Износился так, что практически скоро будет не в чем выходить на работу...»³⁹

Он указывал, что помещение, в котором находится консульство, совершенно не приспособлено для этого. «Можете представить, что у меня за контора за 13 шиллингов и 6 пенсов в неделю». Она расположена «далеко от торгового центра города» и «крупных торговцев» и маклеров, «у которых имеются сведения о состоянии рынка», в консульство посетителей «не затянуть». Симонов жаловался на то, что у него нет «даже порядочной пишущей машинки, не говоря уже о машинистке», и ему самому приходится разбирать корреспонденцию, которой «уйма». Он задолжал 500 фунтов, больше одалживать не может и не знает, на что жить⁴⁰.

Симонов просит Г.В.Чичерина внести ясность в его положение и «что-нибудь сделать немедленно». «Или снабдить меня финансами, или указать, как поступить»⁴¹. «Если находите, - писал он, - что, быть может, здесь больше нет особой надобности содержать консульство, то прошу сообщить, дабы я знал, что ответственность с меня снята»⁴². Вместе с тем закрывать консульство ему как раз не хотелось. Консульские дела, в том числе деловые контакты, только начинали налаживаться. Многое у Симонова стало получаться, появились надежды на торгово-экономическое партнерство России и Австралии. «Вы, конечно, понимаете, что мне было бы крайне неприятно теперь закрыть консульство из-за неимения средств, после того, как я тянулся всеми силами почти три с половиной года при адски тяжелых условиях»⁴³.

Как недоверие центра консул воспринял предписание Москвы «прекратить выдачу виз вплоть до дальнейших распоряжений»⁴⁴.

Никакими объяснениями данная инструкция не сопровождалась. Ослушаться Симонов не мог, и в номере «Knowledge and Unity» от 26 апреля 1921 года он поместил «срочное сообщение» следующего содержания: «Товарищи, согласно телеграфному распоряжению от товарища Чичерина, Комиссара иностранных дел, уведомляю Вас, что до следующего распоряжения никто впускаться в Советскую Россию не будет. Прошу сообщить это всем Вашим членам. С товарищеским приветом, Петр Симонов»⁴⁵.

Чтобы как-то растолковать эмигрантам решение Москвы и самому не потерять лицо в их глазах (консул, а не знает, что и как), Симонов - на этот раз уже в англоязычной прессе - привел следующие аргументы. Мол, в условиях, когда отсутствуют «надежные и безопасные пути сообщения между Советской Россией и другими странами», поездки туда сопряжены с большим риском. На европейские транспортные агентства полагаться нельзя, так как свои обещания они не выполняют, а только выкачивают деньги из клиентов. В результате в Европе скопились тысячи обманутых и отчаявшихся русских, так и не сумевших добраться до родины. «Поэтому, - писал Симонов, - Российское советское правительство поручило мне проинформировать всех заинтересованных лиц, что въезд в Россию закрыт до получения дальнейших инструкций»⁴⁶.

В письме же наркому он не скрывал своего недоумения. Распоряжение о прекращении выдачи виз, писал он, «подняло уйму споров между русскими и дает козырь в руки противников Советской власти»⁴⁷. Что же касается ее сторонников, то они утверждают, что «это вовсе не ваше распоряжение, что Советское правительство как раз наоборот нуждается в рабочих и хочет, чтобы русские приезжали в Россию немедленно»⁴⁸.

Между тем полученное им указание не имело «частной привязки» к Австралии, а было общим циркуляром, направленным во все заграничные представительства. Основанием для указания послужило постановление Совета народных комиссаров, признавшего «дальнейшую эмиграцию и реэмиграцию в РСФСР в настоящее время нецелесообразными»⁴⁹. Если прежде приезд рабочих из-за рубежа, включая соотечественников, приветствовали в соответствии

с курсом на мировую революцию и принципом пролетарского интернационализма, то теперь «пришлые иностранцы» все чаще вызывали подозрение как потенциальные шпионы и лазутчики империализма. Принимать и обустривать приезжих становилось также очень сложно и из-за страшного голода, охватившего Поволжье, Украину и другие районы страны. Проблема заключалась в том, что до сведения Симонова не довели все эти «детали».

15 июня он пишет очередное и на этот раз последнее свое письмо наркому по иностранным делам. Оно было еще более эмоциональным и острым, нежели предыдущие. «В эти три с половиной года я находился в гораздо худшем положении, чем самый последний рабочий в Австралии... Делается досадно и больно, и совершенно опускаются руки... Сознаю, что я теряю свою трудоспособность... Часто встаю утром и не знаю, буду ли иметь возможность иметь завтрак... Жду каждый момент, что вот-вот буду выброшен из моей квартиры или моя контора будет закрыта, потому что мне нечем будет платить за аренду»⁵⁰.

Симонов переживал не только за судьбу советско-австралийских отношений и рабочего движения в Австралии, но и за собственное положение. Он всерьез опасался, что Москва может забыть о нем и «списать со счетов». Сейчас такое поведение государства кажется невыносимым - любой его гражданин, а дипломат в особенности, имеет право полагаться на его поддержку и защиту. Но в те годы, когда мир сотрясали войны и революционные катаклизмы, люди часто исчезали в водоворотах истории.

Оставят его одного в Австралии, и что тогда? Как смотреть в глаза товарищам, рабочим, всем, кто шел за ним, как за представителем СССР? В их глазах он будет выставлен «на посмешище», что для него хуже всякого наказания»⁵¹. А отношение торгово-предпринимательских кругов? Выходит, он их байками кормил о возможности сотрудничества с Москвой? Куда податься разжалованному консулу? Простого эмигранта еще возьмут на работу, а для экс-консула вакансии едва ли найдутся... «Ни один предприниматель, - писал Симонов, - не допустит меня в свою контору»⁵².

Смысл некоторых пассажей в письмах Симонова прочитывается предельно ясно: не закрывайте консульство, а если уж

закроете, то не оставляйте меня в Австралии. «Личные трудности меня не пугают, я к ним привык с самого раннего детства, хотя и в этом отношении я бы был теперь поставлен в крайне безвыходное положение, т.к. здесь теперь десятки тысяч безработных, и работодатели только бы засмеялись, если бы я обратился к ним за работой. Австралия слишком маленькая страна (по населению) для того, чтобы затеряться и быть неузнанным в ней. А меня слишком хорошо знают. Мое желание, конечно, вернуться как можно скорее в Россию. Я здесь задержался не по своей воле»⁵³.

В августе 1921 года Симонов получил указание свернуть работу консульства и возвращаться в Россию. В сентябре, проделав долгий путь с остановкой в Италии (там его гостеприимно принимал полпред В.В.Воровский), бывший бухгалтер, горняк и консул вернулся в Москву.

За три с половиной года своей консульской деятельности он сумел сохранить советское представительство, помогал эмигрантам, содействовал становлению Компартии Австралии. Голодал, сидел в тюрьме, подвергался преследованиям... Разве этого было мало, чтобы наградить его как героя, как-то поощрить и назначить на приличную должность? Увы, этого не произошло.

К тому времени Москва окончательно потеряла интерес к развитию отношений с Австралией. Троцкий издал приказ о назначении Симонова в начале 1918 года, когда казалось, что революция вот-вот охватит весь мир. Г.В.Чичерин был настроен более прагматично: нужно было решать приоритетные вопросы, связанные с отношениями Советской России и ее ближайшего международного окружения. От Австралии мало что зависело, и тратить средства на содержание там консульства представлялось неоправданным. Симонов попытался пробудить у нкидовского начальства интерес к этой стране, предлагая открыть там хотя бы торговую миссию (подчеркивая, что ее можно было бы использовать и для «политической работы»⁵⁴), но к нему не прислушались.

Свою роль могли сыграть и компромат, накопившийся в личном деле Симонова, и отсутствие у него «полезных связей» в Наркомате.

Он подчеркивал, что готов к любой работе: «Знание у меня кое-какое есть, также довольно продолжительный опыт в торговых

делах, и потому я думаю, что в Советской России я мог бы быть полезным... Предоставляю себя в полное распоряжение Комиссариата»⁵⁵. Тем не менее вряд ли мы ошибемся, если предположим, что Симонов рассчитывал на работу творческую, отвечающую его квалификации и уровню прежде занимаемой должности. Например, он мог бы пойти в Коминтерн, заниматься рабочим и коммунистическим движением в британских колониях. Кстати, в Австралии почему-то полагали, что так оно и случилось, что не соответствовало действительности⁵⁶. Симонову поручили реферирование зарубежной периодики в только что созданном тогда журнале «Международная жизнь». Работа эта была по-своему интересна и важна, но явно не той, на которую он надеялся.

Из журнала он был уволен в ноябре 1922 года по сокращению штатов. После неудачной попытки устроиться первым секретарем в советское посольство в Албанию, удача наконец ему улыбнулась. Благодаря ходатайству А.Э.Калнина, ставшего членом Исполбюро Профинтерна («Красный интернационал профсоюзов»), Симонова принимают на работу в эту организацию заместителем управляющего делами и заведующим издательским отделом. А в 1926 году он переходит на «иностранный направление» - в экспортный отдел Нефтесиндиката.

О дальнейшей его судьбе почти ничего не известно. Он не попал в жернова «большого террора», которые перемололи многих «русских австралийцев» и умер в 1934 году, по всей видимости, от естественных причин. Едва ли он думал, что о нем вспомнят через десятки лет и его имя останется в истории - эмигранта, бунтаря, первого советского консула в Австралии.

¹Массов А.Я. Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857-1917 гг.) // URL: [http: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_01_07](http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_01_07). С. 7.

²См., например: Массов А.Я. Указ. соч.; Evans R. The Red Flag Riots. A study of intolerance. University of Queensland Press. 1988.

³АВП РФ. Фонд личных дел. Д. 2942. Л. 17.

⁴Там же. Л. 11.

⁵Там же. Л. 10

- ⁶Симонов П. Три с половиной года советского дипломатического представительства // *Международная жизнь*. 1922. №15 (135). С. 63.
- ⁷Массов А.Я. Указ. соч. С. 6.
- ⁸Симонов П. Указ. соч. С. 61.
- ⁹Там же.
- ¹⁰Э.Фрид пишет об этом в статье о П.Симонове в “Australian Dictionary of Biography” // URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/simonov-peter-8429>. См. также: Rare Russian papers discovered in the Oxley Library // URL: <http://blogs.slq.qld.gov.au/jol/2012/02/27/rare-russian-papers-discovered-in-the-oxley-library/>
- ¹¹АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 21.
- ¹²Симонов П. Указ. соч. С. 62.
- ¹³АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 3.
- ¹⁴Там же. Л. 1-2.
- ¹⁵Там же. Л. 3.
- ¹⁶В переписке консула упоминаются имена: К.Клюшин, Федор Силин-Белоножка, Пол Грей Кларк. Последний, по словам Симонова, вскоре после революции переехал из Австралии во Владивосток и там занял какой-то «видный пост» (АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 12). Р.Эванс указывает, что Кларк в 1919 г. был членом Забайкальского ЦИК, однако затем вернулся в Австралию и отошел от политической деятельности.
- ¹⁷Троцкий Л.Д. Историческое подготвление Октября. Часть 2. От Октября до Бреста // URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotl394.htm>
- ¹⁸АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 21.
- ¹⁹Там же. Л. 28.
- ²⁰Там же.
- ²¹Симонов П. Указ. соч. С. 64.
- ²²Троцкий Л.Д. Указ. соч.
- ²³Симонов П. Указ. соч.
- ²⁴АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 21.
- ²⁵Там же.
- ²⁶Evans R. Op. cit. P. 173.
- ²⁷Симонов П. Указ. соч. С. 65.
- ²⁸АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 22.
- ²⁹Там же. Л. 6.
- ³⁰Там же.
- ³¹Там же. Л. 6.
- ³²Там же. Л. 25.
- ³³Симонов П. Указ. соч. С. 65.
- ³⁴АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 8.

- ³⁵П.Ф.Симонов цитировал письма Л.К.Мартенса в своей переписке с Г.В.Чичериным // АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 15.
- ³⁶Там же. Л. 5.
- ³⁷Там же.
- ³⁸Там же. Л. 16.
- ³⁹Там же.
- ⁴⁰Там же. Л. 7.
- ⁴¹Там же. Л. 8.
- ⁴²Там же. Л. 9.
- ⁴³Там же.
- ⁴⁴Там же. Л. 5.
- ⁴⁵Там же. Л. 14.
- ⁴⁶Там же. Л. 26; The Australian. 11.05.1921.
- ⁴⁷АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 4.
- ⁴⁸Там же. Л. 5.
- ⁴⁹Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости // URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/zakrytost.txt>. С. 12.
- ⁵⁰АВП РФ. Фонд 04 (Г.В.Чичерина). Д. 21. Л. 19.
- ⁵¹Там же. Л. 20.
- ⁵²Там же. Л. 10-11.
- ⁵³Там же.
- ⁵⁴Там же. Л. 25.
- ⁵⁵Там же.
- ⁵⁶Australian Dictionary of Biography; *Evans R.* Op. cit. P. 206.

СВИДАНИЯ МОНАРХОВ

Юлия Лунева

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА произошли коренные изменения в международной обстановке. Россия потерпела поражение в войне с Японией, произошла Первая русская революция 1905-1907 годов. На мировой арене позиции России были серьезно ослаблены, что привело к усилению роли Германии в Европейском концерте. Россия перестала являться для Британии грозным соперником в Азии, а Париж был надежным союзником Лондона, однако возрастающая мощь Германской империи становилась все более реальной угрозой для положения Британии как мировой державы. Такая ситуация вынуждала Санкт-Петербург и Лондон искать поддержки друг друга.

Ревельское свидание российского царя Николая II и английского короля Эдуарда VII в 1908 году было признано печатью и общественным мнением Европы событием первостепенной международной важности. Ему предшествовал ряд дружественных англо-французских встреч на высшем уровне. Начались они поездкой премьер-министра Франции Ж.Клемансо на похороны английского премьера Г.Кэмпбелл-Баннермана. В середине мая в Лондон приехал Президент Франции А.Фальер. Его четырехдневное пребывание в столице Англии имело настолько серьезное значение, что, комментируя речи, которыми он обменялся

Юлия Викторовна Лунева - историк, кандидат исторических наук.

с Эдуардом VII, печать останавливалась на вопросе об англо-французском союзе. Обеспокоенность германского императора Вильгельма II усиливалась тем, что король Эдуард VII отложил до весны 1908 года визит в Германию, назначенный на осень 1907 года, и вместо Берлина поехал в Ревель.

Так, например, «Гамбургер нахтрихтен» писала 27 мая 1908 года: «Поездка президента в Англию и короля Эдуарда в Россию заявляют всему миру о том, что удалось, наконец, объединить Францию, Англию и Россию против Тройственного союза (хотя вслух об этом и не говорят), или, точнее, против Германии. Мы должны быть готовыми к войне, и притом на два фронта. С мечом в руке и с верой в нашу счастливую звезду мы будем ждать дальнейшего развития событий»¹.

Эта статья появилась накануне свидания Эдуарда VII с российским государем на Ревельском рейде. Примерно годом ранее министр иностранных дел А.П.Извольский во время заграничного турне встречался с английским королем в Мариенбаде². Уже тогда король выразил надежду, что достигнутое англо-русское согласие послужит отправной точкой для дальнейшего сближения держав и установления между этими двумя странами единства во всех общеполитических вопросах.

Министр иностранных дел Великобритании Э.Грей полагал, что вряд ли возможно рассчитывать на доброе расположение России к Англии без визита короля. Поездка планировалась еще в 1906 году, но в Лондоне сомневались в успешности этой миссии и поэтому отложили ее до более благоприятных времен. Российский министр иностранных дел В.Н.Ламздорф намекнул Грею, что, несмотря на его расположение и желание улучшить отношения с Англией, никакие реальные успехи не будут достигнуты, если царь не приложит к этому руку. Сближения с Англией не будет до тех пор, пока сам король не приедет с ответным визитом. Грей полагал, что если даже политическая ситуация в России не ухудшится, то вряд ли король мог бы навестить царя внутри страны³. Общественное мнение либерально-демократической Англии было против самодержавной России. Наилучшим

вариантом, по мнению Грея, была бы встреча августейших особ на яхтах в круизе по Балтийскому морю, которая стала бы полуофициальным посещением царя, а не государственным визитом.

Россия взяла курс на сближение с Англией. 18 (31) августа 1907 года была заключена англо-российская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета. Согласно договору, Персия была разделена на три зоны: русскую (северную, и наибольшую по площади), нейтральную (к которой относилась часть побережья Персидского залива) и британскую (южную, прикрывавшую подступы к Индии). Афганистан оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая над ним и сохранение существующего порядка внешних сношений Тибета⁴.

Англо-русское соглашение 1907 года, сгладив противоречия двух держав, создало атмосферу большего доверия, которая способствовала развитию экономических связей. Первым признаком возникновения серьезных отношений было получение императорским правительством в Лондоне займа на сумму 100 млн. ф. ст.⁵. В следующем году Эдуард VII и Николай II встретились в Ревеле для того, чтобы закрепить это соглашение.

24 мая 1908 года Э.Грей в Палате общин и 25 мая российское правительство в форме официальной статьи, появившейся в газете «Россия», сочли нужным заявить, что на Ревельском рейде во время встречи короля Эдуарда VII с российским императором не будет создан новый тройственный союз. Грей сделал заявление, что «с русским правительством не происходит никаких переговоров относительно нового договора или конвенции и не предполагается начинать подобные переговоры во время предстоящего свидания»⁶. Однако в заключение своей речи Грей коснулся и внутреннего положения в России и выразил свой оптимистический взгляд на будущее великой расы, силы которой еще в значительной степени не успели развиться и энергия которой еще растет одновременно с ростом у нее новых мыслей и новых сил⁷.

Свидание монархов состоялось 27-28 мая (ст. ст.) на рейде Ревельского порта. Короля сопровождали постоянный помощ-

ник министра иностранных дел Ч.Гардинг, посланник при русском дворе А.Никольсон, первый морской лорд Адмиралтейства Дж.Фишер, генерал-инспектор Вооруженных сил Френч. С русской стороны, кроме Николая II, присутствовали министр иностранных дел А.П.Извольский, премьер-министр П.А.Столыпин и морской министр И.М.Диков. При такой внушительной свите с обеих сторон подразумевались очень серьезные переговоры и, возможно, окончательное оформление англо-русского союза.

Король активно использовал династические связи с Романовыми в своей дипломатической стратегии. Мать Николая II - вдовствующая императрица Мария Федоровна - была младшей сестрой королевы Александры, супруги Эдуарда, а супруга императора Николая Александра Федоровна доводилась родной племянницей британскому монарху.

Великий князь Александр Михайлович, друг и зять Николай II, встречавшийся с Эдуардом VII на курорте в Биаррице, вспоминал: «Король - удивительный человек, с ярко выраженной личностью и большим обаянием... Я в своей жизни знал многих императоров, королей, президентов и премьер-министров, и он всех превосходил ясностью ума и достоинством государственного деятеля... Простота его манер и мягкая доброта, с которой он обращался с самыми мелкими служащими, была совершенно естественной»⁸.

Британское государственное устройство оставляет ограниченное пространство для вмешательства монарха в политические проблемы. Тем не менее Эдуард VII сыграл заметную роль в деле примирения Англии с некоторыми ее старыми соперниками. Обширные связи облегчали королю выполнение дипломатических функций. В числе его друзей не последнее место занимали столпы финансовой олигархии Лондонского Сити. По воспоминаниям Э.Грея, авторитет короля среди его министров был колоссален⁹. Наиболее деликатные переговоры Эдуард VII начинал вести с главой государства или правительства интересующей Англию державы в форме непринужденной беседы, зондирующей почву. Грей выполнял роль связующего звена между министрами и короной и

был в курсе всех международных переговоров. Когда принципиальные положения соглашения были подготовлены, в переговоры вступал статс-секретарь, после чего соглашение одобрялось правительством и приобретало законную силу.

Первоначально императорская семья собиралась плыть по морю и встретиться с Эдуардом VII и его супругой в Ревельском порту. Однако из-за дурной погоды и нездоровья императрицы Александры Федоровны было решено отправиться туда по железной дороге. 27 мая (8 июня) 1908 года в Ревельский порт вошла королевская яхта «Виктория и Альберт», на борту которой находились Эдуард VII и королева Александра с дочерью Викторией. Яхту встретила российская военная эскадра. Затем король и королева перешли на борт императорской яхты «Полярная звезда». По свидетельству начальника императорской канцелярии А.А. Мосолова, Николай II встречал дядю-короля «в форме английской конной гвардии с громадной шапкой из медвежьего меха»¹⁰.

Во время обеда на яхте «Штандарт» царь произнес приветственную речь: «С чувством самого глубокого удовлетворения и удовольствия я приветствую Ваше Величество и Ее Величество королеву в русских водах, - заявил он. - Я убежден, что это свидание является новым подтверждением многочисленных и прочных уз, соединяющих оба наши дома, будет иметь счастливым последствием еще более тесное сближение обеих наших стран и способствовать поддержанию мира. В течение минувшего года нашими правительствами было улажено, к общему удовлетворению, несколько вопросов, одинаково важных для России и для Англии. Я уверен, Ваше Величество ценит столь же высоко, как и я, значение этих соглашений, ибо, несмотря на их ограниченную область, они не могут не содействовать распространению среди наших двух стран чувства взаимного доброжелательства и доверия. Пью за здоровье Вашего Величества, Ее Величества королевы и процветания королевской семьи и британской нации»¹¹.

Тонкий политик король Эдуард VII не только прекрасно понял, но и оттенил то деликатное положение, в котором он очутился в момент, когда, соразмеряя чувства английского народа и

международной конъюнктуры, поднял ответный бокал на торжественном обеде.

«Сердечным образом благодарю Ваше Величество от имени королевы и своего, - сказал Эдуард VII, - за радушный прием, оказанный нам в Балтийских водах, и за дружественные слова. Я сердечным образом присоединяюсь к каждому слову, произнесенному Вашим Величеством, относительно соглашения, недавно заключенного между нашими двумя правительствами. Я думаю, что оно послужит еще большему укреплению уз, связующих народы наших двух стран, и я уверен, что оно поведет к успешному и дружественному разрешению некоторых важных вопросов в будущем. Я убежден, что оно не только еще теснее сблизит наши страны, но будет также содействовать в значительной степени поддержанию всеобщего мира»¹². В тостях, которыми обменялись суверены, прозвучала высокая оценка англо-русской конвенции 1907 года.

Во второй день свидания Николай II нанес ответный визит на яхту «Виктория и Альберт». Будучи конституционным монархом и, по существу, не имея реальной власти в стране, Эдуард VII, используя личное влияние, дипломатические способности и обширные связи, сделал многое для российско-британского сближения. Российского императора он назначил адмиралом британского флота, после чего царь появился в адмиральской форме.

Николай II не ожидал такой чести и в тот же вечер написал в своем дневнике: «День был чудесный, и меня назначили адмиралом британского флота»¹³. Нельзя не отметить, что визит британского монарха был совершен в то время, когда царский режим подвергался в Великобритании жесточайшей критике, а самого Николая II после подавления революции 1905-1907 годов считали тираном. Английское правительство было недовольно присвоением русскому царю звания адмирала британского флота и выразило протест королю. Эдуард VII передал свой комментарий через адмирала Фишера: «Это - хорошее дело, у нас есть король, который знает, как действовать, поскольку члены кабинета министров кажутся мне всегда подобными пуганым кроликам!»¹⁴. В тот же день

Николай II съездил на крейсер британского эскорта «Минотавр» и поверхностно осмотрел его. Посетив «Минотавр», царь спросил А.А.Мосолова, нет ли у него подходящего подарка для офицерской кают-компания. У того случайно оказался жбан из чеканного серебра в русском стиле. Его тут же послали на «Минотавр» в качестве первого подарка нового адмирала британского флота¹⁵.

В тот же день в 8.30 вечера император с супругой поехали к парадному обеду на яхту «Виктория и Альберт», и российский император в ответ просил короля сделать честь и стать адмиралом «нашего молодого и растущего флота». Поскольку король тепло принял это назначение, орудие яхты императора приветствовало нового российского адмирала.

Сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Это было событие огромного исторического значения. Оно ознаменовало новый союз с Англией... Мы были уверены, что наконец-то родственные узы между обоими Царствующими домами станут способствовать лучшему пониманию и народов двух держав»¹⁶.

После аудиенции монархов подали чай и заиграл оркестр. Сэр Дж. Фишер первым пошел танцевать с великой княжной Ольгой. Все важные персоны царской свиты получили вместо наград подарки, которые король вручил лично.

Деловые переговоры велись между сопровождавшими монархов лицами, прежде всего Извольским и Гардингом. О помощнике британского статс-секретаря еще в 1890 году наставник цесаревича Николая К.П.Победоносцев отзывался как о талантливом дипломате: «Чарльз Гардинг - очень способный молодой человек, после Оксфорда, начавший свою карьеру в Петербурге, при английском посольстве. Он довольно часто бывал у меня. Ему предстоит блестящая карьера в дипломатии. Способность его к изучению языков - замечательная. Из Петербурга он объехал значительную часть России до Средней Азии и внимательно ко всему присматривался. Это истинный тип англичанина, умный, ловкий, всегда с задней мыслью об Англии. Не думаю, чтобы он относился к России сочувственно»¹⁷.

Гардинг заверил Извольского, что с его стороны не было сделано ни малейшей попытки сойти с почвы существующего между Россией и Англией конкретного соглашения и завлечь в область общеполитических комбинаций. Британский государственный деятель высказал в одной из бесед Извольскому, что «лондонский Кабинет вполне разделяет наше мнение, что ревельское свидание не должно внушать ни малейшего беспокойства другим державам; что касается специально до Германии, то британское правительство самым искренним образом желает поддерживать с нею наилучшие отношения и не предвидит в ближайшем будущем никаких поводов к обострению англо-германских отношений»¹⁸.

В конфиденциальном письме императорскому послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу от 5 июня 1908 года Извольский писал, что, по мнению Гардинга, «нельзя закрывать глаза на то, что если Германия будет продолжать тем же темпом увеличивать свои морские вооружения, то через семь или восемь лет в Европе может наступить весьма тревожное и натянутое положение; тогда арбитром положения, несомненно, станет Россия, и вот почему в интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть Русское государство как можно более сильным и на суше, и на море»¹⁹. Эту мысль Ч.Гардинг повторил несколько раз, как бы давая понять, что он выражает не личное свое мнение, а определенные политические убеждения лондонского кабинета. С этой целью было совершенно необходимо, чтобы Англия и Россия поддерживали друг с другом такие же сердечные и дружественные отношения, какие сложились между Англией и Францией.

Адмирал Фишер убеждал Столыпина увеличить русские вооруженные силы на западной границе, против Германии. Столыпин спросил его: «В чем же, по Вашему мнению, мы больше всего нуждаемся?» Фишер в воспоминаниях писал: «Он думал, что я ему отвечу: столько-то броненосцев, столько-то крейсеров и т. д., но я вместо этого сказал: «На ваших западных границах нет войск, и ваши склады пусты - наполните эти склады, а затем принимайтесь за флот»²⁰. Посмотрите заключение секретного доклада Куропат-

кина: «Основа безопасности России лежит на ее западных границах»²¹. Несмотря на доверительное обсуждение общеполитической ситуации и возможной войны с Германией, переговоров о заключении военного соглашения между Россией и Англией не было.

Ревельское свидание касалось главным образом вопросов о реформах в Македонии, политике Англии и России в Персии и Афганистане, Крите, о проекте балканской железной дороги. Англией был поднят вопрос о соединении российских железных дорог с англо-индийскими через Персию с целью подорвать значение германской Багдадской магистрали. Гардинг внес на обсуждение проект постройки такой линии от российских кавказских границ до Персидского залива, причем России досталась бы в концессию часть железной дороги, проходящей через ее сферу влияния, а Англии - вся остальная. Такой план был невыгоден России ни с точки зрения направления дороги, ни с точки зрения распределения контроля²².

Совместный план македонских реформ Извольского и Гардинга предусматривал возможность введения иностранных войск в Македонию с целью поддержания «порядка» и установления там особого статуса управления под контролем европейских держав²³.

Ревельское свидание вызвало у султана Абдул-Гамида II большую тревогу. Турция при поддержке Германии подписала военную конвенцию с Австро-Венгрией²⁴. Младотурецкая революция в июле 1908 года перечеркнула все планы македонских реформ и аннулировала военную конвенцию. Британское Министерство иностранных дел заявило, что реформы в Македонии не нужны ввиду установления в Турции конституционного режима. Эту точку зрения поддержало и Министерство иностранных дел России²⁵. Даже сам факт возникновения движения «Единение и прогресс» за введение в Турции конституционного правления ставится некоторыми историками в связь с состоявшимся в июне того же года в Ревеле свиданием Эдуарда VII с Николаем II²⁶.

Интересен тот факт, что Грей в своих мемуарах объясняет читателю, что ревельское свидание не имело того значения, которое в нем усмотрел Вильгельм II. Британский министр приводит полный

отчет Гардинга о ревельском свидании, из которого следовало, что Англия не предпринимала попыток создать враждебную Германии коалицию держав. В отчете сообщалось, что Извольского беспокоил вопрос о судьбе статуса Датских проливов, в которых Россия была крайне заинтересована. Гардинг высказал точку зрения, что проливы входят в область соглашений о Северном море, но не старался навязать ее собеседнику и обещал России поддержку своей страны в вопросе об оставлении проливов открытыми²⁷.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что в Ревеле вновь встал вопрос о Черноморских проливах. Мы, к сожалению, не располагаем конкретными сведениями о заявлениях британских дипломатов по этому сюжету, но, очевидно, они были сделаны, так как разговоры об этом велись в российских государственных сферах²⁸.

Ввиду этого приходится ссылаться лишь на некоторую косвенную информацию по вопросу о Черноморских проливах. Такого рода материалом является дневник члена Государственного совета А.А.Половцева. По неофициальным данным, циркулировавшим в близких к правительству кругах Петербурга, от британского правительства во время этого свидания удалось добиться подтверждения данного ранее устного обещания содействовать России в некоторых вопросах. В своем дневнике Половцев писал: «В Совете говорят, что при свидании двух монархов Эдуард обещал нашему императору: 1) добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы; 2) устроить приобретение для нашего флота угольной станции в Тихом океане; 3) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги»²⁹. Вполне возможно, что «великодушный» король обещал новому адмиралу британского флота Николаю II, что Англия не станет противиться в будущем пересмотру режима проливов. Иначе как с позиций здравого смысла можно объяснить тот факт, что в начале Боснийского кризиса 1908-1909 годов, когда общественное мнение России и ряда стран Европы было направлено против аннексии Боснии и Герцеговины, Извольский направился в Лондон, чтобы получить одобрение Англии на проход российских военных кораблей через проливы.

Ревельские переговоры проходили в большой тайне, и для того чтобы не допустить преувеличенных толкований газетами результатов этих переговоров, Извольским и Гардингом была составлена общая заметка, которая и появилась в форме телеграммы Петербургского телеграфного агентства в русских газетах и в виде корреспонденции из Ревеля в газетах «The Times» и «Le Matin».

Совершенно очевидно, что Эдуард VII оказался в тот момент прозорливее многих британских политиков, четко осознавая те выгоды, которые Англия могла извлечь из превращения России в своего геополитического союзника. Британский парламент не мог возражать против частной встречи короля с родственниками, но против нанесения официального визита раздавались недовольные голоса. По всей стране региональные отделения Лейбористской (рабочей) партии устраивали митинги и направляли враждебные письма в российское посольство в Лондоне³⁰.

Накануне официальной встречи английского короля и российского императора в Палате общин разразилась буря. Лейбористы и часть либералов рассматривали царский режим как диктаторский и выступали против любых контактов с Николаем II. Лидер рабочей партии К.Гарди напомнил о кровавой расправе 9 января 1905 года, последовавших избиениях и погромах, заключении в тюрьму и ссылке в Сибирь большинства либеральных членов Первой Думы, о массе смертных казней и других ужасных событиях. «Для нас, народа, любящего свободу, - закончил речь Гарди, - немыслимо поддерживать близкие отношения с русским правительством при таких условиях. Чтобы избежать позора и унижения, нужно или отказаться от предстоящего визита, или не придавать ему официальный характер»³¹. Он отразил истинную позицию англичан, что они не против международных соглашений, но их волнует визит короля, который не одобряет народ. Затем оратор обвинил Кабинет в заговоре, спросив, сам ли король решил ехать или его заставили сделать это³².

Особый интерес для нас представляет, что Гарди подвел отношения России и Великобритании к экономической подоплеке. Он отметил, что Россия после Русско-японской войны была практиче-

ски банкротом и Дума была создана лишь для того, чтобы получить заем в 90 млн. ф. ст. на английском или французском рынках. «В настоящий момент Россия, - сообщал оратор, - также нуждается в деньгах и займах, и новый заем в 1 млн. фунтов может быть осуществлен в том случае, если король поедет в Россию»³³. Накануне визита финансовые магнаты Сити впервые заговорили о российских ценных бумагах, которые возросли в цене на 3,5%. Процент Английскому банку от займа составит 4,5 млн. ф. ст. «Возросшее доверие к России, вследствие визита короля, обеспечит новый заем, который положит миллионы в карманы тех, чья власть сегодня больше власти королей, царей и императоров», - заключил в своей речи Гарди³⁴.

Выступавший за ним Мак Нейл доказывал, что официальная поездка короля к иностранному монарху, без сопровождения статс-секретаря, составляла бы нарушение Конституции. На это заявление Грей ответил, что если статс-секретарь в отпуске или за рубежом, то его заменяет помощник³⁵. Сэр Герберт, состоявший некоторое время военным атташе в Петербурге, объяснил, что в России происходит борьба не между царской властью и народом, а между демократией и бюрократией; царскую власть уважают одинаково все классы населения, и отказ англичан поддерживать дружбу с Россией был бы принят народом как оскорбление.

В ответ на разнообразные заявления Э.Грей сказал, что Палата имеет право требовать, чтобы Кабинет сохранял за собой ответственность за официальные акты короля, и по отношению к королевской поездке в Россию этот принцип ответственности соблюдается в полной мере. Никаких переговоров о новом трактате или новой конвенции с Россией не предполагалось, и никакой инициативы в этом смысле не было предпринято во время визита³⁶. Министр привел убедительное доказательство, что Англия приобрела значительные выгоды от конвенции с Россией, которую было очень тяжело заключить. «Мы добились своей цели: мы заключили конвенцию, все остальное - и визит короля, и нападки на конвенцию - не имеет значения», - подытожил оратор³⁷. Грей характеризовал царя как миротворца, который выступал

инициатором двух мирных конференций в Гааге 1899 и 1907 годов. Статс-секретарь упомянул о крайне революционных партиях и беспорядках в России, которые анархисты устраивали для того, чтобы Россия не получила заем за рубежом и не восстановила свою экономику.

В заключение речи дипломат выразил основное направление проводимой им внешней политики: «Наше дело - это следовать нашим собственным курсом через соглашения к миру, без внимания к любым обсуждениям подобного рода». Грей стоял за политику соглашений, и он категорически заявил, что если бы Палата отвергла эту политику, он тотчас же вышел бы в отставку. Ожесточенный спор шел между рабочей партией и правительством, в итоге Палата большинством в 225 голосов против 59 отклонила предложение рабочей партии³⁸.

Не только в Англии, но и в России не возлагали больших надежд на визит Эдуарда VII. Российская пресса писала о ревельском свидании весьма сдержанно. «Германия может успокоиться - союз этот не образовался; но она, конечно, учтет тот неприятный для нее факт, что кончилась немецкая монополия на русскую дружбу»³⁹.

Примерно такие же объяснения получил от Извольского и Столыпина беседовавший с ними корреспондент «Таймс»⁴⁰. Министр иностранных дел отметил, что планируемый визит Фальера в Россию послужит укреплению союза с Францией, в котором заинтересовано императорское правительство. Столыпин высказался, что соглашение между империями являлось необходимым элементом европейского равновесия и что Россия будет поддерживать традиционно дружественные отношения с Германией. Однако германский император Вильгельм II был уверен, что не только любовь к путешествиям и желание навестить родственников устремили корабли Эдуарда VII в Россию. Общее мнение Германии характернее всего выразила газета «Берлинер тагеблат», заявившая, что если и нет повода сомневаться в миролюбивой окраске свидания, то вопрос, однако, в том, какое место отводится в рамках этого гарантированного мира германской политике? «Только слепой не заметит, что англо-русское соглаше-

ние отнюдь не усиливает влияния Германии на ход международной политики»⁴¹ - меланхолически замечала газета.

Во время ревельского свидания у сторон не возникло желания создать более тесную англо-русскую комбинацию, направленную против Германии, и Извольский уверял, что это свидание никоим образом не являлось недружелюбным по отношению к Берлину актом. Однако оно заставило также Вильгельма II еще решительнее отказаться обсудить совместно с Англией вопрос об ограничении германской морской программы, когда Гардинг предложил это непосредственно кайзеру во время визита короля Эдуарда VII в Кронберг 11 августа 1908 года.

ВИЗИТ НИКОЛАЯ II В КОУЗ

Посещение российским императором Великобритании требовало особой подготовки британского общественного мнения и было отложено из-за возникшего осенью 1908 года международного конфликта на Балканском полуострове. Австро-Венгрия стремилась установить свой контроль над западной частью Балканского полуострова и прочно обосноваться на Адриатическом побережье. Министру иностранных дел Австро-Венгрии А.Эренталю удалось убедить Извольского не противиться аннексии Боснии и Герцеговины в обмен на согласие Вены пересмотреть режим Черноморских проливов в благоприятном для России смысле.

Во время дипломатического турне по европейским столицам Извольский не встретил поддержки ни в Париже, ни в Лондоне, хотя и предупреждал Грея, что без проливов ему нельзя возвращаться в Санкт-Петербург и что он лишится портфеля министра. «Эдуард VII, - вспоминал П.Н.Милюков, - не желая испортить впечатления Ревеля, убеждал Грея уступить, но Грей был тверд и Извольский вернулся с пустыми руками»⁴². В воспоминаниях Милюкова мы находим еще одно косвенное подтверждение, что монархами в Ревеле обсуждался вопрос Черноморских проливов.

Военный агент в Лондоне Н.С.Ермолов докладывал в Главный штаб, что «уже ко времени ревельского свидания у Великобритании было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907 году, и, быть может, заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции на случай войны с Германией. Я думаю, что такое желание продолжается у англичан и теперь»⁴³. Ермолов задавал себе вопрос: «Если бы такая конвенция была заключена, не сильнее бы мы оказались перед лицом Босне-Герцеговинского кризиса, поддержанного Германией»⁴⁴.

Сближение России с Англией встречало много трудностей вследствие принципиальной антипатии англичан к российскому самодержавию. Британцы не верили в Конституцию, которая уживалась с административным произволом, всеобщим бесправием и практикой военной судебной расправы. В июне 1909 года делегация Государственной думы и Государственного совета в составе представителей всех фракций от умеренно правых до кадетов во главе с председателем Думы октябристом Н.А.Хомяковым посетила Англию, а затем Францию. Главной целью поездки было подготовить общественное мнение стран-союзниц по Антанте к посещению их Николаем II. Конечно, поездка российских депутатов в Англию очистила путь к более тесному политическому сближению обеих стран. Благотворное значение этой поездки для интересов англо-российской дружбы торжественно признано королем Эдуардом VII на свидании монархов в Коузе.

На заседании Палаты общин 22 июля Э.Грей вынужден был защищать русское правительство от возводимых на него обвинений. «Нам нет дела до того, - говорил он, между прочим, - что происходит внутри иностранного государства, где мы не признаем за собой никакого права контроля или вмешательства»⁴⁵. Министр также сослался на заявление находившихся недавно в Англии членов Государственной думы. «Из этих заявлений видно, что в России действительно введена Конституция, если в последнюю верят сами русские, то спорить с ними по этому пункту было бы странно и бесполезно со стороны англичан», - заключал Э.Грей⁴⁶.

Он защищал миролюбивую политику России на Балканах и затем перешел к посещению императором Николаем II Англии.

Грей апеллировал к здравому смыслу палат и заявлял от имени правительства: «Мы встретим царя как главу великого государства, с правительством и народом которого желаем находиться в дружественных отношениях»⁴⁷.

20-23 июля (ст. ст.) 1909 года Николай II и императрица Александра с детьми посетили Великобританию и были приняты как дорогие гости.

В понедельник (20 июля) в 10 часов утра российский посол в Лондоне граф А.К.Бенкендорф с дочерью и русский военный агент Н.С.Ермолов в парадной форме сели на королевскую яхту для сопровождения их величеств в Спитгед. «Завтрак прошел очень торжественно, но без речей, - вспоминал Саблин. Эдуард VII пребывал в отличном расположении духа и мило шутил»⁴⁸.

Королевская яхта на борту с императорской семьей в сопровождении трех новых английских линкоров вышла из Спитгеда и проследовала в Коуз. Августейшим гостям продемонстрировали мощь британского флота в составе 24 линкоров, 16 броненосных крейсеров, 7 дредноутов и других военных кораблей. На мостике королевской яхты стояли и оживленно беседовали Эдуард VII и Николай II. Парад произвел на царя, по его собственным словам, «глубокое впечатление». «На общем протяжении 18 миль стоял английский флот в пяти линиях. Всех судов было 150 с подводными лодками и вспомогательными судами. Обошли три средние колонны больших кораблей», - записал в своем дневнике вечером 20 июля российский император⁴⁹.

На торжественном обеде на 44 персоны король произнес речь. «Ваше Величество! Сердечный и дружественный прием, оказанный королеве и мне в минувшем году в Ревеле, не забыт нами, и я горжусь тем, что могу приветствовать Ваше Величество в английских водах, и моя дорогая племянница не является чужой в Англии, в частности на острове Уайт. Я уверен, что вы припомните те года, когда обеих вас принимала здесь моя возлюбленная мать. Я рад, что Ваше Величество имели случай увидеть самый могущественный и сильный флот, из всех когда-либо собиравшихся. Но я уверен, что Ваше Величество будет смотреть на эти

суда не как на символы войны, а как на защиту нашего побережья, нашей торговли и что выше всего - как на средство для поддержания интересов мира. Я в этом году имел случай принимать представителей Государственной думы, и не нужно говорить, какое удовольствие это доставило мне и королеве. Затем я должен поблагодарить Ваше Величество за Ваш приезд и выразить Вам то великое удовольствие, которое королева и я испытываем, принимая вас»⁵⁰.

Ответная речь Николая II была не менее проникновенной. «Мне доставляет большое удовольствие выразить мою сердечную признательность за любезные слова, которыми Ваше Величество было угодно приветствовать Императрицу и меня в Британских водах. Великолепный смотр, на котором я присутствовал, является полным свидетельством величия Англии. Величественное зрелище флотов внутренних вод и Атлантического произвело глубокое впечатление на меня. 15 лет прошло с того времени, когда я в последний раз был в Коузе. Я всегда храню в памяти счастливые дни, проведенные с вашей возлюбленной и чтимой матерью, королевой Викторией, и любовь, которую она проявила по отношению ко мне как к внуку. Дружественный прием, оказанный Вашим Величеством и вашим народом членам Государственной думы, а также зимою моей эскадре, да будет залогом роста сердечных отношений между нашими странами, основанных на общих интересах взаимного уважения. Твердо уверен, что эти желания осуществляются. Пью за здоровье Вашего Величества, Ее Величества королевы и королевской семьи и за процветание Британской империи»⁵¹.

Знаменательные фразы, которыми обменялись император и король относительно посещения Англии членами Государственной думы, имели особое значение. Большинство иностранных и российских газет и журналов заметили в этих словах, впервые раздавшихся в такой форме и при таких чрезвычайных обстоятельствах, признание в России конституционного образа правления.

На следующий день, 21 июля, Николай II на борту своей яхты принимал Э.Грея. Император отметил глубокое удовлетворение ито-

гами англо-русской конвенции в Персии, хотя и не выразил желания заключить новое соглашение, которое бы теснее связало державы⁵². В Персии торговые интересы России преобладали над интересами других держав, но, несмотря на это, обороты российской торговли были относительно невелики. На первый план выдвигались политические аспекты, которые требовали полного невмешательства во внутреннюю жизнь Персии, за исключением случаев необходимой самообороны. В Персидском заливе русская торговля была столь незначительной, что не требовала политической поддержки.

Согласно англо-русской конвенции о разделении сфер влияния в Персии, российская торговля была сосредоточена в северных и северо-западных областях, торгово-разделительная линия с Англией проходила несколько южнее Исфагани. В 1906-1907 годах из общемирового ввоза товаров (86 млн. руб.) на Россию приходилось 44 млн. руб. (57%), на Англию и Индию 126 миллионов (16%), на остальные страны 22,5-27%⁵³.

Строительство Германией Багдадской железной дороги всерьез обеспокоило российское и британское правительства. «Когда Германия достроит дорогу, то линия от Багдада через Хамад откроет доступ к Тегерану и в северо-западную Персию, а через Кувейт - в Аравию и к побережью Персидского залива»⁵⁴. Экспорт и импорт России с Персией составлял около 160 млн. рублей, и при отсутствии у Германии политических интересов российское правительство отнеслось бы спокойно к появлению немецких товаров в Персии. «Но за немецкими товарами выступает политическое влияние самой Германии, к этому уже нельзя отнести также равнодушно, и вопрос об окончании Багдадской дороги становится гораздо острее»⁵⁵.

Британская дипломатия подняла деликатный вопрос о выводе русских войск из Персии, хотя стремилась не обострять его. Грей фактически соглашался на продолжение русского военного присутствия в замаскированной форме (усиление конвоев). Он обещал также поддержать в Тегеране требования России о гарантии ее интересов в Северной Персии⁵⁶.

За час беседы британский статс-секретарь и российский император успели обсудить не только персидский вопрос, Крит,

последствия Боснийского кризиса и балканские дела, но и отношения России и Англии к Германии. Грей заявил, что «ничто не может быть более беспочвенным, чем подозрения, что мы желаем внести раздор между Германией и другими странами»⁵⁷.

В тот же день Извольский дал интервью «Дейли телеграф», в котором отметил, что «Персия является наглядным доказательством выгод англо-русского соглашения. Россия и Англия научились относиться с доверием к Персии и могут ныне обратить свое внимание на защиту своих интересов в этой стране, которая ничуть не является препятствием на пути национальной политики Персии и ее политического развития. Присутствие русских войск спасло Тегеран и Тебриз от разгрома»⁵⁸. Извольский заявил, что правительство желало бы отозвать войска как можно скорее и сделать это немедленно, после того как порядок будет восстановлен, когда в Персии будут назначены правители, способные оказать должное противодействие нарушителям порядка.

После утренних аудиенций венценосные гости отправились в Осборн. «В 3 часа съехали на берег на моторах и отправились в Осборн. Осмотрели вновь устроенный морской корпус. Затем дворец покойной королевы, где я жил 15 лет назад, там устроен санаторий для офицеров», - писал в дневнике Николай II⁵⁹. «Император был очень весел и приятен, но императрица была возбуждена и грустна. С ними был царевич, веселый маленький мальчик, который не принял авансы и не стал играть с королем Эдуардом. Дети императора с радостью играли на берегу и купили художественные открытки», - отмечал в частном письме Бенкендорф⁶⁰.

Утром следующего дня на Спитгедском рейде в высочайшем присутствии состоялись гонки королевского яхт-клуба на приз королевского кубка. Николай II встречался с моряками. Император также принимал депутатов с адресами из Лондонского Сити, торговой палаты Ливерпуля и Портсмута.

Следует отметить, что Англия была заинтересована во внешней торговле с Россией. Британская газета «Стандарт», указывая на дружбу держав, писала: «Англии нужны сырые материалы для ее фабричного производства. Россия со своими лесными и мине-

ральными богатствами могла бы выбрасывать на английский рынок бесчисленное количество этих материалов, если бы ее естественные богатства полностью эксплуатировались»⁶¹.

Визит российского монарха свидетельствовал о стабильности англо-российских отношений после Боснийского кризиса. К встрече глав государств в Коузе державы Тройственного союза отнеслись намного спокойнее, чем к ревельскому свиданию 1908 года. На яхте «Штандарт» у кайзера был свой соглядатай: германский морской агент в Петербурге капитан Гинце. «Так что кайзер, - как писал Н.В.Саблин, - имел и тут свой глаз и ухо. Англичане и наша свита были недовольны его присутствием»⁶².

Вильгельм II, по-видимому, понял, что родственные связи и дружба Николая II с Эдуардом VII не являются залогом полного взаимопонимания и нового военно-политического союза России и Англии. Саблин в своем дневнике так подвел итог свидания императоров: «Правду сказать, это свидание было совсем особенное, опять очень родственное, а по последовавшему политическому соглашению - одно из самых знаменательных и значительных. Хотя, может быть, оно привело к мировой катастрофе и всем теперешним несчастьям не только нас, русских, но и всей Европы»⁶³.

¹Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 2-я газетная экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 467. Д. 482. Л. 12-14.

²АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 712/771. Л. 37.

³*Grey E. Twenty Five Years. L., 1925. Vol. 1. P. 196-198.*

⁴Сборник договоров России с другими государствами М., 1952. С. 386-394.; Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 19-24.

⁵*Parliamentary Debates (далее - P.D.). Ser. IV. Vol. 190. P. 259.*

⁶*Ibid.*

⁷*Ibid.*

⁸Великий князь Александр Михайлович. Париж, 1933. С. 189.

⁹*Grey E. Op. cit. P. 196.*

¹⁰*Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1992. С. 217-218.*

- ¹¹ Полные тексты приветственной речи Николая II и Эдуарда VII на английском и русском языках // Газета «Речь». 1908. 28 мая.
- ¹² Там же.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 252. Дневники Николая II. 1908. Л. 137-144.
- ¹⁴ *Lee S. King Edward VII. L., 1925. P. 210.*
- ¹⁵ *Мосолов А.А. Указ. соч. С. 219.*
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
- ¹⁷ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 51.
- ¹⁸ *Grey E. Op. cit. P. 202-209.* Э.Грей в книге своих воспоминаний публикует полный отчет Гардинга о визите короля в Ревель.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 275/276. Всеподданнейший доклад Извольского от 3 июня 1908 г. Л. 13-16.
- ²⁰ *Lord Fisher. Memories by Admiral of the Fleet Lord Fisher. L., N. Y., 1919. P. 187, 237.*
- ²¹ Ibid.
- ²² *Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907-1914. М., 2000. С. 69-70.*
- ²³ *Grey E. Op. cit. P. 202-209.*
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 559. Извольский. Оп. 1. Д. 39. Л. 88.
- ²⁵ Турецкая революция // Красный архив. 1930. №6. С. 7-12.
- ²⁶ *Покровский М.Н. Империалистская война. М., 1934. С. 126.*
- ²⁷ *Grey E. Op. cit.*
- ²⁸ Дневник А.А.Половцева // Красный архив. 1923. №4. С. 127-128. (Ни циркулярное письмо Извольского от 5 июня 1908 г., ни доклад Гардинга о ревельском свидании, приведенный в V томе публикации британских дипломатических документов, не содержат никаких материалов насчет того, обсуждался ли во время ревельского свидания вопрос о проливах).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 2. Д. 1330. Л. 36.
- ³¹ P.D...
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. P. 241.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Речь. 1908. 31 мая.
- ⁴⁰ Times. May 31, 1908.

- ⁴¹АВПРИ. Ф. 2-я газетная экспедиция. Оп. 467. Д. 483. Л. 109.
- ⁴²Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 2001. С. 376.
- ⁴³РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Ермолова - А.З.Мышлаевскому от 15(28) апреля 1909 г. Л. 259.
- ⁴⁴Там же.
- ⁴⁵Times. July 23, 1908.
- ⁴⁶Ibid.
- ⁴⁷Ibid.
- ⁴⁸Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 154.
- ⁴⁹ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 252. Дневник Николая II. 1908. Л. 78.
- ⁵⁰Речь. 1908. 22 июля.
- ⁵¹Там же.
- ⁵²British Documents on the Origins of the War 1898-1914 (далее - В.Д.). Vol. 6. Memorandum by Sir E.Grey. August 6, 1909. L., 1933. P. 37-40.
- ⁵³Федоров М.П. Реальные основы современной политики. СПб., 1909. С. 130.
- ⁵⁴Там же.
- ⁵⁵Там же. С. 136.
- ⁵⁶В.Д...
- ⁵⁷Ibid.
- ⁵⁸Daily Telegraph. 1908. Aug. 5.
- ⁵⁹ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 254. Дневник Николая II. 1909. Л. 78.
- ⁶⁰АВПРИ. Ф. 340. Личный фонд М.Н.Ону. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.
- ⁶¹Цит. по: Речь. 1909. 23 июля.
- ⁶²Саблин Н.В. Указ. соч. С. 155.
- ⁶³Там же. С. 159.

ДЕ ГОЛЛЬ В МОСКВЕ

Игорь Селиванов

К ЛИЧНОСТИ, политической деятельности и идейному наследию основателя Пятой республики Шарля де Голля (1890-1970 гг.) в современной России проявляется значительный интерес. В последние годы на русском языке был переиздан ряд его произведений¹ и биографий², защищено несколько диссертаций³, в которых исследуются различные стороны внутренней и внешней политики Франции в период его нахождения у власти.

Тем не менее до сих пор в изучении голлизма, прежде всего его международной политики, имеется ряд проблем, связанных с вводом в научный оборот новых исторических источников. Если во Франции - благодаря выходу в 70-х годах XX века собрания речей и посланий де Голля, а позднее его писем и записок, воспоминаний соратников - внешнеполитическая составляющая голлистской политики имеет солидную основу, то в Советском Союзе, а теперь в современной России, по разным причинам многие документы, в частности по истории советско-французских отношений в 60-х годах XX века, связанных с именем де Голля, остаются недоступными не только для общественности, но и для исследователей. Например, это

Игорь Николаевич Селиванов - заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета, профессор, доктор исторических наук.

касается истории подготовки и проведения летом 1966 года официального визита Президента Ш. де Голля в Советский Союз, до недавнего времени освещавшегося на основе материалов, опубликованных во Франции и представлявших «французский взгляд» на это важное историческое событие⁴. Тем более что многие авторитетные исследователи этого периода новейшей истории небезосновательно считают, что именно 1966 год служит датой, с которой можно отмечать начало эпохи разрядки⁵.

Ситуацию могло несколько исправить издание воспоминаний советских участников тех событий, но в немногочисленных опубликованных на сегодняшний день мемуарах советских участников переговоров с де Голлем описание происходившего достаточно схематично⁶. Даже в одной из последних по времени написания «российских» биографий Ш. де Голля, автором которой является М.Ц.Арзаканян, при исторической реконструкции визита Ш. де Голля в СССР были привлечены прежде всего воспоминания самого де Голля и сопровождавших его в поездке сына Филиппа и личного секретаря Ф.Флоика⁷.

В настоящей статье на основании материалов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), предпринята попытка, спустя более 45 лет после исторической поездки де Голля в Советский Союз, частично восполнить этот пробел и познакомить читателей с основным содержанием некоторых ранее секретных документов, относящихся к этому визиту.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению самих документов, стоит хотя бы кратко остановиться на событиях, предшествовавших визиту. Это была уже вторая его поездка в Советский Союз. Первая состоялась в конце 1944 года, когда де Голль, будучи главой Временного правительства Франции, от имени своей страны подписал в Москве договор о союзе. В ходе того визита состоялись продолжительные беседы Ш. де Голля с И.В.Сталиным⁸. В те времена в СССР в отношении личности де Голля сформировалась в целом позитивная оценка. После ухода де Голля от руководства государством, во многом в угоду французским коммунистам, оспаривавшим у сторонников генерала право называться «главной силой» французского движения

Сопротивления фашизму, в Советском Союзе началась пропагандистская кампания по дискредитации де Голля как политика, продолжавшаяся и после его вторичного возвращения к власти в 1958 году. Обстановка несколько разрядилась после официального визита Н.С.Хрущева во Францию летом 1960 года⁹, но в целом негативные оценки его деятельности сохранились в советской внешнеполитической пропаганде вплоть до окончания войны в Алжире и начала критики французским руководством американской политики в отношении государств Индокитая*.

После отстранения Н.С.Хрущева от власти новое советское руководство стало искать возможность укрепления своих позиций в мире за счет так называемых «межимпериалистических противоречий», и де Голль со своей концепцией «возрождения величия Франции» за счет ослабления влияния США в мире и заключения нового союза с Россией** в рамках выдвинутой им концепции единой Европы от Атлантики до Урала оказался как нельзя кстати.

В 1965 году состоялись визиты в Париж министра иностранных дел СССР А.А.Громыко и в Москву его французского визави М.Кув де Мюрвиля, ставшие прологом к визиту де Голля в СССР***.

Накануне своего визита, в феврале 1966 года, де Голль объявил о выходе Франции из военной организации НАТО, штаб-квартира которой вскоре из Парижа вынуждена была перебазироваться в столицу соседней Бельгии - Брюссель. Это обстоятельство не могло не сказаться на подготовке советской стороны к визиту Президента Франции, которого в Москве уже не рассматривали в качестве лидера враждебно настроенного государства (как это было, например, во время визита Н.С.Хрущева во Францию

**Еще в 1963 г. в Советском Союзе была издана книга одного из главных идеологов ФКП Ж.Дюкло «Голлизм, технократия, корпоративизм» с резкой критикой установившегося во Франции «режима личной власти» де Голля.*

***Именно так принципиально в тот период Ш. де Голль называл Советский Союз.*

****Окончательную точку в этом вопросе поставили итоги второго тура президентских выборов (декабрь 1965 г.), в котором де Голль был переизбран на второй семилетний срок.*

в 1960 г.), а считали чуть ли не потенциальным союзником по многим принципиальным для СССР международным вопросам.

Первую группу рассекреченных на сегодняшний день архивных материалов составляют документы, связанные с подготовкой советской стороны к этому визиту. Несомненный интерес в этой группе представляют материалы МИД СССР, оформленные в виде памятки для тех лиц из руководства СССР, которые должны были принимать участие в переговорах с французской делегацией. В первую очередь это была так называемая «тройка»¹⁰: Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин и Председатель Президиума Верховного Совета Николай Викторович Подгорный. Кроме того, координатором по главным международным вопросам выступал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко*.

Первая памятка сотрудниками МИД СССР, привлеченными к подготовке визита французского президента, была подготовлена 13 апреля 1966 года и имела рабочее название «О политике Франции в отношении развивающихся стран в вопросах, которые возникают в связи с этими отношениями между СССР и Францией (материал к беседам с де Голлем)»¹¹.

**В своих воспоминаниях А.А.Громыко описал свои впечатления о событиях тех дней лишь в одном эпизоде: «Де Голль со своей делегацией сидел по одну сторону стола в Екатерининском зале Кремля. Советская делегация во главе с Брежневым находилась по другую сторону. Де Голль излагал свою позицию и вдруг назвал ГДР «советской марионеткой». Это выражение ворвалось в его речь неожиданно, да и прозвучало диссонансом с общим направлением мыслей французского президента. А после такого заявления де Голль хорошо и дружелюбно высказался по вопросам советско-французских отношений». А.А.Громыко далее отметил, что французскому президенту «был дан соответствующий ответ в защиту ГДР» и советские лидеры заявили, что относятся к ГДР «как к независимому суверенному государству», но дискутировать с гостем из Франции не стали. Затем он дал общую характеристику личности де Голя, заметив, что, оценивая его роль, «особенно в развитии советско-французских отношений, всегда необходимо иметь в виду, что этот деятель был сложным. В социальном отношении он представлял весьма влиятельные круги французской буржуазии, причем далеко не самые либеральные. Следует об этом помнить и при оценке его места и роли как в*

Ее авторы с самого начала четко расставили акценты в одном из главных вопросов, по мнению советских экспертов, значительно усиливших ее позиции на международной арене, - зачем Франции было необходимо отказаться от своих колониальных владений:

«Предоставление независимости французским колониям помогло правительству Франции добиться в последние годы заметного улучшения политических позиций в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на неокOLONIAЛИСТСКУЮ сущность своей политики, правительство де Голля сумело найти достаточно гибкие формы ее осуществления, способствовавшие повышению престижа Франции в странах «третьего мира» и поставившие последнюю в глазах правительств и общественности этих стран в некотором смысле в более благоприятное положение по сравнению с другими империалистическими державами»¹².

Констатировав данный факт, авторы памятки далее заявляли: «Играя на национальных чувствах народов развивающихся стран и учитывая возрастающую роль «третьего мира» на международной арене, французское правительство в пропагандистских целях стало высказываться в поддержку осуществления развивающимися странами независимой национальной политики, в поддержку принципов неприсоединения. Французская официальная пропаганда постоянно подчеркивает, что де Голлю, проводившему политику укрепления независимости Франции, «близки и понятны» национальные чаяния освободившихся стран».

Кроме того, по мнению авторов этого документа, «положительный отклик вызвали официальные заявления Франции о необходимости расширения индустриальными державами экономической помощи развивающимся странам. Официальная

определении внешней политики Франции, так и в развитии советско-французских отношений» (см.: Громько А.А. Памятное. Т. 2. М., 1990. С. 14). Думается, что так считали все политические лидеры СССР, которым в силу служебных обязанностей приходилось в те дни сталкиваться с французским политиком. Де Голль, в свою очередь, не оставался в долгу, и его оценки личностей Л.И.Брежневца, Н.В.Подгорного, А.Н.Косыгина и А.А.Громько также были далеки от идеальных.

французская пропаганда не упускает случая подчеркнуть тот факт, что по сравнению с другими развитыми государствами Франция отчисляет наибольший процент от национального дохода в порядке помощи развивающимся странам. В целом французам удалось использовать отмеченные моменты для того, чтобы представить свою политику как качественно новую, основывающуюся на якобы равноправном сотрудничестве и взаимном уважении»¹³.

Вторая памятка «Вьетнамский вопрос» была составлена 16 апреля 1966 года, на ней был поставлен гриф «Секретно». Из ее содержания следовало, что по индокитайской проблеме позиции Советского Союза и Франции «близки», поскольку «французское правительство не одобрило возобновление американских бомбардировок ДРВ».

«Нам представляется, - писали авторы памятки в расчете, что эта мысль будет доведена до французской делегации, - что Франция и Советский Союз могли бы в целях скорейшего достижения урегулирования во Вьетнаме приложить совместные усилия и воздействовать на правительство США с тем, чтобы оно окончательно и без всяких условий прекратило бомбардировки территории ДРВ и интервенцию в Южном Вьетнаме»¹⁴.

Далее предлагалось, «если с французской стороны будет поднят вопрос о созыве нового Женевского совещания, сказать, что в этом вопросе решающее значение имеют позиции сторон, непосредственно вовлеченные во вьетнамский конфликт». В свою очередь, «Советский Союз не будет возражать против какого-либо международного совещания... если указанные стороны согласятся на это»¹⁵.

Авторы памятки не исключали, что французская делегация могла поинтересоваться мнением руководства СССР относительно идеи «нейтрализации» Вьетнама (выдвинутой Ш. де Голлем еще летом 1963 г.). В этом случае советская сторона должна была отметить, что «позиция СССР в данном вопросе основана на высказанных в свое время вьетнамскими товарищами соображениях о том, что выполнение Женевских соглашений 1954 года явилось бы достаточным для обеспечения нейтралитета Вьетнама»¹⁶.

В случае интереса французов относительно идеи формирования на территории Южного Вьетнама коалиционного правительства из представителей всех основных политических сил, ответить, что «этот вопрос является внутренним делом вьетнамского народа и должен решаться самими вьетнамцами без всякого вмешательства извне»¹⁷.

Третья памятка (вернее, датированный 19 мая 1966 г. один из ее черновых вариантов с грифом «Совершенно секретно») была озаглавлена «Предварительные соображения к переговорам с президентом Франции де Голлем»¹⁸. Это достаточно объемная бумага была (после предварительного ознакомления кем-то из ответственных чиновников) подвергнута в МИД СССР тщательной редакции. Чтобы дать читателю представление о характере «шпаргалки», которую рекомендовалось иметь советскому участнику переговоров, возьмем в качестве примера вопрос, по которому позиции сторон в то время были наиболее близки: положение в Юго-Восточной Азии. Советским переговорщикам рекомендовались следующие действия и высказывания: «Придерживаться позиции, согласованной с вьетнамскими друзьями. Отметить тот факт, что Франция не одобряет вооруженную интервенцию США во Вьетнаме.

Сказать, что мы с удовлетворением отмечаем близость позиций СССР и Франции в подходе к урегулированию во Вьетнаме, которая заключается в том, что обе страны выступают за прекращение американской интервенции (зачеркнуто слово «агрессии». - И.С.) и решение вьетнамской проблемы на основе выполнения Женевских соглашений»*.

Далее от руки вычеркнут целый абзац. Приведем его содержание: «Если французы дадут понять, что в определенных условиях они были бы не против взять на себя посредничество в деле урегулирования вьетнамского конфликта, заявить, что это такой вопрос, по которому решающее слово принадле-

**Имеются в виду соглашения, подписанные по итогам обсуждения индокитайских проблем на совещании министров иностранных дел Советского Союза, Франции, Великобритании и США в Женеве (май-июль 1954 г.).*

жит вьетнамцам - ДРВ и НФОЮВ»¹⁹. Однако при этом был оставлен следующий фрагмент: «Если по инициативе французской стороны будет затронут вопрос о созыве Женевского совещания о нейтрализации Вьетнама, сказать, что Советский Союз примет участие в Женевском совещании, если непосредственно заинтересованные стороны согласятся на его созыв».

Далее все той же рукой была вычеркнута еще одна фраза: «Поскольку с французской стороны можно ожидать продвижения идеи о необходимости участия Южного Вьетнама в новом международном совещании по Вьетнаму представителей 3-х сил (НФОЮВ, Сайгона* и т.н. «нейтралистов»**), можно было бы заявить, что в вопросе о представительстве Южного Вьетнама позиция Советского Союза совпадает с позициями НФО Южного Вьетнама и ДРВ».

Завершалась памятка следующим выводом: «В том что касается проблем Лаоса и Камбоджи, то позиции СССР и Франции во многом совпадают и мы готовы рассмотреть вопрос о возможности совместных шагов с целью недопущения распространения американцами войны на Лаос и обеспечения нейтралитета и целостности Камбоджи»²⁰.

Кроме того, в МИД СССР отделами Юго-Восточной Азии и Первым Европейским были подготовлены специальные дополнительные справки для «ориентирования» членов советской делегации на переговорах с де Голлем. Из содержания одной из них - «Анализ направлений внешней политики де Голля» (с грифом «Секретно») - следовало, что ее составители специально акцентировали внимание своих потенциальных читателей на факте большой заинтересованности французских правящих кругов и деловых кругов в Индокитае как важном регионе для инвестиций и источнике сырья для своей экономики. Отсюда, по мнению авторов справки, «Франция

**Имеются в виду власти Республики Вьетнам, находившиеся под протекцией США и их союзников.*

***«Нейтралисты», или т.н. «третья сила», критиковали как официальные власти Сайгона, так и Вьетконг, состояли в основном из представителей проффранцузски настроенной местной элиты.*

стремится к тому, чтобы в странах Индокитая утвердились нейтралистские режимы, независимые как от США, так и от КНР, что создало бы благоприятные условия для расширения экономических и политических позиций Франции в этом районе»²¹.

Еще одно заключение анонимного автора справки выразилось в следующем пассаже: «Правительство Франции пришло к выводу, что прекращение войны во Вьетнаме зависит главным образом от позиции двух держав - США и КНР. В связи с этим оно заняло выжидательную позицию во вьетнамском конфликте»²².

Теперь перейдем к рассмотрению материалов МИД СССР, относящихся к награждению Ш. де Голля орденом «Победы». В АВП РФ непосредственно к этому вопросу относятся два документа с грифом «Секретно». Первый из них - составленное сотрудниками МИД ходатайство в ЦК КПСС, из содержания которого следует, что руководство советского внешнеполитического ведомства предлагало рассмотреть вопрос о награждении де Голля орденом «Победы» и что «французские друзья» (так на дипломатическом языке того времени в Москве называли руководителей Французской коммунистической партии) эту идею поддержали²³.

Второй документ - сам проект постановления ЦК КПСС. В нем предлагалось «признать целесообразным», в случае его согласия, наградить Ш. де Голля орденом «Победы» и утвердить проект указа о награждении²⁴.

В качестве приложения к нему - проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, в котором содержится окончательная формулировка, мотивирующая предполагаемое награждение: «За выдающийся вклад в укрепление сил антигитлеровской коалиции и в дело победы над фашистской Германией в годы Второй мировой войны»²⁵.

Тем не менее награждение по неизвестным причинам так и не состоялось. Следует отметить, что до настоящего времени об этом факте нет упоминания ни в одном официальном документе, ни в мемуарной литературе, ни в отечественных и зарубежных научных и публицистических работах²⁶.

Безусловно, представленные нами документы по этому вопросу дают основание для дальнейшего изучения, в том числе

выявления возможных материалов во французских архивах. Тем более, исходя из содержания документов МИД СССР, запрашиваются два варианта поиска: получение информации о возможности разговора с де Голлем на предмет согласия на награждение орденом «Победы» и факт консультаций с руководством ФКП о такой возможности (причем ответ французских коммунистических лидеров был явно положительным). Предположительно это могут быть Архив Президента РФ, Российский государственный архив новейшей истории, а также архив ЦК Французской компартии.

Вторая группа - материалы советской стороны, связанные с непосредственными контактами с де Голлем в ходе его визита в СССР. В первую очередь это запись переговоров от 29 июня 1966 года советских руководителей с Ш. де Голлем²⁷. В их ходе, судя по этой рассекреченной записи, Л.И.Брежнев заявил, что «если взять самый последний период, то... правительство Джонсона проводит опасную для дела мира политику, что Джонсон проявляет склонность к авантюризму и пренебрегает мировым общественным мнением... В этом смысле, если учесть американскую политику во Вьетнаме и других районах, политика Джонсона более опасна, чем политика «холодной войны», проводившаяся Даллесом. До тех пор, пока проводится эта опасная политика, Советский Союз не видит возможностей улучшения отношений с США».

Далее составители записи констатировали, что де Голль выразил «удовлетворение» этим заявлением Л.И.Брежнева²⁸.

Еще больший интерес представляют составленные 31 декабря 1966 года сотрудниками МИД СССР записи бесед де Голля в «неофициальной обстановке» с советскими лидерами (гриф «Секретно»). Так, судя по ним, на вопрос Л.И.Брежнева (после обеда в Кремле 20 июня 1966 г.), собирается ли тот продолжить написание своих мемуаров, Ш. де Голль ответил, что, «по его мнению, он свои мемуары уже завершил». На что Л.И.Брежнев заметил, что в мемуарах «следовало бы рассказать о том, как предотвратить мировую войну в наш век»²⁹.

К слову сказать, может быть, именно этот пассаж Брежнева натолкнул де Голля, судя по всему в тот момент не собиравшегося продолжать написание своих воспоминаний, после выхода

в отставку вновь взяться за перо, и, таким образом, советскому лидеру мир в какой-то степени обязан тем, что появились (пусть и не завершённые из-за смерти автора) «Мемуары надежд»*.

Спустя неделю после этой встречи с Л.И.Брежневым, уже находясь в Ленинграде, Ш. де Голль во время поездки по городу имел беседу в автомобиле с А.Н.Косыгиным. Глава советского правительства сказал, что, по имеющимся у него сведениям, «будучи в плохом настроении, из-за критики его политики в печати, Джонсон принимает решение расширить бомбардировки территории ДРВ. Может быть, однажды, продолжил Косыгин свою мысль, в плохом настроении он решит передать атомную бомбу западным немцам. Ведь он в последнее время ни с кем не советуется, кроме Макнамары**». Беспокойство вызывает последнее заявление, в частности, о том, что американцы готовы вести войну во Вьетнаме до последнего вьетнамца, т.е. до уничтожения всей нации. Разве в наше время может делать подобные заявления уважающий себя человек? Это - настоящий цинизм»³⁰.

Собеседник советского премьера отлично понимал, куда тот клонит, поэтому ответил достаточно дипломатично: он «не считает, что это заявление отражает подлинные цели американцев. Тем не менее Франция полностью осуждает политику США во Вьетнаме, и он [де Голль] совершенно согласен со словами Брежнева о том, что рано или поздно в силу положения в самом Вьетнаме и под воздействием мирового общественного мнения американцы вынуждены будут уйти из Вьетнама».

А.Н.Косыгин рассказал собеседнику, что, по его сведениям, «недавно американцы приступили к использованию во Вьетнаме

**К визиту де Голля ограниченным тиражом в издательстве «Прогресс» вышел сокращенный вариант «Военных мемуаров» де Голля (первые два тома из трех в полном объеме были опубликованы на русском языке еще в 1957 г.). В 1970 г. издательство «Прогресс» с грифом «Для служебного пользования» опубликовало в двух выпусках «Мемуары надежд». В открытой печати на русском языке эта книга увидела свет лишь в 2000 г.*

***Р.Макнамара занимал должность министра обороны США.*

отравляющих веществ, что весьма характерно для их нынешней политики». Де Голль, судя по записи, оставил это высказывание без комментариев³¹.

Далее собеседники приступили к обмену мнениями по отдельным пунктам совместной советско-французской декларации, в целом одобрив подготовленный к тому моменту текст. Со стороны де Голля вызвал вопросы пункт относительно положения во Вьетнаме, и он заметил, что ранее Франция уже предлагала СССР согласование позиций по этой проблеме. А.Н.Косыгин же настаивал, что «более решительное осуждение в декларации американской агрессии имело бы огромное значение, но Франция, видимо, на это пойти не может по вполне понятным причинам». Далее Косыгин пояснил мотивы, по которым советская сторона не пойдет на запись в совместной декларации пункта о согласовании позиций с Францией по проблемам Вьетнама, поскольку «нам не хотелось бы создать у правительства ДРВ впечатление, что мы договариваемся за их спиной». Однако «в конфиденциальном порядке» Косыгин сообщил, что «если выявится необходимость предпринятия плодотворных шагов по Вьетнаму, то можно будет провести консультации по данному вопросу».

А.Н.Косыгин также сказал своему собеседнику, что «разрядки не может быть до тех пор, пока не будет окончена война во Вьетнаме благодаря выводу из Вьетнама войск США и выполнению Женевских соглашений. До сих пор США не высказали положительного отношения к предложениям вьетнамцев и практически выдвигают предварительные условия»³².

На наш взгляд, содержание данной беседы вписывается в контекст тех настроений, которые царили на Старой площади в середине 1966 года. Их хорошо описал в своих мемуарах один из тогдашних сотрудников Международного отдела ЦК КПСС А.Е.Бовин: «Внутри советского руководства стало вызревать намерение топнуть ногой, припугнуть американцев, поставить их на место», поскольку «уж больно они активизировались во Вьетнаме». По его словам, некоторые «горячие головы» в ЦК КПСС даже вынашивали планы «учинить разговор по «красному телефону»,

отозвать посла из Вашингтона, организовать военные учения на Дальнем Востоке и т. д.»³³.

К счастью, этим планам не суждено было сбыться, и не только потому, что реалистически мыслявшие консультанты, как А.Е.Бовин, направляли свои письменные возражения по поводу такого рода проявлений «твердости» советской внешней политики таким же «реалистам» из числа представителей высшего эшелона партийного руководства, как Ю.В.Андропов³⁴, но и потому, что не менее прагматичные государственные деятели, как А.Н.Косыгин, в ходе личных контактов с представителями западного лагеря (как Ш. де Голль) приходили к аналогичным выводам и в то время смогли убедить в этом Л.И.Брежнева*. Неслучайно, уже спустя несколько лет, тот весьма разумно и компетентно вел диалог по проблемам Вьетнама с новым американским Президентом Р.Никсоном³⁵. Кстати, впоследствии в мемуарах Никсон самым высоким образом оценил роль де Голля, назвав его «великим человеком» в истории Франции и одним из самых запомнившихся ему политиков, с кем приходилось общаться в период своей долгой политической карьеры³⁶.

Третья группа - материалы для социалистических стран и «братских» компартий, в которых им доводились до сведения содержание проводившихся с Ш. де Голлем консультаций и советская точка зрения по их итогам.

Первый документ - подготовленный 1 июля 1966 года в МИД СССР проект постановления ЦК КПСС, из которого следовало, что к советскому руководству обратился премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг с просьбой проинформировать о состоявшихся

**По свидетельству еще одного сотрудника Международного отдела ЦК КПСС - К.Н.Брутенца, при рассмотрении подготовленного в апреле 1966 г. с участием «ястребов» Отчетного доклада XXIII съезду КПСС Л.И.Брежнев высказывал недоумение по поводу некоторых содержащихся там резких формулировок. Так, Леонид Ильич, прочитав фразу о «вооруженных до зубов» США, предложил подумать о более мягком варианте, поскольку «это ведь доклад на съезде. Очень часто мы стараемся что-то преувеличить, у нас налицо гиперболы» (см.: Брутенц К.Н. На Старой площади. М., 1996. С. 271).*

в Москве переговорах с де Голлем в части «вопросов, относящихся к положению в Юго-Восточной Азии и агрессии США во Вьетнаме». А.А.Громько предложил ЦК КПСС утвердить проект указаний советскому послу в Ханое И.С.Щербакову³⁷: «Посетите Фам Ван Донга и, подчеркнув доверительный характер передаваемой информации, сделайте ему приводимое ниже сообщение: Высказывания де Голля сводились в основном к следующему: Франция не одобряет действий США во Вьетнаме. Выступает за соблюдение Женевских соглашений 1954 г., за прекращение войны, против любого иностранного вмешательства, за нейтрализацию Юго-Восточной Азии.

Де Голль отметил, что Женевские соглашения не только не соблюдаются, но и грубо попираются. В настоящее время вернуться к этим соглашениям нереально из-за позиции США»³⁸.

Далее советскому послу предлагалось привести следующее высказывание де Голля, сделанное во время переговоров в Москве: «Может быть, когда-нибудь в США восторжествует разум и мы придем к созыву нового Женевского совещания. В этом случае Франция со своей стороны согласна способствовать умиротворению этого района, так как она уже это делает в Камбодже, собирается делать это в Лаосе и готова так же поступать во Вьетнаме, как на Севере, так и на Юге».

Еще один болезненный для советской дипломатии вопрос должен был разъяснить Фам Ван Донгу посол СССР в ДРВ: какое место в индокитайском урегулировании де Голль отводит КНР? Согласно проекту указаний, северовьетнамский премьер с его слов должен был узнать, что «де Голль высказывался в пользу того, чтобы в этих мирных мероприятиях по возможности участвовал Китай. Франция, говорил он, установила официальные дипломатические отношения с Китаем, в том числе в надежде, что это будет способствовать созыву мирной конференции в Азии с участием Китая».

Но окончательно симпатии вьетнамского коммуниста-революционера к французскому президенту, видимо, должна была сформировать следующая фраза де Голля в передаче советского дипломата: «Что касается самого Вьетнама, там ведь

всегда существовали Северный и Южный Вьетнам. Север - хорошо организованная страна. Южный - не организован»³⁹. В случае созыва нового Женевского совещания, считал де Голль, целесообразно участие в нем всех политических сил Южного Вьетнама в качестве сторон возможного согласия. Это требует вывода войск США из Юго-Восточной Азии.

Далее предполагалось разъяснение позиции советской стороны на переговорах. Фам Ван Донг должен был узнать, что «с нашей стороны была в твердой форме изложена позиция Советского Союза в отношении агрессии США во Вьетнаме. Было подчеркнуто, что весь советский народ решительно осуждает агрессивные действия США, испытывает глубокое негодование и гнев в связи с тем, что американские империалисты грубо попирают международные соглашения и ведут варварскую, разбойничью войну»⁴⁰.

Северовьетнамскому руководству, учитывая его «равноудаленность» от Москвы и Пекина, наверняка было небезынтересно узнать, как в беседах с де Голлем характеризовалась советскими руководителями их страна. В тогдашних условиях этот вопрос был далеко не праздный.

«Было заявлено, - отмечалось в указаниях, - что ДРВ - это дружественная социалистическая страна, которой Советский Союз оказывал и будет оказывать все возрастающую помощь до тех пор, пока вьетнамский народ не добьется окончательной победы над американским империализмом». Далее де Голлю было сказано, что «советское правительство полностью поддерживает известную позицию ДРВ и НФОЮВ. При характеристике нынешнего состояния советско-американских отношений еще раз была подчеркнута резко критически империалистическая сущность политики США, что особенно проявилось в их агрессии во Вьетнаме»⁴¹.

В заключение указаний следовал общий вывод, который советский посол должен был довести до собеседника: «Из изложенной французской позиции следовало, что агрессия США во Вьетнаме беспокоит французов, что они фактически осуждают ее и в целом их политика преследует цель ослабления влияния США в Юго-Восточной Азии»⁴².

Второй документ - проект постановления ЦК КПСС об информации для руководства социалистических стран (кроме КНР и Албании) по результатам визита де Голля в Советский Союз. Предполагалось разослать его текст в следующие государства: в Болгарию, Венгрию, ГДР, ДРВ, КНДР, на Кубу, в Монголию, Польшу, Румынию, Чехословакию, Югославию, а также руководству Компартии Италии*.

Поскольку руководству ДРВ через Фам Ван Донга соответствующая информация уже доводилась, то было принято решение еще раз эту «общую» для всех вышеназванных стран и партий информацию в Ханой не посылать. В целом содержание данного послания соответствовало приведенному выше и предназначавшемуся для ДРВ.

Третий документ (гриф «Секретно») дает представление об информации, которую по итогам визита де Голля в Москву получали дружественно настроенные к СССР некоммунистические лидеры стран «третьего мира». Это информация, которую по дипломатическим каналам в феврале 1967 года предлагалось сообщить Президенту Египта Г.А.Насеру⁴³. По поводу характера советско-французских отношений египетский руководитель и его соратники должны были узнать, что в СССР положительно оценили итоги переговоров с де Голлем в Москве, в ходе которых «была подтверждена общность или близость взглядов и позиций по ряду важнейших международных проблем, и в первую очередь по вопросам положения в Европе, а также готовность обеих сторон идти по пути всестороннего развития советско-французского сотрудничества». Далее руководству Египта предлагалось сообщить, что «советское правительство с пониманием относится к внешнеполитическим акциям де Голля, направленным на укрепление политической и экономической самостоятельности Франции и повышение ее роли в между-

*Примечательно, что в этом списке отсутствовала Французская компартия. Предположительно, соответствующую информацию до ее руководства мог довести посол СССР во Французской Республике В.А.Зорин.

народных делах»⁴⁴. В первую очередь выделялись следующие шаги французского президента: фактическое признание Францией послевоенных границ в Европе, противодействие планам ядерного вооружения ФРГ, выход из военной организации НАТО, усилия по ослаблению американской гегемонии в Западной Европе, а также осуждение агрессии США во Вьетнаме.

В зависимости от хода беседы Г.А.Насеру предлагалось сказать, «что во время переговоров с де Голлем по инициативе Франции стороны затрагивали вопрос об оказании помощи развивающимся странам. В общей форме де Голль говорил о желательности приобщения развивающихся стран к советско-французскому научно-техническому сотрудничеству, о возможности совместных действий в организации распространения основ передовых технических знаний среди интеллигенции этих стран».

Египетский президент также должен был узнать, что «де Голлю была изложена наша принципиальная позиция в отношении развивающихся стран. Было подчеркнуто, что наши отношения с ОАР и некоторыми другими странами Африки и Ближнего Востока носят особо дружественный характер» и что «де Голль с пониманием отнесся к этим высказываниям советской стороны, заявив, что Франции известно, что делает Советский Союз для ОАР, и у нее нет каких-либо возражений против этого»⁴⁵.

К слову сказать, такого рода «доверительную информацию» не получил из Москвы главный союзник Франции в Индокитайском регионе глава Камбоджи принц Нородом Сианук. Спустя несколько месяцев в одном из своих секретных донесений в Москву посол СССР в Камбодже А.П.Ратанов сетовал на то, что Москва явно упускает инициативу в вопросе о влиянии на камбоджийского лидера именно потому, что перестала предоставлять ему «доверительную информацию»⁴⁶.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в России большинство людей с симпатией и большим уважением относятся к исторической фигуре Шарля де Голля, который по праву считается одним из самых выдающихся политических деятелей XX столетия. Исследователям предстоит еще многое сделать, чтобы объективно и непредвзято воссоздать его теоретические

взгляды и практическую деятельность, в том числе на международной арене. Но вряд ли можно будет серьезно продвинуться в данном направлении, пока не будут до конца открыты архивные фонды как у нас в стране, так и во Франции. В том числе и те материалы АВП РФ (и наверняка Архива Президента РФ и Российского государственного архива новейшей истории), касающиеся визита Ш. де Голля в Москву летом 1966 года, которые пока остаются недоступными для исследователей. Лишь в совокупности материалов с советской и французской сторон по всем обсуждавшимся в те дни вопросам возможна полноценная историческая реконструкция этого важнейшего события в истории двух стран, а также в международных отношениях периода холодной войны.

¹Голль Ш. де. Мемуары надежд. М., 2000; *Он же*. Военные мемуары: В трех томах. М., 2003-2004; *Он же*. На острие шпаги. М., 2006.

²Молчанов Н.Н. Генерал де Голль: Изд. 4-е. М., 2003; Уильямс Ч. Последний великий француз: жизнь генерала де Голля. М., 2003 (серия «Историческая библиотека»); Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., 2007 (серия «Жизнь замечательных людей»); *Она же*. Шарль де Голль и Михаил Тухачевский // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 44-55, и др.

³Гусев В.Е. Де Голль и француско-советские отношения (1958-1966 гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 2004; Кашкина Е.В. Алжирский вопрос в политической идеологии и практике голлизма: 1954-1962 гг.: Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2007, и др.

⁴Gaulle Ch. Discours et Messages. V. 5. 1966-1969. P., 1971; Couve de Murville M. Une politique étrangère. 1958-1969. P., 1971; Flohic F. Souvenirs d'outre-Gaulle. P., 1979; Peyrefitte A. C'était de Gaulle. T. 1-3. P., 1994-2000; Gaulle Ph. De Gaulle mon père (V. 2.) P., 2004, и др.

⁵См.: Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М., 1988. С. 436.

⁶См.: Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. М., 1990; Зорин В.А. У истоков разрядки (из опыта дипломатической работы во Франции в 60-70-е годы) // Дипломатический вестник. 1982. М., 1983; Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997; *Он же*. О Шарле де Голле // Новая и новейшая история. 2001. №1. С. 70-78, и др.

⁷В своей рецензии на книгу М.Ц.Арзаканян об этом же пишет бывший посол СССР во Франции Ю.В.Дубинин (http://globalaffars.ru/book/n_10789).

⁸Что касается визита Ш. де Голля в Москву в декабре 1944 г., то российской стороной на сегодняшний день опубликованы практически все наиболее

значимые архивные материалы, к нему относящиеся. См.: «Ошибки имеются и у меня, и у моих сотрудников». Запись беседы И.В.Сталина и Ш. де Голля (1944) // Вестник Архива Президента РФ. 1996. №5. С. 105-107. Кроме того, и в дни визита о встречах Ш. де Голля с И.В.Сталиным сообщала центральная советская печать. См., например: Известия. 1944. 3 декабря; 5 декабря; 7 декабря; 9 декабря; 10 декабря.

⁹Еще накануне своего визита в Париж на заседании Президиума ЦК КПСС Н.С.Хрущев называл де Голля «реакционным человеком» (см: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. М., 2004. С. 434), и эта оценка французского лидера не могла не повлиять на общую атмосферу, сложившуюся в его ходе. Архивные материалы советской стороны, относящиеся к визиту Н.С.Хрущева в Париж летом 1960 г. (с комментариями известного российского ученого-международника М.М.Наринского), см.: Исторический архив. 1996. №1. С. 27-40; №2. С. 105-132.

¹⁰Этот термин использовался в среде французской политической элиты того времени, в том числе именно в русском написании во франкоязычных текстах. См., например: *Пейрефум А.* Таким был де Голль. М., 2002. С. 390.

¹¹АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 56. Д.12а. П. 305. Л.10-12.

¹²Там же. Л. 10.

¹³Там же. Л.11.

¹⁴Там же. Л. 36.

¹⁵Там же. Л. 37.

¹⁶Там же. Л. 37-38.

¹⁷Там же. Л. 38.

¹⁸Там же. Д. 17. П. 305. Л. 96-124.

¹⁹АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 56. Д. 17. П. 305. Л. 118. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама создан в 1960 г. на территориях Республики Вьетнам, находившихся под контролем коммунистов. На Западе больше известен как Вьетконг (Вьетнамские коммунисты).

²⁰АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 56. Д. 17. П. 305. Л. 118.

²¹Там же. Л. 144.

²²Там же.

²³Там же. Л. 240.

²⁴Там же. Л. 241.

²⁵Там же. Л. 242.

²⁶Никто из ответственных лиц, занимавшихся этим вопросом, не отразил данный факт в своих воспоминаниях. По логике, это могли быть министр иностранных дел А.А.Громыко, посол СССР во Франции В.А.Зорин, возможно, и другие участники переговоров с советской стороны. Нет упоминания об этом факте и в новейших французских публикациях, посвященных Ш. де Голлю. См., например: *Roussel E.* Charles de Gaulle. P., 2002; *Dictionnaire de Gaulle.* P., 2006; *Vaisse M.* De Gaulle et la Russie. P., 2006, и др.

- ²⁷АВП РФ. Ф.136. Оп. 50. Д. 14. П. 105. Л. 31.
- ²⁸Там же.
- ²⁹Там же. Ф. 0136. Оп. 56. Пор. №17. П. 305. Л. 258.
- ³⁰АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 56. Пор. №17. П. 305. Л. 263.
- ³¹Там же.
- ³²Там же. Л. 264.
- ³³*Бовин А.Е.* XX век как жизнь: Воспоминания. М., 2003. С. 134.
- ³⁴Там же. С. 134-137.
- ³⁵Об этом наглядно свидетельствуют стенограммы бесед Л.И.Брежнева с Р.Никсоном во время пребывания последнего в Москве летом 1972 г. См.: Советско-американские отношения: годы разрядки (1969-1976). М., 2007. Т. 1. Кн. 2. С. 366-457, 508-533, 581-598.
- ³⁶*Никсон Р.* На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 30, 83, 175 и др.
- ³⁷АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 56. Пор. №12/а. П. 305. Л. 57-58.
- ³⁸Там же. Л. 59.
- ³⁹Там же. Л. 60.
- ⁴⁰Там же.
- ⁴¹Там же. Л. 59.
- ⁴²Там же. Л. 60.
- ⁴³АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 57. Пор. №24. П. 311. Л. 1-2.
- ⁴⁴Там же. Л. 1.
- ⁴⁵Там же. Л. 2.
- ⁴⁶АВП РФ. Ф. 0569. Оп. 13. Пор. №2. П. 21. Л. 26. «Доверительная информация» по закрытым каналам периодически предоставлялась Н.Сиануку в числе некоторых других лидеров стран «третьего мира» в конце 1950-х - начале 1960-х гг. Но после так называемого «пхеньянского инцидента» в 1965 г. (в угоду лидерам КНР камбоджийский лидер сделал несколько недружественных высказываний в адрес СССР) советской стороной в одностороннем порядке был отменен уже заранее согласованный его официальный визит в Москву и в Пномпень перестали посылать «доверительную информацию» по различным международным проблемам.

МЯТЕЖНЫЙ ЛЕГИОН

О РОЛИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Александр Падерин

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ЧТО ПОДВИГЛО автора заняться темой, заявленной в названии данной статьи?

Первым и, пожалуй, наиболее сильным стимулом для написания такой статьи явилось участие в проходившей в Екатеринбурге встрече и краткое знакомство с военным атташе Чешской Республики подполковником Давидом Пастыржиком. Его выступление на безукоризненном русском языке было посвящено судьбе созданного в годы Первой мировой войны на территории России с разрешения царского правительства Чехословацкого армейского корпуса. Большое количество чешских и словацких легионеров, подчеркнул он, навеки остались в российской земле. Увы, многие места их захоронений в городах и других населенных пунктах, расположенных вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, сегодня утеряны. Поэтому чешское правительство, учитывая требования

Александр Александрович Падерин - старший научный сотрудник, член-корреспондент РАЕН, кандидат исторических наук.

потомков погибших, утвердило проект по поиску и приведению в порядок их могил. Правда, дело это очень трудное: слишком значительные перемены, в том числе градостроительные, произошли за истекшие десятилетия. К сожалению, о причинах таких потерь среди личного состава корпуса представитель чешского военного ведомства почти ничего не сказал. А участники встречи деликатно избегали вопроса об этом.

Почти в одно время с данной встречей состоялось еще мероприятие, посвященное Чехословацкому корпусу. Центр военных и военно-исторических исследований екатеринбургского Гуманитарного университета в соответствии с многолетней программой демонстрации и обсуждения документальных кинофильмов под общей рубрикой «Человек и война» организовал показ интересного французского фильма. Он создан на основе съемочного материала, накопленного непосредственно в процессе движения эшелонов с легионерами в сторону Владивостока. Его авторы использовали главным образом кадры, отражающие быт пассажиров, а также достопримечательности ряда крупных городов. На некоторых кадрах запечатлены представители чехословацкого, французского и российского военного командования. Единственное, что в итоге просмотра вызвало сожаление, - это отсутствие закадрового звукового комментария, который, несомненно, обогатил бы содержание фильма.

В тот же период Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г.Белинского по договоренности с находящимся в Екатеринбурге Генеральным консульством Чешской Республики устроила в своем здании выставку, также посвященную чехословацкому корпусу. Это событие имело почти 12-летнюю предысторию. В октябре-ноябре 2000 года вышеназванная выставка впервые прошла в Москве, вызвав большой интерес научной общественности и работников культуры не только в столице, но и за ее пределами. В августе 2001 года руководство Научно-исследовательского центра «Белая Россия» (г. Екатеринбург) достигло предварительной договоренности с посольством Чешской Республики о демонстрации выставки в столице Урала, как только в ней откроется Генеральное консульство Чехии. Его

открытие состоялось через несколько месяцев, и выставка прибыла на Урал. Ее дополнили имеющимися в Государственном архиве Свердловской области, а также в Свердловском областном краеведческом музее материалами, отражающими, так сказать, специфику места проведения: как известно, в Екатеринбурге чехословацкие легионеры порядочно «наследили». В то время выставку посетило большое количество уральцев. И вот в феврале 2012 года она вновь была представлена жителям города и Уральского региона.

Ознакомление с выставкой под названием «Жизнь чехословацких легионеров в России и Екатеринбурге в 1914-1920 гг. и ее отражение в чешском искусстве» в значительной мере пополнило знания интересующихся историей Чехословацкого корпуса. К сожалению, выставка не ответила на некоторые существенные вопросы. В частности, о том, при каких обстоятельствах погибло так много чехов и словаков, захороненных в полосе многокилометровой Транссибирской магистрали. Ведь германских войск, с которыми легионеры в годы Первой мировой войны вместе с армией Российской империи героически сражались, после ее завершения на территории России, а тем более на Урале и в Сибири, уже не было. «Летом 1920 года из Владивостока отходили последние из 42 транспортов, на которых Россию покидали 72 644 легионера, 1726 их русских жен, 717 детей, 4914 инвалидов, а также примкнувшие к корпусу русские военные, политики, общественные деятели местного масштаба и члены их семей. В России осталось - 3652 погибших и 739 пропавших без вести»¹.

Для получения ответа на поставленный выше и другие сопутствующие вопросы потребовалось обратиться к отечественной и зарубежной историографии Гражданской войны в России, изучить доступные документы.

Публикации о мятеже Чехословацкого армейского корпуса в отечественной и зарубежной историографии занимают немалое место. «Трудно даже приблизительно подсчитать число вышедших в буржуазной Чехословакии книг, брошюр, журнальных и газетных публикаций, посвященных истории чехословацких политических организаций и воинских формирований в России

в годы Первой мировой войны и двух революций. Эта тема породила буквально море исследований, мемуаров, хроник и другой исторической литературы, обычно именуемой «легионерской»².

В советской и постсоветской исторической литературе, посвященной Октябрьской революции и Гражданской войне, естественно, трудно назвать работу, которая в той или иной степени не затрагивала бы вопросы, связанные с антисоветским мятежом Чехословацкого корпуса, а в последние годы - и с деятельностью чехословацких интернационалистов. Историки уделили большое внимание раскрытию связей чехословацкой, российской и международной реакции как накануне и в момент возникновения мятежа, так и в процессе развернувшихся в дальнейшем Гражданской войны и интервенции. Одновременно они глубоко исследовали и вопросы, связанные с военными операциями Красной армии против частей корпуса, подпольной работой большевистских организаций и партизанским движением в тылу белых и интервентов.

Однако роль мятежа легиона как детонатора Гражданской войны в России раскрыта пока слабо и неоднозначно. А именно: кто, когда и с какой целью подготовил и осуществил мятеж и, значит, в ответе за вызванные им колоссальные жертвы. Честный, а следовательно, правдивый ответ на этот вопрос, основанный на неопровержимых документах, сегодня особенно необходим. Дело в том, что история Гражданской войны, как и Великой Отечественной, чрезмерно политизируется и фальсифицируется. К сожалению, в том числе и некоторыми российскими историками. Увы, в постсоветский период стало чуть ли не признаком высокой научной принципиальности и объективности многое бездумно валить на советскую власть. Так, в частности, происходит подчас при рассмотрении истоков и причин мятежа чехословацкого легиона. Иные исследователи утверждают, будто мятеж корпуса спровоцировало само руководство Советской республики, пытавшееся любой ценой разоружить легионеров. Мягко говоря, это утверждение - результат либо поспешности, нежелания глубже разобраться в данном вопросе, либо вообще неспособности сделать это. Добросовестный же исследователь исторических фактов и обстоятельств обязательно выяснил бы, как дело обстояло в действительности.

В частности, установил бы, что еще до приказа Л.Д.Троцкого от 25 мая о немедленном полном разоружении Чехословацкого корпуса Верховный военный совет Антанты 2 мая 1918 года в Париже, одоббив заключение своих военных советников³, в принятом решении, по сути, запрограммировал мятеж легионеров.

Более того, находятся историки, которые утверждают, что вообще никакого мятежа не было⁴. Спрашивается, что же было? Оказывается, все дело в «неправильном» названии! Так, В.Юрченко считает, что «нельзя именовать мятежом действия войск одной армии (корпус был объявлен составной частью французской армии) против другой. Корректнее было бы назвать происшедшее вооруженными столкновениями, переросшими в боевые действия...»⁵.

С данным умозаключением можно было бы согласиться, если бы корпус не был создан по решению правительства Российской империи на ее территории и не воевал с немцами в составе ее армии под командованием русских генералов⁶ (см. историческую справку). Следует учесть и еще одно существенное обстоятельство: осенью 1915 года Россия разрешила (точнее сказать - доверилась братьям-славянам, дала приют) формировать корпус из чехов и словаков, находившихся у нее в плену. А Франция, как видим, была пока «не при делах»!

ЛЕГИОН КАК ДЕТОНАТОР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В 1915 году в Париже представителями различных чехословацких политических группировок национально-либерального толка был создан единый руководящий орган - Чешский комитет действия, переименованный позднее в Национальный совет чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет)⁷. Председателем совета стал известный политический деятель профессор философии Пражского университета Т.Масарик, заместителем - Й.Дюрих, генеральным секретарем - ближайший сотрудник Масарика Э.Бенеш. Вновь созданный орган фактически взял на себя представительство интересов всех чехов и словаков

перед странами Антанты. Стремясь увеличить свой политический вес, Национальный совет выступил с идеей создания собственных воинских частей из находившихся в России чехов и словаков.

К началу Первой мировой войны в России проживало около 100 тыс. чехов и словаков. Еще осенью 1914 года по просьбе чешских колонистов была создана Чешская дружина в количестве 903 добровольцев. В ходе боевых действий в плен русским войскам сдавались все больше чехов и словаков, не желавших воевать за чуждые им интересы Австро-Венгрии. Первоначально царское правительство весьма скептически относилось к планам расширения чехословацких воинских частей, предпочитая помещать пленных в лагеря. Однако осенью 1915 года оно наконец согласилось на пополнение Чешской дружины военнопленными, количество которых непрерывно увеличивалось. В начале 1916 года дружина была переформирована в чехословацкий стрелковый полк, с апреля началось формирование стрелковой бригады, а 26 сентября генерал Н.Н.Духонин разрешил официально сформировать отдельный чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. Командиром корпуса назначили русского генерала В.Шокорова, начальником штаба - также русского генерала М.Дитерихса. Общая численность корпуса составляла около 30 тыс. человек⁸. Дислоцировались его войска на Украине.

В конце ноября 1917 года в Яссах на совещании с участием некоторых представителей Антанты, белых, румынского командования представитель Чехословацкого корпуса Черженский сообщил, что, в принципе, соединение может быть использовано против большевиков, однако это потребует решения ряда предварительных вопросов и окончательное решение остается за «вождем» - Масариком⁹.

После Октябрьской революции и заявленного Советами в Декрете о мире намерения положить конец войне легион был объявлен частью французской армии (январь 1918 г.). По договоренности с советским правительством и союзниками он начал готовиться к эвакуации на европейский театр военных действий. Правда, довольно долго дебатировался вопрос о том, через какой порт вывозить чехословаков - через Архангельск или Владивосток.

Тем временем Центральная Рада подписала перемирие с немцами и германские войска прибыли на Украину. Попастъ к ним в руки означало для чехословаков только одно - смерть за предательство. В феврале - начале марта 1918 года в Брест-Литовске Советская Россия вела затянувшиеся переговоры о заключении мира с Германией и ее союзниками. Поэтому решение вопроса о судьбе корпуса тоже затягивалось. Дело в том, что Берлин очень жестко настаивал на безусловном включении в будущий мирный договор пунктов не только о демобилизации русской армии, но и о разоружении и роспуске чехословацких формирований. Таким образом, корпус оказался словно между молотом и наковальней. Легионерам ничего не оставалось, как вместе с красными отрядами отбивать атаки наседавших германо-украинских сил и отступать в Россию. Сложилась необычная ситуация: после развала и демобилизации старой русской армии и превращения России в нейтральное государство Чехословацкий корпус, насчитывавший, по разным источникам, 30-40 тыс. человек, оказался едва ли не единственным в стране боеспособным воинским соединением. В его распоряжении имелись не только стрелковое оружие, но и артиллерия, бронемобили, самолеты, боеприпасы.

Все это притягивало к корпусу внимание и Антанты, и Советов, и всех российских противников большевиков - от монархистов до эсеров. Каждая из сторон строила планы использования легионеров в собственных интересах. Нарком по военным делам Л.Троцкий даже не исключал, например, возможности формирования на основе корпуса советских вооруженных сил. Державы Антанты рассматривали его как важный антигерманский резерв для войны в Европе и серьезный фактор влияния на исход внутривосточной борьбы в России. Т.Г.Масарик, прекрасно понимая, что наличие чехословацкого воинского контингента повышает его авторитет и политический вес, неоднократно заверял союзников в готовности легионеров положить животы свои на алтарь победы над австро-германскими войсками.

В сложившейся ситуации Чехословацкому корпусу страны Антанты запланировали роль авангарда готовящейся союзнической интервенции против Советской России. Ее они рассматри-

вали как своеобразного невоюющего союзника Германии. Это послужило для премьеров и министров иностранных дел данных стран поводом к принятию на совместном совещании 15 марта 1918 года решения о непризнании Брестского мира и необходимости вмешательства во внутренние дела России. Несомненно, именно в связи с этим решением английское военное министерство 30 марта сообщало в Министерство иностранных дел: «Было бы гораздо разумнее разрешить чехам остаться в России, где их присутствие может оказаться весьма полезным»¹⁰. Было предложено три варианта возможного использования корпуса: для формирования второго корпуса в Омске, для переброски в Архангельск и его защиты, для действий в Забайкалье совместно с Семеновым. На следующий день военное министерство передало через французское правительство эти предложения Чехословацкому национальному совету.

В руководящей чехословацкой элите необходимость выбора наиболее оптимального варианта использования корпуса вызвала колебания и разногласия. Сам Масарик впоследствии признавал, что готов был в конце концов присоединить корпус «к любой достаточно сильной армии, чтобы вступить в борьбу с большевиками и немцами во имя демократии»¹¹. Большевиков и немцев он видел своего рода «единым целым» и борьбу с ними считал возможным вести как в России, так и во Франции.

Однако рядовой состав корпуса, вспоминал позже американский дипломат Грэвс, не желал вмешательства в Гражданскую войну и сражался с большевиками только потому, что чехословаки «представляли их себе агентами Германии или Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремления - создать независимое государство»¹².

Между тем 26 марта 1918 года Совнарком наконец подтвердил взятое ранее обязательство - эвакуировать корпус по железной дороге во Владивосток, откуда союзники обещали на своих судах перебросить его во Францию или на Балканы. Однако он поставил условие: во время следования корпус должен строго соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в российские дела, а его части обязаны сдать тяжелое вооружение, оставив лишь

стрелковое оружие, необходимое для охраны эшелонов (но не более 150 винтовок и одного пулемета на состав).

Советское правительство добросовестно выполняло принятое на себя обязательство. Убедительным подтверждением этого служит успешное начало эвакуации легионеров. Она началась 27 марта 1918 года¹³. Личный состав корпуса рассадили в 63 эшелона по 40 «теплушек» в каждом (до 22 бойцов в вагоне). Части, добровольно сдавшие оружие в Пензе (12 составов), проследовали по Транссибирской магистрали и в конце апреля благополучно прибыли во Владивосток. Но после этого железная дорога от Поволжья до Владивостока уже была плотно забита двигавшимися навстречу друг другу эшелонами: в западном направлении шли составы с германскими и австро-венгерскими пленными, а на восток - с чехословацкими легионерами.

Такая перегруженность железнодорожной магистрали не могла не замедлять скорость движения составов. И союзники, и их противники внимательно отслеживали график движения и не упускали случая заявить Москве протест, если дело доходило до задержек. Противоборствующие стороны планировали снова поставить вчерашних пленных под ружье. А число их в России было внушительным - 2 млн. 900 тыс. человек. Правда, чуть ли не 40% из них уже умерли от голода и болезней или пропали без вести¹⁴.

Личный состав Чехословацкого корпуса, несколько недель тащившегося с бесконечными остановками через всю Россию, был наэлектризован. На каждой станции советские власти снова и снова требовали сдачи оружия. В частях не прекращались стихийные митинги, все громче звучали требования скорейшей отправки на родину. Накалились отношения между офицерами и рядовым составом, началось дезертирство, среди бойцов корпуса активизировали свою работу красные и белые агитаторы. Тревожные настроения еще более усилились, когда поползли слухи, что корпус хотят окончательно разоружить и передать австриякам. Обстановка с каждым днем становилась все более нервной.

Не прибавило оптимизма легионерам также принятое Антантой 2 мая 1918 года решение разделить корпус на две части. Одна должна была выдвинуться в Мурманск и Архангельск для

обеспечения высадки британского десанта, который направлялся туда на крейсере «Олимпия», другая, уже находившаяся к востоку от Омска, должна была вступить во взаимодействие с союзниками в ходе предстоящих операций в Сибири. Эту директиву политическое руководство корпуса в Париже опротестовало. Напротив, наиболее радикальные легионеры потребовали от Антанты гарантий в том, что корпус не будет привлекаться к возможным боевым действиям в России. Разумеется, это требование было проигнорировано.

В столь напряженной атмосфере среди личного состава корпуса любой даже не очень значительный повод мог вызвать взрыв. После опасного столкновения 14 мая легионеров с властью города Челябинска, вызванного, в общем-то, рядовым происшествием на железнодорожной станции (ранением чеха брошенной из встречного эшелона чугуной ножкой от печки), еще более острый инцидент, уже с применением оружия, произошел в Омске 26 мая. Там в ответ на требование местных властей разоружиться легионеры открыли огонь по отряду красноармейцев. Были жертвы. В тот же день легионеры захватили станции и разоружили караулы в ряде других городов на Транссибирской магистрали. Шаткое равновесие было нарушено. Дальше события развивались в сторону все большего ухудшения ситуации.

«В Москве резкое обострение напряженности вокруг Чехословацкого корпуса увязывали в общую цепь с событиями последних недель: высадкой британских частей в Мурманске 9 марта, японским десантом во Владивостоке 5 апреля и его продвижением к Байкалу, выступлениями банд Семёнова в Восточной Сибири, занятием Крыма немцами, педантично повторяемыми Берлином требованиями разоружения и расформирования легионеров. Другими словами, интервенция союзных войск становилась все более очевидным фактом. Антанта не оставляла мысли принудить Россию продолжить войну до победного конца»¹⁵.

Вполне закономерно, что в этих условиях движение эшелонов было решено приостановить и добиваться окончательного разоружения частей корпуса. Военное ведомство продолжало уговаривать легионеров «выдать все оружие» и одновременно «из-

вещало о том, что Советская власть питает самые дружественные чувства по отношению к массе рабочих и крестьян чехословаков, являющихся братьями русских рабочих и крестьян». Военные власти от имени правительства торжественно обещали сделать все необходимое для того, чтобы легионеры в самый короткий срок могли покинуть пределы России.

Однако это не предотвратило штурма и взятия Пензы 28-29 мая. Последовавшая жестокая расправа с защитниками города, разграбление складов и магазинов, захват вооружения, боеприпасов и продовольствия стали прелюдией к неспровоцированным жесточайшим карательным операциям легионеров по отношению к населению Поволжья, Урала и Сибири.

В Москве были явно не готовы к такому повороту событий. Лишь 12 июня начался первый призыв в Красную армию, а 13 июня Совнарком принял постановление о создании Реввоенсовета для борьбы с чехословацкими мятежниками и «опирающейся на него помещицкой и буржуазной контрреволюцией». Был образован внутренний Восточный фронт¹⁶.

Наряду с принимаемыми мерами военного характера советское правительство с момента возникновения Чехословацкой Республики, стремясь к установлению дружественных отношений с новым государством, предпринимало и дипломатические шаги. В частности, уже 31 октября 1918 года, спустя два дня после провозглашения ее самостоятельности, Наркоминдел РСФСР направил ноту Временному правительству Чехословакии. В ноте говорилось: «Советское правительство... заявляет Временному Чехословацкому Правительству, что оно готово предоставить чехословакам полную возможность после того, как они сложат оружие, проследовать через Россию для того, чтобы возвратиться в свою родную страну, с полной гарантией их безопасности»¹⁷. Советское правительство предлагало далее непосредственные переговоры для урегулирования этого вопроса.

Первая советская нота, по сути дела, означала признание нового независимого государства, ибо она предлагала переговоры на началах равноправия и признавала за чехословацким правительством право решать вопросы, касающиеся подданных

бывшей Австро-Венгерской империи. Для молодого, только что возникшего государства это имело огромное значение. Однако чехословацкая буржуазия, воодушевленная «вниманием» стран Антанты, которое росло вместе с успехами Чехословацкого корпуса в России, не ответила на советскую ноту и скрыла ее содержание от общественности Республики.

В конце 1918 года было достигнуто соглашение с председателем отделения Чехословацкого национального совета в России профессором Максой о возвращении чехов и словаков на родину на условиях, гарантирующих взаимную безопасность¹⁸. Но после первых успехов в борьбе с советской властью руководство корпуса с одобрения Масарика и Бенеша отвергало все предложения советского правительства заключить перемирие.

Такой исход противоречил планам англо-французских стратегов, задумавших использовать легион для победоносной борьбы с Советами. Дальнейшие события это убедительно подтвердили: корпус явился авангардом, вокруг которого объединилась вся внутренняя антисоветская рать, а следом страну обложили антантовские и прочие интервенты. «Социалистическое Отечество» ценой огромных людских и материальных потерь держало оборону под напором объединенных враждебных сил.

Не учитывая вышесказанное, ссылаясь в основном на «кликушества» Л.Д. Троцкого, обвинять сегодня большевиков в сознательном провоцировании вооруженного выступления Чехословацкого корпуса против советской власти, в стремлении развязать гражданскую войну - это по меньшей мере антиисторично. Что касается Троцкого, то он, помешанный на извращенной, насыщенной им духом авантюризма марксистско-ленинской теории «перманентной революции», уже однажды поставил страну на грань военной катастрофы. Вспомним февраль 1918 года, когда Троцкий, возглавлявший советскую делегацию на переговорах о заключении мира с кайзеровской Германией в Бресте, отказался подписать договор (пытаясь реализовать придуманный им тезис «ни войны, ни мира»). Это дало повод Германии развернуть наступление по всему фронту против Советской республики, не имевшей сил для отпора врагу. В результате договор был подпи-

сан 3 марта 1918 года (уже без участия Троцкого) на значительно более невыгодных для страны условиях.

«Весной 1918 года, - писал Троцкий в 1933 году о своем видении проблемы с Чехословацким корпусом, - невольно вставал вопрос: хватит ли у истощенной, разоренной, отчаявшейся страны жизненных соков для поддержания нового режима? Продовольствия не было. Армии не было. Государственный аппарат еле складывался. Всюду гноились заговоры. Чехословацкий корпус держал себя на нашей территории как самостоятельная держава. Мы ничего, или почти ничего, не могли ему противопоставить...

Появление на сцене чехословацких частей изменило обстановку - сперва против нас, но в конечном счете в нашу пользу. Белые получили военный стержень для кристаллизации. В ответ началась настоящая революционная кристаллизация красных...»¹⁹.

Верно оценивая тогдашний политический момент, Троцкий, возглавлявший военное ведомство, при решении практических задач, связанных с Чехословацким корпусом, своими скоропалительными распоряжениями и авантюристическими действиями, в частности непродуманным, истеричным, нереальным для исполнения приказом от 25 мая 1918 года о полном разоружении легиона, только обострял ситуацию. А это было на руку реакционному командованию корпуса, имевшему указание вышестоящего руководства о готовности к вооруженному выступлению против Советов. Для его начала нужен был какой-либо формальный повод, даже обычный ложный слух, например о роспуске легиона и отправке бывших военнопленных обратно в лагеря или выдаче их австрийцам. Командиры частей, особенно усердствовал Р.Гайда, находили любые поводы для ухудшения взаимоотношений с российской стороной. Это все чаще приводило к возникновению «вооруженных столкновений», которые в дальнейшем и переросли в «боевые действия». Словом, как ни называй вольное или невольное (под давлением политиков Антанты) широкомасштабное вооруженное выступление легиона против советской власти, суть дела не меняется. Сожженные деревни партизан, тысячи россиян, повешенных на телеграфных столбах вдоль Сибирской магистрали, расстрелянных, искалеченных, замученных в тюрем-

ных застенках «Колчакии», - это не чьи-то выдумки, а мрачные результаты преступной деятельности легионеров и примкнувших к ним белогвардейцев. Поговорите с еще живущими престарелыми волжанами, уральцами и сибиряками: они поведают, что вместе с белогвардейцами творили мятежники.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Мятеж (1918 г.) Чехословацкого корпуса - вооруженное выступление чехословацких войск против советской власти во время Гражданской войны, являвшееся частью общего плана военной интервенции Антанты в России. Чехословацкий корпус (около 50 тыс. человек) был сформирован в России в апреле-июне 1917 года во время Первой мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии и русских подданных чешской и словацкой национальностей. Дислоцировался на Украине. После Октябрьской революции 1917 года командование корпуса развернуло среди личного состава антисоветскую пропаганду, объявило корпус частью французской армии и потребовало отправки его на Запад. Во второй половине марта 1918 года корпус был переведен в районы Тамбова и Пензы. Часть его осталась на Украине сражаться с австро-германскими интервентами. 26 марта советское правительство приняло решение направить войска корпуса во Владивосток для последующей эвакуации в Западную Европу при условии сдачи ими основной массы вооружения советским властям на местах. Но агенты Антанты подкупили Национальный совет корпуса.

В мае был спровоцирован мятеж корпуса, в организации которого приняли участие правые эсеры. Солдатам корпуса было объявлено, что советское правительство якобы приказало разоружить их и заключить в лагеря военно-пленных. Полки, отказавшиеся участвовать в мятеже, были разоружены, значительная часть солдат предана военно-полевому суду. 25 мая чехословаки, эшелоны которых растянулись от Пензы до Владивостока, захватили Маршинск. 26-31 мая при поддержке белогвардейцев

они свергли советскую власть в Челябинске, Новониколаевске (Новосибирск), Томске, Пензе и других городах, в начале июня захватили Омск, Курган, Самару, 29 июня - Владивосток. Затем, перейдя в наступление совместно с белогвардейскими отрядами, части Чехословацкого корпуса заняли Уфу (5 июля), Симбирск (Ульяновск) (22 июля), Екатеринбург (25 июля), а также Казань (7 августа), где была захвачена половина золотого запаса РСФСР.

На занятой чехословаками территории Поволжья, Урала и Сибири советская власть была свергнута и восстановлены старые органы власти. Возникли антисоветские правительства: в Самаре - Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), в Екатеринбурге - Уральское правительство, в Омске - Временное Сибирское правительство. Развернулся террор против сторонников советской власти. Для ликвидации мятежа Чехословацкого корпуса и разгрома антисоветских сил на востоке страны в июне 1918 года был создан Восточный фронт. В августе его войска приостановили наступление чехословаков и белогвардейцев на Урале и в Среднем Поволжье, а в конце августа - начале сентября перешли в контрнаступление и в конце ноября изгнали их из Поволжья. Военные поражения мятежников и большевистская агитация ускорили деморализацию корпуса и отвод его в декабре 1918 года с фронта. С середины 1919 года корпус привлекался адмиралом А.В.Колчаком лишь для охраны железной дороги и в военных действиях не участвовал. После разгрома войск Колчака командование Чехословацкого корпуса 7 февраля 1920 года заключило соглашение с советским командованием, в соответствии с которым чехословацкие войска были выведены на Дальний Восток, откуда эвакуированы на родину²⁰.

Антантовские стратеги, затеявшие безумную авантюру, действовали коварно и расчетливо. Они учитывали, что советская власть, просуществовавшая к началу мятежа лишь семь месяцев, еще не успела организационно окрепнуть. А главное - она фактически пока не имела вооруженных сил, способных дать отпор мятежникам. Остатки старой армии в апреле 1918 года были полностью демобилизованы. Новая армия в своем становлении делала лишь первые шаги, формируясь на основе доброволь-

чества. По подсчетам исследователей, она насчитывала весной 1918 года 185 тыс. человек, из них обученных только 49 тысяч, а готовых к отправке на фронт - лишь немногим более 17 тысяч²¹. Этого на огромную страну было, конечно, недостаточно.

Слабость обороны избранной жертвы поистине просто вдохновляла политиков и генералов Антанты на немедленное выступление с целью захватить легкую добычу. Тем более что лазутчики из военных миссий «союзников», шпионившие в советском тылу, слали вдохновляющие известия. Так, сотрудник французской миссии майор Пишон, исколесив всю Сибирь, докладывал в свое посольство и далее в Париж, что «хорошо дисциплинированной дивизией можно отвоевать всю железную дорогу до Омска». Тем же занимались и так же докладывали помощник Локкарта Хикс и американский капитан Вебстер. Но особенно усердствовала по части шпионажа офицерская верхушка Чехословацкого корпуса, сгоравшая от нетерпения ринуться в бой, чтобы выслужиться перед союзниками. Поручик Сыровой (в августе 1918 г. назначенный командиром корпуса) хвастливо заявлял накануне мятежа: «Оружия, которое нам оставили [по соглашению с советской властью], вполне хватит для того, чтобы разделаться с большевистскими войсками, с которыми мы можем встретиться по пути к Владивостоку...»²²

Ввиду столь заманчивой перспективы активизировались послы «союзников» в России. Так, американский посол Френсис после совещания послов в Вологде телеграфировал в конце мая 1918 года в Вашингтон: «Немедленная интервенция желательна, и дальнейшее откладывание опасно». Довод - «организация Красной армии - безуспешна»²³.

Давно известно, что расчет на слабость жертвы всегда поощряет хищников. И этот расчет, к сожалению, оправдался, но, к счастью, только поначалу. Удар, нанесенный мятежом Чехословацкого корпуса фактически беззащитной стране, был чрезмерно тяжелым. По своим последствиям он превосходил даже австро-германскую интервенцию. Под оккупацией чехословаков с конца мая по август 1918 года оказалась огромная территория - многие районы Поволжья, Урал, Сибирь, Дальний Восток. С востока,

образно говоря, была настежь распахнута дверь в Россию. В нее незамедлительно ринулись новые контингенты интервентов - японцев, американцев, англичан, французов, итальянцев. Их общая численность, не считая авангарда - легионеров, составила около 200 тыс. штыков²⁴. Это была самая крупная группировка чужеземных войск в России за всю Гражданскую войну. Такой весомый «вклад» Чехословацкого корпуса в оккупацию российской территории трудно вытравить из памяти россиян.

По опасности, которую нес с собой мятеж, он намного превосходил в то время все другие очаги внутренней контрреволюции. Калединщина - главный очаг сопротивления революционной власти - была побеждена главным образом из-за отказа фронтового казачества сражаться за восстановление старого режима, а сам атаман Каледин в приступе отчаяния покончил с собой. Добровольческая армия после мартовского (1918 г.) поражения на Кубани и гибели Корнилова ушла в глухие Сальские степи зализывать полученные раны. Вести крупномасштабные действия она уже не могла. Ее численность, по свидетельству генерала Деникина, в июне не превышала 8-9 тысяч, в основном офицеров-монархистов. Разгромленный под Оренбургом, атаман Дутов с остатками войска бежал в Тургайские степи. Атаман Краснов под защитой германских штыков еще только собирал свое воинство. И, не окажи ему кайзеровское правительство самой щедрой поддержки, он вполне мог бы разделить участь атамана Каледина. Краснов чистосердечно признавался: «Без немцев Дону не освободиться от большевиков». Он же засвидетельствовал: красновцы презрительно именовали Добровольческую армию «странствующими музыкантами», добровольцы платили им той же монетой, называя донское войско «проституткой, продающей себя тому, кто ей дороже заплатит». Разумеется, не от хорошей жизни в Белом движении рождалось такое взаимное озлобление, а от безысходности противостояния власти, опиравшейся на большинство народа. Очаги первых антисоветских мятежей быстро гасли, а с ними таяли и надежды внутренней контрреволюции вернуть страну в прошлое.

Мольбы ее обращались теперь на Запад, к тем, кто тоже ненавидел народную власть. Сознывая свое бессилие, контрре-

волюция уповала отныне на иноземных «корниловых», «красновых» и прочих. Не задумываясь о том, чем обернется это для родной земли. Все эти «зазывалы» иноземных спасителей, начиная с меньшевиков и кончая монархистами, сознательно шли на предательство национальных интересов. Правда, когда Гражданская война окончилась и обнаружались чудовищные результаты «помощи» Запада, зазывалы вдруг прозрели и «пожалели» о содеянном. Они увидели, что Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо, по словам Милюкова, «преследовали лишь собственные цели».

Собравшиеся в Париже 33 члена бывшего Учредительного собрания, среди которых оказались такие «знаменитости», как Милюков, Винавер, Керенский, Чернов, Брешко-Брешковская, Авксентьев, Зензинов, Чайковский, прозрев, сами себе признались: ведь просили у союзников военную помощь, а те устроили интервенцию, переходящую, по сути, в оккупацию российской территории. Неужели эти опытные, но, как выяснилось, наивные политики не знали, что у бывших «союзников» России не бывает постоянных друзей, а есть только постоянные интересы?

Вышеупомянутая компания, столь усердно «заманивавшая» в страну иностранную военную помощь, единодушно заявила: «Со всей решительностью протестуя против всех актов оккупации и захвата частей территории Российского государства теми или иными иностранными державами... [устанавливаем] всеми осознанную неприемлемость и нецелесообразность политики интервенции... [и] настойчиво предостерегаем... против попыток возврата к ней»²⁵. Эти горе-политики оставили в назидание потомкам горький, но весьма полезный урок: не связывайтесь с западными «благотельями», так как это ни к чему хорошему не приведет.

Как ни странно, среди организаторов и вдохновителей интервенции против Советской России тоже нашлись «прозревшие», хотя бы на словах. Например, г-н Черчилль, один из отцов анти-советской интервенции и подстрекателей корниловых и денкиных к Гражданской войне. Отвергая лицемерную политику правительств США, Англии и Франции, начавших интервенцию воровски, без объявления войны, призывая их открыто заявить

о походе против Советов, наперекор протестам общественности Запада, он писал: «Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов Советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению Советского правительства и строили планы его падения. Но объявить войну - это стыд! Интервенция - позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными, но наносили удар за ударом»²⁶.

Обратимся к высказыванию еще одного весьма осведомленного господина - Р.Локкарта, главы дипломатического представительства Великобритании в Советской России в 1918 году. Этот политик, находившийся, по его признанию, «в гуще величайшей из всех революций» и знавший о том времени неизмеримо больше нынешних фальсификаторов истории, позже вспоминал: генералы Алексеев, Деникин, Корнилов, Врангель горели желанием уничтожить Советы. Однако «для этой цели они, без поддержки из-за границы, были слишком слабы, потому что в их собственном стане они находили опору только в офицерстве, которое было само по себе уже очень ослаблено». Локкарт подтверждает существование до середины 1918 года «первоначальной стадии сравнительной большевистской терпимости». «Террора, - пишет Локкарт-очевидец, - еще не существовало, нельзя даже сказать, чтобы население боялось большевиков. Газеты большевистских противников еще выходили, и политика Советов подвергалась в них жесточайшим нападкам»²⁷.

Но вот в последних числах мая 1918 года грянул мятеж Чехословацкого корпуса, который еще в феврале был признан частью французской армии и в правительственных документах открыто именовался «авангардом интервенционистских сил» Антанты. Мятеж, готовившийся несколько месяцев в штабах Франции и Англии, а также в Верховном военном совете «союзников» в Версале, полыхнул пожаром Гражданской войны от Пензы до Владивостока.

Тот же Черчилль не мог удержаться - просто ликовал: «Вся русская территория от реки Волги до Тихого океана, почти не меньшая по размерам, чем африканский континент, перешла, словно по мановению волшебного жезла, под контроль союзников»²⁸. Господин Черчилль явно слукавил насчет «волшебного жезла»: этот жезл был не волшебным, а вполне реальным, и это ему было хорошо известно.

Мятеж Чехословацкого корпуса снова поставил Россию перед необходимостью вести войну. Интервенция и Гражданская война в стране стали свершившимся фактом. В связи с этим Р.Локкерт вынужденно признает, что «последующая жестокость» большевиков «явилась следствием обостренной гражданской войны. В гражданской же войне немало повинны и союзники, вмешательство которых возбудило столько ложных надежд... Нашей политикой мы содействовали усилению террора и увеличению кровопролития». И добавляет: «Глешая гражданская война вспыхнула ярким пламенем и поглотила тысячи русских жизней»²⁹.

Локкерт, уличенный в заговоре против советской власти и в конце 1918 года высланный из России, уже не мог воочию видеть, в какую цену обошлись нашему народу Гражданская война и интервенция, которые он в компании с Д.Френсисом (послом США) и Ж.Нулансом (послом Франции) столь активно готовил*. Видимо, поэтому «поскромничал» насчет количества жертв: не «тысячи русских жизней» стоило нашему народу преступление «союзников» и тех, кто призвал их на русскую землю, а людские потери составили около 8 млн. убитых, искалеченных, пропавших без вести, умерших от ран и эпидемий. Материальные же потери страны, как указывалось в меморандуме советской делегации на Гаагской конференции (июнь 1922 г.), достигали астрономической цифры - около 50 млрд. золотых рублей, что составляло 5/12 частей всего национального богатства России в сравнении с 1914 годом³⁰.

Как говорится, обстоятельства забываются, а факты остаются. Поэтому обратимся к высказываниям самих участников или

* «Заговор трех послов», как его назвали историки, был раскрыт и ликвидирован ВЧК.

свидетелей трагических событий, порожденных мятежом Чехословацкого корпуса. Этот один из самых первых и наиболее крупных актов иностранной военной интервенции коренным образом изменил положение советской власти, втянув ее в трехлетнюю истребительную Гражданскую войну. Есть немало свидетельств активных участников антисоветского движения, на глазах которых начиналась и кончалась преступная авантюра западных политиков, направлявших Чехословацкий корпус. Авторы высказываний практически единодушно подтверждают, что, не будь этой крупнейшей интервенционистской акции, спланированной и осуществленной «союзниками», кровавая драма в России не обрела бы такого масштаба, а возможно, вообще бы не состоялась.

«Ни для кого не секрет, - свидетельствует видный военный деятель самарского белогвардейского правительства Б.Солодовников, - что добровольное [под давлением стран Антанты] вмешательство Чехословацкого корпуса в русские споры положило основание русскому антибольшевистскому движению на Волге и в Сибири, вылившемуся во всесибирскую грандиозную авантюру с сотнями тысяч человеческих жертв и страшными разрушениями народного достояния, в течение многих лет добытого потом и кровью русских граждан»³¹.

Точно такого же мнения придерживался и бывший член ЦК партии меньшевиков и министр труда самарской «учредилки» И.М.Майский. Он писал: «Вмешательство чехов в российскую революцию навсегда останется тяжелым воспоминанием для трудящихся масс Советской республики. Вольно или невольно чешские войска сделали этот шаг, но последствия его оказались для русских рабочих и крестьян поистине роковыми. Не вмешайся Чехословакия в нашу борьбу, не возник бы Комитет членов Учредительного собрания, и на плечах последнего не пришел бы к власти адмирал Колчак. Ибо силы самой русской контрреволюции были совершенно ничтожны. А не укрепись Колчак, не могли бы так широко развернуть свои операции ни Деникин, ни Юденич, ни Миллер. Гражданская война никогда не приняла бы таких ожесточенных форм и таких грандиозных размеров, какими она ознаменовалась; возможно даже, что не было бы и гражданской

войны в подлинном смысле этого слова. Весьма вероятно, что дело ограничилось бы лишь небольшими местными восстаниями контрреволюционного характера, с которыми Советская власть справилась бы без большого труда. Словом, весь ход событий изменился бы. Вот почему, оценивая последствия вмешательства чехословаков в судьбы российской революции, трудно найти достаточно резкие слова для характеристики той черной и предательской роли, которую они сыграли»³².

Нельзя не привести здесь, несомненно, весьма «авторитетные» признания вклада Чехословацкого корпуса в развязывание Гражданской войны в России, высказанные Колчаком и Деникиным. Так, в «благодарственном» приказе от 4 декабря 1918 года Колчак отмечал: «1-я и 2-я чехословацкие дивизии своими исключительными подвигами и трудами в Поволжье, на Урале и в Сибири положили основание для национального возрождения востока России, проложили нам путь к Великому океану, откуда мы получаем теперь помощь наших союзников, дали нам время для организации русской вооруженной силы»³³.

Словом, было за что благодарить войско Масарика: «помощь» была оказана фундаментальная. Генерал Деникин тоже ощутил эту «помощь», хотя находился со своей армией далеко от очага мятежа. В написанных позже «Очерках русской смуты» он со знанием дела как крупнейший военный специалист и один из руководителей Белого движения засвидетельствовал: «Главный толчок к ней [Гражданской войне] дало выступление чехословаков... Их выступление сыграло чрезвычайно важную роль в истории развития противобольшевистского движения».

Позже, 25 мая 1919 года, шумно отмечая годовщину мятежа корпуса, колчаковское правительство и «сибирская общественность» рассыпались в благодарностях «братьям-чехам» за то, что те привели их к власти и стояли на ее охране. Печать колчаковцев, припадая на колени перед своими спасителями, в порыве откровения признавала, что «мятеж явился тем толчком, который разбудил здоровые русские силы»; чехословаки выступили тогда, «когда, казалось, уже не было никакого

просвета... Помощь пришла совершенно неожиданно и оттуда, откуда никто не ожидал»*.

Мятежники под строгим контролем полномочных представителей «союзников» спешно усаживали в кресла белогвардейские правительства Поволжья, Урала и Сибири, укрощали дравшиеся между собой за власть различные группировки, буквально сгоняли их в единое «всероссийское правительство» в лице Уфимской директории, помогали проводить насильственные мобилизации в так называемую «народную армию», вооружать и «кнутом» дисциплинировать ее, безжалостно подавлять очаги сопротивления в тылу. Они же, кичившиеся своим «демократизмом», расчистили путь военной диктатуре Колчака и до конца стояли на ее защите от восставшего народа. Чехословацкий корпус главным образом своими силами до начала 1919 года держал антисоветский фронт на Волге и Урале, а затем еще год вел грязную кровавую войну против повстанцев и партизан Сибири.

При всем при этом чешский генерал Р.Гайда, вслед за своим вождем Т.Г.Масариком³⁴, не уставал цинично заявлять о невмешательстве в ход русской революции. Гайда - один из главных исполнителей мятежа, писавший в своих послевоенных мемуарах, что для сибирской реакции мятеж с точки зрения ее готовности к взятию власти оказался преждевременным, и она предлагала отложить выступление хотя бы на полгода. Но главари корпуса не стали ждать ее «созревания», у них был приказ союзников начинать, пока Красная армия не окрепла, и контрреволюция, по словам Гайды, «могла просто брать власть по мере того, как наше войско наступало»**.

*Статья, из которой заимствованы эти признания, была напечатана в официальном колчаковском органе «Русская армия» и откровенно называлась «Ко дню годовщины свержения Советской власти чехословаками в Сибири». Камуфляж, будто мятежники начали войну против Германии, был отброшен.

**Об этом чешском военачальнике, который в описываемый период проявил себя как беспринципный карьерист, а с середины 1920-х гг. возглавлял фашистскую организацию в Чехословакии, сотрудничал с гитлеровцами, в российской и чешской историографии редко встретишь добрые слова.

МАСАРИК И БЕНЕШ - ОРГАНИЗАТОРЫ МЯТЕЖА ЛЕГИОНЕРОВ: ОРИЕНТАЦИЯ НА АНТАНТУ И НЕНАВИСТЬ К СТРАНЕ СОВЕТОВ

После того как в начале 1918 года филиал Национального совета провозгласил чехословацкие вооруженные силы в России «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»³⁵, корпус полностью перешел на содержание союзников. «Первые деньги, - вспоминал Масарик, - я получил в Киеве от англичан... 80 тыс. фунтов стерлингов. В Москве, с французской миссией... все вопросы, как финансовые, так и продовольственные, были разрешены в положительном смысле»³⁶.

18 февраля Масарик сообщил членам президиума Национального совета, что он окончательно решил вопрос с французскими дипломатическими представителями о финансировании корпуса и переброске его на Западный фронт. «Французы, - информировал Масарик, - приняли решение: дать нам эти деньги и призвать нас, чтобы мы тотчас отправились во Францию. Путь - через Владивосток (на Мурманск - дорога не в порядке, Архангельск замерз до мая)»³⁷.

Опубликованные документы убедительно свидетельствуют, что одним из инициаторов организации мятежа чехословацкого легиона в России и был Масарик, будущий первый Президент Чехословакии (1918-1935 гг.). В 1917-1918 годах Масарик вел интенсивные переговоры с государственным секретарем США Лансингом, Президентом Вильсоном и премьер-министром Великобритании Черчиллем об использовании чехословацких войск для вооруженной интервенции против Советской России. С этой целью он представил американскому правительству специальный меморандум, в котором подробно разбирал все вопросы, связанные с интервенцией в России. Этот «друг народа» и «демократ» цинично предлагал иностранным стратегам чехословацких солдат в качестве пушечного мяса, так как чехословацкая армия «обходится дешевле, чем американская или британская, ибо жалованье наших солдат намного ниже и

вся экипировка значительно дешевле; кроме того, наши люди привыкли к более простому образу жизни»³⁸.

Приведем посвященное проблеме создания воинских формирований письмо Бенеша Масарику в Петроград от 28 февраля 1918 года (перевод с французского оригинала):

«Формирование первой бригады во Франции успешно продолжается. Мы считаем необходимым предпринять все меры для того, чтобы вывести наши дивизии в России с территории, находящейся под германским влиянием, и двинуть их в восточном направлении, чтобы хотя часть из них была готова, в случае появления такой возможности, к транспортировке во Францию через Владивосток, как это удалось осуществить сербской бригаде.

Французские миссии информированы о получении депеши следующего содержания: они должны со своей стороны также советовать чешским военнопленным, которые не были еще завербованы либо не были еще Вами полностью организованы, чтобы те покинули немецкую территорию, приняли условия вступления в чешскую военную организацию и выжидали удобного момента для военного выступления в России». Подпись: Бенеш³⁹.

Масарик, ненавидевший большевиков, охотно шел на контакт с представителями различных антибольшевистских организаций, высказывал им поддержку. В своем стремлении уничтожить советскую власть чехословацкая буржуазия и ее ставленники Масарик и Бенеш не гнушались никакими средствами. Документы свидетельствуют о том, что Масарик финансировал и поддерживал антисоветские и контрреволюционные элементы.

В августе 1924 года в Москве состоялся процесс над белогвардейским террористом Борисом Савинковым. На процессе Савинков показал, что в 1918 году он получил от Масарика 200 тыс. рублей для нужд организации, готовившей убийство Ленина. В приговоре Верховного суда Советского Союза от 30 августа 1924 года в пункте 5 говорится: «Весной 1918 года, получив от Масарика при посредничестве некоего Клецандо 200 000 рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и другими членами советского правительства в целях совершения террористических

актов, каковые, однако, совершить ему, Савинкову, не удалось, по причинам, от него не зависящим»⁴⁰.

А в московской «Правде» от 31 августа 1924 года была помещена статья о процессе, в которой, между прочим, говорилось: «И рядом с французским финансовым капиталом и его агентом Нулансом выступает мелкобуржуазный моралист, идеалист, филантроп Масарик, давший 200 000 на устройство покушения на Ленина. Пусть привлекают Масарика теперь к ответу широкие массы чехословацкого народа»⁴¹.

Но Масарик и Бенеш не прекратили борьбы против советского государства и после поражения интервенции. В течение последующих лет они продолжали свою антисоветскую деятельность, стремясь нанести вред советской стране. Так, в период Генуэзской конференции они прилагали все усилия к тому, чтобы помешать признанию Советского государства другими странами.

Как явствует из документов, Президент Масарик проводил внутреннюю и внешнюю политику в интересах крупной чешской буржуазии, был послушным исполнителем ее воли. В первые годы существования Чехословакии были созданы такие негласные органы буржуазии, как «пятерка» и «новая мафия», которые определяли всю внутреннюю и внешнюю политику Чехословакии и решали все важнейшие государственные вопросы. Документы свидетельствуют о том влиянии, которое оказывал на политику Масарика один из магнатов чехословацкого финансового капитала директор Живностенского банка Прейс⁴². С ним Масарик согласовывал состав нового правительства, разрабатывал план наступления на жизненный уровень рабочего класса, с его помощью организовывал в период кризиса массовые увольнения рабочих.

Чехословацкая буржуазия, не скупясь, постоянно поддерживала Масарика, этого ловкого политика и хитрого демагога, во всех его антинародных и антинациональных делах. Так, финансовые магнаты Чехословакии создали для Масарика «специальный фонд», который он использовал для борьбы против Советского Союза и своего народа. Средства из этого фонда шли на борьбу против Коммунистической партии и на поддержку правых соци-

ал-демократов. Не забывала буржуазия и самого Масарика. Так, к его 80-летию ему был преподнесен подарок в 50 млн. крон⁴³. И это в то время, когда народ страдал от нищеты и безработицы, а сам Масарик призывал его жить еще скромнее!

Идеологи чешской буржуазии Т.Масарик и Э.Бенеш, как и многие другие буржуазные политики и историки, приложили немало усилий к тому, чтобы извратить миролюбивую политику Советского государства по отношению к Чехословакии, в более выгодном свете представить позицию чехословацкого правительства в «русском вопросе» и в то же время обвинить Советское государство в разного рода «прегрешениях». Таковы работы К.Крамаржа и Ф.Соукупа⁴⁴. Крамарж, например, обвинял советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Чехословакии и отстаивал позицию интервенции и единого фронта капиталистических держав против Советской России.

Западные историки, а также чешские и словацкие эмигранты выступали в защиту потерпевшего полный крах внешнеполитического курса Масарика и Бенеша, пытаясь обвинить Советский Союз в недружелюбном отношении к созданной в 1918 году Чехословацкой Республике.

Образование нового государства явилось прежде всего следствием революционной борьбы трудящихся чехов и словаков против прогнившего монархического режима Австро-Венгрии. Огромное влияние на усиление революционного и национально-освободительного движения народов австро-венгерской монархии оказала социалистическая революция в России. Однако власть в Чехословацкой Республике удалось захватить чешской и словацкой буржуазии, получившей большую помощь от западных держав.

Чехословацкое правительство с самого основания республики свою внутреннюю и внешнюю политику поставило на службу капиталистическим монополиям и крупным земельным собственникам. Волю крупной финансовой и промышленно-аграрной буржуазии Чехословакии выполняли «гуманист» Т.Масарик и «социалист» Э.Бенеш, которые умели прикрывать антинародные планы чешской буржуазии фразами о демокра-

тизме, гуманизме и бескорыстии. Демагогическая фразеология и «теоретические» изыскания Масарика и Бенеша были еще более необходимы для оправдания зависимости внешней политики Чехословакии от западных держав и враждебного отношения к Советскому государству.

Масарик выдвинул и пропагандировал насквозь идеалистическую концепцию характера Первой мировой войны. По его мнению, эта война не была борьбой империалистических государств за передел мира и усиление своего господства в той или иной части света, а была «борьбой теократии с демократией», столкновением «идей», «взглядов» и т. д. Согласно этой концепции, носителями современной демократии были государства Антанты и США, которые «боролись» за идеалы гуманизма. Им противостояли центральные державы, приверженцы «умирающей теократии», носители полуфеодальных взглядов на развитие общества⁴⁵.

Такая концепция характера Первой мировой войны была нужна для того, чтобы сделать вывод, что победа демократии способствовала созданию независимых государств, в том числе Чехословакии, и что эти новые государства с «демократическим» режимом должны сохранять верность идеалам демократии, а следовательно, и носителям этих идеалов - великим капиталистическим державам⁴⁶. Так, идеалистическая концепция характера Первой мировой войны служила идеологам буржуазной Чехословакии обоснованием западной ориентации внешней политики своей страны.

Идеологи буржуазии создали и усиленно культивировали легенду о так называемом «освобождении» Чехословакии западными державами. Она нужна была им для того, чтобы убедить чешский и словацкий народы, что свою независимость республика получила только благодаря усилиям союзников, позаботившихся о равноправии малых народов и их свободе. Масарик, например, с благодарностью отмечал решающую роль Франции и «миротворца» - 28-го Президента США Т.В.Вильсона (1913-1921 гг.) в создании независимой Чехословакии⁴⁷.

В связи с этим следует напомнить о том, что в своих выступлениях и декларациях 1914-1918 годов Вильсон и Ллойд Джордж

(премьер-министр Великобритании в 1916-1922 гг.) ни слова не говорили о предоставлении государственной независимости народам, входящим в состав Австро-Венгрии. В «14 пунктах» Вильсона говорится не о независимости, а лишь об автономии народов австро-венгерской монархии. Ллойд Джордж в своих мемуарах пишет о позиции великих держав относительно Австро-Венгрии следующее: «По вопросу об Австро-Венгрии мирный договор [Сен-Жерменский] пошел дальше первоначальных намерений великих союзных держав. Политика Франции, России, Англии, Америки и Италии не предусматривала расчленения Австрийской империи на раздробленные и не связанные между собой части... Наибольшим успехом пользовалась мысль... о предоставлении полной автономии народам Австро-Венгрии в рамках федеральной конституции»⁴⁸. Таким образом, совершенно ясно, что западные державы не были заинтересованы в предоставлении независимости Чехословакии и лишь поставленные перед фактом развала прогнившего режима вынуждены были санкционировать создание нового государства, свобода которого была завоевана трудящимися. Фальшивая легенда об «освобождении» понадобилась чехословацкой буржуазии для оправдания своей внешнеполитической ориентации на западные державы.

Побочным продуктом этой легенды являлась теория «малого народа», которая усиленно пропагандировалась всей буржуазной и социал-демократической печатью Чехословакии. Суть этой «теории» сводилась к тому, что малые государства не должны вести самостоятельную политику, а должны послушно следовать в фарватере политики великих западных держав. Особенно энергично развивал эту теорию министр иностранных дел Э.Бенеш (1918-1935 гг.). В своей речи, произнесенной 2 декабря 1925 года в Кингс-колледже Лондона и специально посвященной проблеме малых народов, Бенеш сделал вывод, что «существование и роль малых государств зависят, несомненно, от положения и политики великих держав»⁴⁹. Поэтому он призывал к тому, чтобы всякое небольшое государство принимало во внимание точку зрения великих держав и руководствовалось ею «при проведении своей внешней политики». В работе «Внешняя политика

и демократия» Бенеш прямо заявил, что «о полном суверенитете отдельных государств сегодня уже невозможно говорить»⁵⁰. Таким образом, идеологи чехословацкой буржуазии взяли на вооружение теорию «малого народа» для оправдания подчиненного положения Чехословакии в вопросах внешней политики от великих держав Запада.

Внешняя политика чехословацкой буржуазии прежде всего зависела от политики французского империализма. Руководители буржуазной Чехословакии при всяком удобном случае подчеркивали нерушимость политической ориентации на Францию. Э.Бенеш неоднократно заявлял, что «мы всегда сохраним тесный союз с Францией и не может быть такого положения, при котором мы бы его нарушили»⁵¹. Это объяснялось тем, что после окончания Первой мировой войны позиции Франции в Европе заметно усилились в результате разгрома ее основного конкурента - Германии. Франция играла также видную роль в послевоенном устройстве Европы и создании Версальской системы. Лидеры чешской буржуазии Масарик и Бенеш постоянно учитывали политику Франции в послевоенной Европе, направленную на ослабление Германии. Эта политика полностью отвечала интересам чехословацкой буржуазии, боявшейся усиления Германии и возможного присоединения к ней Австрии. Поэтому чехословацкая буржуазия охотно включила Чехословакию в блоки малых стран, создававшиеся Францией для усиления своего положения в Европе, и явилась одним из основателей Малой Антанты, «санитарного кордона» против Советской России. В первые послевоенные годы французский империализм был инициатором многих антисоветских выступлений стран Антанты, что не могло, конечно, не сказаться на позиции чехословацкой буржуазии по отношению к Советской России.

Чехословакия была тесно связана с Францией также в военном и экономическом отношении. В Чехословакии находилась большая французская военная миссия, которая состояла из 70 офицеров и 50 солдат, причем глава этой миссии являлся вплоть до 1925 года одновременно и начальником чехословацкого генерального штаба. Французский капитал приобрел значительное влияние на чехословацкую промышленность и банки.

Известный концерн «Шнейдер-Крѐзо» при участии Живностенского банка проник в ряд крупных промышленных предприятий⁵².

Однако тесная экономическая, политическая и военная связь Чехословакии с Францией отнюдь не означала, что чехословацкая буржуазия находилась в кабальной экономической и политической зависимости от Франции и слепо следовала ее политическому курсу. В известных пределах чешские государственные деятели проявляли некоторую самостоятельность, учитывая интересы собственной буржуазии и точку зрения других капиталистических государств.

Большое внимание правящие круги Чехословакии уделяли позиции Англии. Заинтересованные в целостности и незыблемости Версальской системы, они были сторонниками англо-французского сотрудничества и нередко предпринимали практические меры для устранения трений между Англией и Францией и укрепления единого фронта империалистических держав Европы. По их мнению, статус-кво в Европе можно было сохранить лишь благодаря единству действий Англии и Франции. Краеугольным камнем внешней политики Чехословакии, по словам Бенеша, было «самое тесное сотрудничество с Францией и Англией по всем вопросам европейской политики»⁵³.

На позицию Чехословакии по вопросам внешней политики косвенное влияние оказывали и США. Влияние США подкреплялось громадной задолженностью Чехословакии за кредиты, полученные от американцев на содержание легионеров в Сибири и послевоенную помощь. Долг Чехословакии США достигал приблизительно 91 млн. долларов⁵⁴.

Основная тенденция внешней политики буржуазной Чехословакии по отношению к Советской стране определялась классовой ненавистью чехословацкой буржуазии к первому в мире пролетарскому государству и страхом перед собственным пролетариатом⁵⁵.

К.Крофта - преемник Бенеша на посту министра иностранных дел (1936-1938 гг.) и историк - в ряде своих работ пытался доказать, что развитие чехословацко-советских отношений в 1918-1925 годах проходило нормально и что именно «коррект-

ное» поведение правящих кругов Чехословакии по отношению к Советскому Союзу способствовало сближению обоих государств в 1930-х годах. Более того, он самонадеянно утверждал, что внешнеполитический курс чехословацкой буржуазии вполне соответствует «общим идеалам и целям громадного большинства нашего народа».

В работе, посвященной роли Бенеша в руководстве внешней политикой Чехословакии, Крофта признал факт недружелюбного отношения правящих кругов Республики к Советскому государству. «Наше отношение к России было в огромной мере осложнено тем обстоятельством, что на месте старой России, к которой до и во время войны мы питали глубокие симпатии, появилась еще до завоевания нашей государственной самостоятельности новая Россия, которая... отказалась даже от старого названия и уступила место Союзу ССР»⁵⁶. Иными словами, «демократы» и «социалисты», питавшие глубокие симпатии к царской, самодержавной России, повернулись спиной к новому демократическому государству.

Особенно непримиримую позицию занимал Э.Бенеш, который видел возможность установления дружественных отношений с Советской Россией только после изменения ее социально-экономического уклада⁵⁷. Здесь, на наш взгляд, уместно обратиться к его высказыванию в интервью от 1 сентября 1938 года американскому журналу «Current History», который был основан газетой «Нью-Йорк таймс» в 1914 году для более глубокого освещения хода Первой мировой войны и является старейшим изданием в США по проблемам мировой политики*.

«В международных отношениях, - заявил Бенеш, - я на протяжении уже длительного времени стремился к тому, чтобы отношение к Советской России стало здравым. При завершении

**Это любопытное интервью от 1 сентября 1938 г. с Э.Бенешем - бывшим министром иностранных дел в правительстве Масарика, в 1935-1938 гг. и 1945-1948 гг. - Президентом Республики, а также комментарии члена редколлегии журнала «Current History» Ч.Ходжеса в 2009 г. опубликовал журнал «Международная жизнь» в очередном специальном выпуске «Вторая мировая война: история без купюр».*

мировой войны [Первой] возникла критически важная проблема большевизма. Я пытался заставить Британию и Францию определить свою позицию в 1920-х годах, а возможны были два варианта. Один заключался в том, чтобы раздавить советское правительство. Я мог понять подобную политическую позицию, хотя знал, что этой цели достичь невозможно. Другой вариант заключался в том, чтобы вернуть Россию в международную жизнь как можно скорее, чтобы нормализовать послевоенную обстановку. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы выполнить эту задачу. Советскому правительству известно, что я постоянно стремился установить нормальные отношения между Лигой Наций и Москвой. Я по-прежнему придерживаюсь этих взглядов на отношения между самой Чехословакией и Советским Союзом. Мы требуем, однако, чтобы они воздержались от какого-либо вмешательства в наши внутренние дела!»⁵⁸.

В приведенном выше высказывании об отношении к Советской России, а позже - к Советскому Союзу Э.Бенеш предстает вполне белым и пушистым. Между тем, как показано выше, в бытность генеральным секретарем Чехословацкого национального совета в Париже, а с 1918 года - министром иностранных дел правительства независимой Чехословакии он рука об руку с Т.Г.Масариком проводил непримиримую антисоветскую политику, внес весомый вклад в подготовку и осуществление вооруженного выступления чехословацкого армейского корпуса против молодого Советского государства.

Внешняя политика буржуазной Чехословакии под влиянием международных событий и революционного движения внутри страны зачастую проявляла колебания, отступала в какой-то мере от принятого курса или маскировала свои истинные намерения: правящая элита государства, определявшая характер официальной политики, вынуждена была считаться с существовавшей в стране мощной силой. Рабочий класс Чехословакии, руководимый левыми социал-демократами, а затем Коммунистической партией, боролся за отказ от односторонней ориентации на Запад, за тесное экономическое и политическое сотрудничество с народами Советской страны.

Однако общая тенденция - западная ориентация и связанное с ней, мягко говоря, недружелюбное отношение к Советскому государству даже в условиях угрозы потери национальной независимости - оставалась краеугольным камнем внешнеполитического курса.

Чехословацкие буржуазные круги, принявшие активное участие в организации интервенции, руководствовались классовой ненавистью к стране Советов и страхом за собственное существование. Они надеялись, что интервенция союзников уничтожит очаг революционного движения - Советскую Россию. Кроме того, организуя мятеж Чехословацкого корпуса на советской территории, чешские буржуазные деятели надеялись получить признание великими державами права чехов и словаков на свое самостоятельное государство.

К тому же шансы добиться от союзников этого права были вполне реальные. Ведь в тот период из-за продолжавшейся мировой войны они не имели сколько-нибудь значительных сил, чтобы бросить их на борьбу с советской властью. Поэтому союзники были кровно заинтересованы в том, чтобы такая крупная военная сила, как Чехословацкий корпус в России, выступила против большевиков. И в связи с этим оказывали сильное давление на Чехословацкий национальный совет. Словом, заинтересованность в сделке оказалась обоюдной.

Впрочем, у чехословацкой стороны была еще одна не афишируемая причина участия в антисоветской интервенции: давнишнее заветное желание получить выгодные позиции в экономике России. Еще до Октябрьской революции чешская буржуазия имела определенное влияние на торговлю и промышленность Украины и Юга России. Так что разгром Советов закрепил бы ранее завоеванные ею позиции в русской экономике и способствовал дальнейшему обогащению. Таковы были основные причины, побуждавшие чехословацкую буржуазию сделать свой легион активным участником антисоветской интервенции. Его успехи в борьбе против советской власти она намеревалась использовать для того, чтобы добиться удовлетворения своих территориальных, политических и экономических требований.

Вместе с тем правящая элита государства, определявшая характер официальной политики, вынуждена была считаться с существовавшей в стране мощной силой. Рабочий класс Чехословакии, руководимый левыми социал-демократами, а затем Коммунистической партией, боролся за отказ от односторонней ориентации на Запад, за тесное экономическое и политическое сотрудничество с народами Советской страны. Революционные настроения так или иначе проникали и в ряды легионеров.

Агитация чехословацких интернационалистов на крупных железнодорожных станциях, через которые следовали на восток эшелоны корпуса (Пенза, Самара, Петропавловск, Челябинск, Омск и др.), против отъезда во Францию, их призыв вступать в Красную армию, не доверять буржуазному руководству, разоблачение ими связей лидеров национального движения с дипломатическими миссиями держав Антанты приносили реальные плоды, хотя и не так быстро и легко, как они этого хотели. Пенза в апреле-мае стала важнейшим центром деятельности чехословацких интернационалистов. Это было обусловлено тем, что, во-первых, здесь к этому времени уже существовала реальная основа для формирования первой крупной чехословацкой части Красной армии в виде чехословацкого красноармейского отряда (батальона) и, во-вторых, проезд через Пензу частей корпуса, которые подлежали здесь разоружению, создавал и массовую базу для ее дальнейшего расширения путем агитации среди добровольцев.

Формирование чехословацкого красноармейского отряда в Пензе началось, судя по всему, еще в феврале. Ярослав Штромбах, его организатор и первый командир, родился в 1896 году в городе Лоуны. Восемнадцатилетний студент Коммерческой академии, призванный в армию в первые же месяцы войны, уже в августе 1915 года оказался в русском плену. Здесь он вступает в Чехословацкий корпус, получает чин подпоручика, участвует в боях под Зборовом. Однако вскоре, как писал он в одной из анкет, «был разжалован за бунт в 3-м чехословацком полку». 28 февраля 1918 года, сказано в этой анкете, Я.Штромбах был командирован «партией чехословацких коммунистов» в Пензу

в качестве командира чехословацкого коммунистического батальона. С марта он уже командир чехословацкого полка⁵⁹.

В марте же в Пензе началось формирование интернационального отряда под руководством другого чехословацкого интернационалиста Славоюра Частека⁶⁰. Первый из сохранившихся приказов по Первому пензенскому чехословацкому революционному полку датирован 12 апреля. Анализ приказов и списков бойцов полка позволяет сделать вывод, что хотя полк и именовался чехословацким и действительно состоял главным образом из чехов и словаков, но в разное время в нем были отдельные красноармейцы и даже целые подразделения бойцов других национальностей (русские, латыши, сербы и др.). По сведениям контрразведки Чехословацкого корпуса, в конце апреля в полк ежедневно переходило около 20 солдат из эшелонов, двигавшихся через Пензу. Судя по не полностью сохранившимся приказам, в полк с 9 по 27 мая прибыло 265 человек, в том числе чехословацкий красногвардейский отряд из Одессы и отряд Гашека из Донбасса. По подсчетам Я.Кржижека, общая численность полка, состоявшего из трех стрелковых рот, артиллерийской батареи, пулеметного взвода и взвода связи, к 26 мая достигла 720 бойцов⁶¹.

Число солдат корпуса, перешедших в Красную армию в марте-мае 1918 года в Пензе, Самаре и других городах, не представляется возможным определить сколько-нибудь точно. Буржуазные и правосоциалистические авторы значительно преуменьшают их число, а цифры, приводившиеся в современной чехословацкой литературе, возможно, действительно, как утверждает В.Вавра, несколько преувеличены. Однако уход добровольцев из корпуса бесспорно принял значительные размеры. Свидетельством тому служит факт, что на заседаниях филиала Национального совета неоднократно обсуждался вопрос о мерах против агитации чехословацких коммунистов и перехода солдат в Красную армию.

«Не сразу, но неуклонно все большее число не только чехословацких солдат, но и офицеров начинало понимать, что вопреки своей воле они оказались втянутыми в борьбу не с «кучкой германских агентов», а с братским народом, стали орудием чуждой им и чуждой России политики. Это было началом вели-

чайшей моральной трагедии тысяч простых людей, постепенно осознавших, что они обмануты, что из «божьих воинов, гуситов XX века», они превратились в простых наемников»⁶².

«Честь чешского и словацкого народов защитили те 12 тыс. бывших военнопленных, и среди них знаменитый писатель Ярослав Гашек, которые отмежевались от запроданного Антанте корпуса и сражались в рядах Красной армии за общее дело всех трудящихся, а также те примерно 3 тыс. легионеров корпуса, которые отказались вести грязную войну против русских братьев. Но первые были цинично оклеветаны и по возвращении на родину подвергались всяческому гонениям, а вторые, по приказу французского ген. Жанена, главкома войск интервентов в Сибири, были арестованы и брошены в крепость на Русском острове у Владивостока»⁶³.

Тяжелым было похмелье для многих легионеров, которых Масарик и его окружение путем обмана превратили в палачей рабочих и крестьян России. Горьким осознанием этой реальности проникнуто обращение отплывавших на родину легионеров «Всем в Чехословацкой Республике» (2120 подписей): «Желая видеть в будущем свое имя незапятнанным, хотим, чтобы история нашего конфликта в России была подробно расследована беспристрастной русско-чешской комиссией, а ее результаты опубликованы»⁶⁴.

«Безусловно, великая доля ответственности за причиненный России ущерб ложится на чехословацких легионеров. Они не сдержали взятых обязательств «не вмешиваться во внутрироссийские дела». Именно они повинны в том, что политическая борьба в России от отдельных вооруженных стычек противоборствующих сил переросла в полномасштабную и жестокую брато-убийственную войну. Они стали ударным отрядом иностранной военной интервенции. Справедливости ради можно заметить, что рядовые легионеры оказались заложниками интересов ведущих игроков Антанты, загребавших жар чужими руками»⁶⁵.

¹Цинговатов Ю.Л. Отдельный чехословацкий корпус в России (1914-1920): освободители или интервенты? // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории

- России. Материалы международной конференции (Москва, 2-3 ноября 2010 г.). М.: РИСИ, 2011. С. 124.
- ²*Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. М.: Наука, 1965. С. 4.
- ³РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 574. Л. 21.
- ⁴*Юрченко В.* Мятёж, которого не было // Родина. 1994. №1. С. 28-34.
- ⁵Там же. С. 34. Сноска №37.
- ⁶Там же. С. 29.
- ⁷*Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России. М., 1965. С. 23; *Клеванский А.Х.* Указ. соч. С. 12.
- ⁸*Юрченко В.* Указ. соч. С. 29.
- ⁹Там же.
- ¹⁰*Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1972. С. 73.
- ¹¹Там же. С. 72.
- ¹²*Грэвс В.* Американская авантюра в Сибири (1918-1920). М., 1932. С. 61.
- ¹³*Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. М., 1999. С. 60.
- ¹⁴*Цинговатов Ю.Л.* Указ. соч. С. 116.
- ¹⁵Внешняя политика СССР 1917-1944 гг.: Сб. док. Т. 1. 1917-1920 гг. М., 1944. С. 67-75, 91-92, 97.
- ¹⁶Военная история России. М., 2001. С. 543.
- ¹⁷Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 548.
- ¹⁸Там же. Т. 2. С. 25.
- ¹⁹*Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 222-224.
- ²⁰См.: Военная энциклопедия: В восьми томах. Т. 8. М.: Воениздат, 2004. С. 405-406.
- ²¹*Голуб П.* Мятёж, который сверг Россию в Гражданскую войну (по документам противобольшевистского лагеря)//Диалог. 1996. №7. С. 63.
- ²²Там же. Кстати, много оружия легионеры утаили от контроля на станциях, попрятав в укромных местах вагонов.
- ²³Там же.
- ²⁴Там же.
- ²⁵Там же. С. 64.
- ²⁶Там же. С. 61-62.
- ²⁷Там же. С. 62.
- ²⁸Там же. С. 63.
- ²⁹Там же. С. 62.
- ³⁰Там же.

- ³¹Там же. С. 64.
- ³²Там же.
- ³³Там же.
- ³⁴Бывший главком армии Колчака ген. К.В.Сахаров, знавший о делах Масарика и его подручных, позже писал: «Масарик - одна из самых знаменитых фигур современности - по своей изворотливости и по умению делать самые грязные дела с благочестивым видом» (см.: Общественно-политический и литературно-художественный журнал «Диалог». 1996. №7. С. 66).
- ³⁵Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 147.
- ³⁶Миц И.И. Год 1918-й. М., 1982. С. 499.
- ³⁷Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 153.
- ³⁸Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика/Перевод с чешского. Предисловие М.Туманова. М.: Издательство иностранной литературы, 1954. С. 44.
- ³⁹Там же. С. 18. Документ свидетельствует о том, что с самого начала Масарик и Бенеш принимали участие в подготовке интервенции против Советской России и играли важную роль в объединении внутренних и внешних анти-советских сил.
- ⁴⁰Там же. С. 19.
- ⁴¹Там же.
- ⁴²Там же. С. 4-5.
- ⁴³Там же. С. 5.
- ⁴⁴См.: *Kramaf K. Pet pfdnasek o zahranicni politice. Praha, 1922; Die russische Krisis. München - Leipzig, 1925; Soukup F. Revoluce prace, di. 1-11. Praha, 1938.*
- ⁴⁵См.: *Masaryk T.G. Svetova revoluce za valky a ve valce 1914-1918. Praha, 1925. S. 404-407.* Как философ-позитивист религиозно-этического направления Масарик к своей концепции характера Первой мировой войны искусственно приспособил идею о противоборстве теократии с демократией.
- ⁴⁶Ibid. S. 433-436.
- ⁴⁷Ibid. S. 492, 503.
- ⁴⁸Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика... С. 13-14.
- ⁴⁹Там же. С. 14.
- ⁵⁰Бенеш Э. Статьи и речи. Прага, 1925. С. 132.
- ⁵¹Там же. С. 142.
- ⁵²Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика... С. 15.
- ⁵³Там же. С. 16.
- ⁵⁴См.: *Deset let Ceskoslovenske Republiky. Sv. II. Praha, 1928. S. 478.*
- ⁵⁵Письмо Масарика Г.В.Плеханову см.: *Muska J., Hozec J. Kulozeceskoslovenskych legii v Rusku. Praha, 1954. S. 113-114.*

⁵⁶Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика... С. 17.

⁵⁷См.: *Бенеш Э.* Указ. соч. С. 217.

⁵⁸*Ходжес Ч.* С Бенешем уходит эпоха // *Международная жизнь.* 2009. Специальный выпуск «Вторая мировая война: история без купюр». С. 207-208.

⁵⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 323. Л. 44.

⁶⁰Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). М., 1957. Док. №204. С. 223.

⁶¹В РГАСПИ хранится «Именной список чехословацкой Красной армии» (без даты), кончающийся порядковым номером 660 (Ф. 17. Оп. 1. Д. 264).

⁶²*Клеванский А.Х.* Указ. соч. С. 265.

⁶³*Голуб П.* Указ. соч. С. 66.

⁶⁴Там же.

⁶⁵*Цинговатов Ю.Л.* Указ. соч. С. 124.

ЛЕНД-ЛИЗ ШЕЛ ЧЕРЕЗ ИРАН

Сергей Монин

ПОСЛЕ нападения фашистской Германии на Советский Союз одной из главных задач для участников формирующейся антигитлеровской коалиции стало оказание СССР военно-экономической помощи путем поставок ему всего необходимого для ведения войны. Но как организовать эти поставки? Какими маршрутами доставлять помощь Советскому Союзу?

Самый короткий и быстрый путь - северный, через арктические моря в Мурманск и Архангельск. Он и заработал раньше других. Уже 31 августа 1941 года в СССР пришел первый английский конвой. Особую ценность этого маршрута составляло то, что по нему переправлялось прежде всего вооружение. Поначалу этот путь был достаточно безопасным. Гитлеровцы, уверенные в своей скорой победе, не обращали внимания на поставки союзников. Но после битвы под Москвой стало ясно, что война затягивается. Союзные конвои стали подвергаться массированным атакам. Если с августа 1941 года до конца марта 1942 года из 110 транспортных судов было потоплено одно, то в мае было потеряно уже девять судов из 57¹.

Другой путь - восточный, через Тихий океан. По этому маршруту СССР мог получать помощь от Соединенных Штатов. Но этот путь был долгим, занимавшим 18-20 суток, и до-

Сергей Михайлович Монин - профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России, кандидат исторических наук.

статочно сложным для судоходства. Все проливы на подходах к советскому Приморью контролировались японцами. После нападения Японии на США здесь могли ходить только суда с советскими экипажами и под советским флагом. Этим маршрутом доставлялись в основном машины, оборудование, продовольствие и нефтепродукты.

Но существовал еще и третий путь, с юга, через Персидский залив, Иран, Кавказ и Каспий. У этого пути, получившего название «трансиранский (персидский) коридор», была своя предыстория. Его появление, казалось, никак не вытекало из событий, предшествовавших нападению Гитлера на Советский Союз.

Иран (до 1935 г. - Персия) с начала XIX века являлся объектом острого соперничества между Россией и Британией. «Большая игра», которую две империи вели в Центральной Азии, давала о себе знать и на Среднем Востоке.

Ситуация изменилась только в 1907 году, когда Петербург и Лондон подписали соглашение о разделе Персии на зоны влияния. Более того, в годы Первой мировой войны союзные русские и английские войска действовали с иранской территории против турок на Кавказском и Месопотамском фронтах, вели борьбу против германо-турецкой агентуры².

Затем, однако, последовали революция в России, британская интервенция с персидской территории в Закавказье и Закаспий, новый виток соперничества двух держав в межвоенный период. С началом Второй мировой войны дело дошло до того, что Лондон вместе с Парижем рассматривал возможность воздушных налетов на Баку и Батуми, но эти планы сорвались из-за наступления Германии на Западном фронте в мае 1940 года.

В Тегеране нашлись желающие поучаствовать в антисоветских предприятиях. Как утверждает в иранской литературе, шахский военный министр в начале 1940 года обратился к британскому военному атташе с предложением о совместном нападении на СССР и бомбардировке нефтепромыслов в Баку, а также о заключении секретного соглашения о военном сотрудничестве³. Англичанам, однако, в тот момент втягивание Тегерана

в открытый конфликт с Москвой было ни к чему, ибо в случае ответного удара СССР они едва ли смогли бы защитить Иран.

Советское командование готовило свои контрмеры. В начале 1940 года был усилен Закавказский военный округ. Его командный состав провел игру на оперативных картах, в ходе которой отработывалось выдвижение советских войск в сторону Турции и Ирана (на Тебриз)⁴. По воспоминаниям С.М.Штеменко, в то время старшего помощника начальника ближневосточного отдела Генштаба, осень 1940 и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание ближневосточного театра. В мае 1941 года в Закавказском и Среднеазиатском военных округах были проведены командно-штабные учения⁵.

Между тем во второй половине 1930-х годов в давнее англо-русское соперничество решительно вмешалась фашистская Германия. Гитлеровцев Иран интересовал как стратегический плацдарм против СССР и Британской империи, а также как источник сырья, прежде всего нефти (8,4 млн. т в 1940 г. - четвертое место по добыче в мире). В 1940-1941 годах 45,5% внешней торговли Ирана приходилось на Германию, тогда как на СССР - 11%, Великобританию - 4%. Немцы поставляли промышленное оборудование, направляли специалистов и консультантов, организовали пролежавшую через Иран авиалинию Берлин - Кабул, активно участвовали в модернизации и расширении железных дорог.

Особое беспокойство в Москве и Лондоне вызывали военные связи между Берлином и Тегераном: поставки немецкого оружия и военного снаряжения, направление немецких военных инструкторов и советников в иранскую армию, жандармерию и полицию, обучение иранских курсантов в германских военно-учебных заведениях.

В Иран с разведывательно-диверсионными целями активно внедрялась германская агентура. Она проявляла особый интерес к районам, граничащим с Советским Союзом и Британской империей. Проводилась подготовка к диверсионно-террористическим актам. Немцы налаживали связи с представителями российской

политэмиграции, с азербайджанской, армянской, грузинской, туркестанской диаспорами. Устанавливались контакты с вождями склонных к мятежам племен.

Стремительный рост могущества Третьего рейха, его агрессивная, экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Прямые ставленники Германии и ее агенты влияния имелись практически во всех сферах политической и общественной жизни страны. Как отмечает российский ученый А.Б.Оришев, детально исследовавший ситуацию в Иране в тот период, влияние нацистов ощущалось буквально везде: «от шахского двора до тегеранского базара»⁶.

Вместе с тем, как утверждается в новейших исследованиях отечественных ученых⁷, назвать внешнеполитический курс Ирана полностью прогерманским нельзя. Об этом, в частности, свидетельствовало привлечение к суду осенью 1939 года большой группы профашистски настроенных лиц, обвиняемых в попытке организации государственного переворота.

Правитель страны Реза-шах Пехлеви пытался маневрировать между Москвой, Лондоном и Берлином, волей-неволей все более широко сотрудничая с последним, самым активным и успешным на тот момент игроком из этой «тройки». Он рассчитывал, что связи с Германией помогут уравновесить влияние традиционных «покровителей» его страны. При этом шах не терял чувства осторожности и прагматизма, опасаясь, как бы Иран не оказался жертвой очередного «раздела» или «передела» мира. Подобная гипотетическая опасность существовала, например, после советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 года, когда поползли слухи о «согласии» Германии предоставить СССР зону влияния к югу от его границ, в сторону Индийского океана.

В какой-то момент немцев, по всей вероятности, перестал устраивать недостаточно уступчивый старый шах. Как отмечается в научной литературе, в июле-августе 1940 года, а затем в августе следующего года профашистские силы собирались осуществить государственный переворот. В подтверждение наличия подобных планов, в частности, указывают на поездку руководителя абвера адмирала В.Канариса в Иран летом 1941 года⁸.

Озабоченные неблагоприятным для себя поворотом событий Москва и Лондон (пока по отдельности) еще до июня 1941 года стали обращаться к Тегерану с соответствующими запросами. Так, советская сторона зондировала возможность использования расположенных вблизи границы иранских аэродромов и участков Трансиранской железной дороги для обеспечения защиты своих приграничных районов в случае нападения противника. Ставился также вопрос о предоставлении аэродромов и казарм для размещения войск на иранском побережье Каспийского моря для защиты своих нефтяных месторождений. Английское правительство осенью 1940 года и в начале 1941 года направило Ирану первые ноты протеста против деятельности немецких агентов, коих, по британским разведывательным данным, только в Тегеране было 4 тыс. человек⁹. По другим британским оценкам, в июле 1941 года в Иране проживало 2-3 тыс. германских подданных, включая 1 тыс. мужчин¹⁰.

С началом Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 года заявил о своем нейтралитете. После нападения Германии на Советский Союз эта позиция 26 июня 1941 года была подтверждена.

От исхода грандиозных сражений, развернувшихся на советско-германском фронте, теперь в решающей степени зависела судьба стран Ближнего и Среднего Востока. Гитлер, не сомневаясь в успехе операции «Барбаросса», намеревался после разгрома СССР прорваться с севера в этот регион. С запада немцы планировали нанести по англичанам два сходящихся удара: один из Ливии через Египет, другой из Болгарии через Турцию. Далее предстояло двигаться через Иран на Британскую Индию. В конце августа 1941 года фюрер мотивировал свое решение бросить силы не на Москву, а на юг тем, что, в частности, политически было «прежде всего» необходимо «дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан»¹¹. С учетом складывавшейся ситуации не только на советско-германском фронте, но и в Северной Африке и Средиземноморье эти замыслы выглядели не столь уж нереальными.

В первой половине 1941 года военно-стратегическая ситуация на этих театрах военных действий была в пользу держав «оси». В январе над Средиземным морем появились самолеты Люфтваффе. Начались налеты на Мальту, минирование Суэцкого канала. Англичане, развернув наступление на вторгшихся осенью 1940 года в Египет итальянцев, к февралю следующего года отбросили их далеко за ливийскую границу. Но вместо того чтобы добить итальянские войска и тем самым лишить фашистов всякого плацдарма в Северной Африке, Лондон перенацелил свои силы на Грецию. Помочь ей, однако, не удалось. В 20-х числах мая немецкие парашютисты захватили последний оплот сопротивления - остров Крит.

Тем временем в Ливию прибыли германские войска под командованием генерала Э.Роммеля. В конце марта его африканский корпус перешел в наступление и вскоре выбил англичан из Ливии. Британское командование в мае-июне дважды пыталось переломить ситуацию и перейти в наступление, но успеха не добились.

После этих побед держав «оси» немецкие и итальянские военные появились уже в Ираке и Сирии.

После Первой мировой войны Ирак, ранее входивший в состав Османской империи, был передан под мандат Великобритании. Однако в 1932 году он формально стал независимым государством. Англичане сохранили за собой две военные базы (Басру, вблизи Персидского залива, и Хаббанию, в 40 км от Багдада) и ряд других привилегий.

Успехи Гитлера в начале мировой войны подстегнули волну национализма, усилили антибританские и профашистские настроения в Ираке.

В результате военного переворота в апреле 1941 года лидер националистов Рашид Али аль-Гайлани стал премьер-министром. Багдад открыто установил связи с Германией и попросил ее о поддержке.

Немцы через Сирию по воздуху стали поставлять в Ирак оружие и боеприпасы. Туда же были направлены германские военные советники, а также диверсионно-террористическое формирование

«Бранденбург-800». В небе Сирии и Ирака появились немецкие и итальянские самолеты. Начались воздушные бои с англичанами. База в Хаббании подверглась налетам германской авиации. В начале мая силы националистов атаковали базу в Хаббании, но были разбиты. Зря Рашид Али надеялся на прибытие немецких десантников (те были в этот момент задействованы на Крите). Основные же силы Третьего рейха сосредотачивались на границах СССР.

В Басру прибывали все новые войска из Индии. Британская группировка, насчитывавшая 5800 человек, перешла в наступление, разгромила иракские правительственные войска и 1 июня вступила в Багдад. К власти пришли пробританские силы.

Борьба в Ираке еще продолжалась, а Лондон уже взялся за французские владения - Сирию и Ливан, которыми управляла вишистская администрация во главе с генералом А.Ф.Денцем. С 14 мая британская авиация стала наносить удары по сирийским аэродромам, которые использовались немецкими и итальянскими самолетами. 8 июня началось наступление на суше. В нем участвовали английские, австралийские, индийские и французские («Свободной Франции» генерала Ш. де Голля) войска при поддержке местных формирований из арабов и добровольцев-евреев из Палестины. Этой группировке противостояли значительные силы: около 35 тыс. человек при превосходстве в авиации (100 самолетов против 60).

Союзным войскам пришлось немало постараться, чтобы сломить сопротивление вишистов. Наконец, после трех дневных ожесточенных боев, 21 июня был взят Дамаск. 14 июля было подписано перемирие. Победа стоила союзникам свыше 4600 человек убитыми и ранеными. Потери вишистов составили около 6500 человек.

Решительные действия англичан имели далекоидущие последствия. Они укрепили свои позиции на Ближнем Востоке. Продвижению фашистов в сторону Персидского залива, Ирана, Кавказа и Индии был положен конец. Как скоро выяснилось, это было очень важно для обеспечения безопасности «персидского коридора» от угрозы противника с суши. Объективно успехи британцев были на руку Советскому Союзу, хотя их отношения

с Москвой в тот момент, мягко говоря, оставляли желать много лучшего. У.Черчилль впоследствии с понятным раздражением писал, в частности, о том, что «3 мая Россия официально признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке»¹².

Далее пришла очередь Ирана. Планы оккупации этой страны, прежде всего ее нефтепромыслов, англичане начали разрабатывать еще до того, как Гитлер напал на СССР. Но 22 июня 1941 года резко изменило ситуацию в регионе. В конце месяца Лондон обратился к Москве с предложением одновременно ввести свои войска в эту страну¹³. Как вспоминал У.Черчилль, когда мятеж в Ираке был подавлен, а Сирия оккупирована, «мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию»¹⁴.

СССР и Великобритания очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана. Их объединяло общее понимание того, что они хотели добиться от Тегерана: заблокировать германское проникновение в эту страну и обеспечить сквозные пути для поставок из Персидского залива до Кавказа и Каспия.

Активное обсуждение иранского вопроса по дипломатическим каналам началось с первого же дня войны. Так, 22 июня британский временный поверенный в делах Г.Баггaley, заменявший находившегося в тот момент в Лондоне посла С.Криппса, заявил о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив¹⁵. На последующих встречах дипломатов речь шла о желательности «общей политической линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока и о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион¹⁶.

Хотя с Ираном пока не было никаких договоренностей относительно использования его транспортной инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решенном вопросе. 28 июня народный комиссар внешней торговли СССР А.И.Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом С.Криппсом и его сотрудниками пропускную способность Трансиранской железной дороги, иранских шоссе-ных дорог и портов, а также возможности наращивания поставок¹⁷.

Иранская тема неоднократно поднималась, когда И.В.Сталин принимал С.Криппса. Так, указав 8 июля на необходимость демарша в Тегеране с требованием удалить германскую «пятую колонну» из Ирана, они уже 10 июля сошлись во мнении, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. О том же говорил У.Черчилль с советским послом И.М.Майским¹⁸.

В нотах от 26 июня, 19 июля и 16 августа советское правительство обращало внимание Тегерана на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны. В двух последних случаях аналогичные требования выдвигала Великобритания.

Москва демонстрировала Тегерану готовность принять немедленные меры к доставке по своей территории транзитных грузов в Иран, в том числе вооружения. В ответ шахское правительство заявляло, что оно в принципе не возражает против транзита советских грузов, но в силу своего нейтралитета категорически против перевозок оружия¹⁹. Тегеран, несмотря на давление, всячески уклонялся от выполнения требований Москвы и Лондона, ссылаясь на то, что они носят ультимативный характер, ущемляют его суверенитет и нарушают проводимую им политику строгого нейтралитета. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», - докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране А.А.Смирнов²⁰. Реза-шах и его окружение, видимо, исходили из того, что Германия вот-вот разгромит Советский Союз и тогда им надо будет как-то объясняться с Гитлером.

Нежелание иранских властей пропускать через свою территорию оружие для СССР (а без этого «коридор» терял свое значение) и нейтрализовать германскую «пятую колонну» стало последним толчком к военной акции со стороны союзников. Словесные заверения иранцев уже не удовлетворяли Москву и Лондон. В условиях смертельной схватки с державами «оси» вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходил на второй план.

Британцев этот вопрос вообще не смущал. Объясняя действия в отношении Ирана, У.Черчилль лишь подчеркнул, что Англия и Россия боролись за свою жизнь. «Inter arma silent leges» («когда говорит оружие, законы молчат»), написал он в своих мемуарах²¹. Правда, некоторые английские историки оценивают действия своего правительства в отношении Ирана более жестко. «Персия стала важным путем снабжения для оказания помощи Сталину, - пишет М.Хастингс, - но британцы отдавали себе отчет, что их силовые действия там напоминают то, как делал свои дела Гитлер»²².

Советскому руководству, особенно в начальный период мировой войны, тоже приходилось идти напролом, не слишком думая о международном праве. Однако в случае с Ираном у СССР было твердое юридическое обоснование для ввода своих войск. В подписанном в феврале 1921 года советско-персидском договоре говорилось, что в случае если третьи страны попытаются превратить территорию Персии в базу для военных выступлений против России, то «Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые (военные) меры»²³.

Утром 25 августа 1941 года от имени правительств СССР и Великобритании в Тегеране были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана. В советской ноте говорилось, что Советское правительство «всегда и неизменно осуществляло политику укрепления дружеских отношений между СССР и Ираном и всемерного содействия процветанию иранского государства». В подтверждение напоминалось о многих шагах Советской России - от аннулирования всех платежей Ирана по царским обязательствам до безвозмездной передачи в его собственность предприятий, сооруженных Россией. Однако в последнее время «деятельность фашистско-германских диверсионных групп на территории Ирана приобрела угрожающий характер», говорилось в советской ноте. Германские агенты «всячески стараются вызвать в Иране беспорядки и смуту, нарушить мирную жизнь иранского народа, восстановить Иран против СССР, вовлечь его в войну с СССР». Поэтому Советское правительство «не только вправе, но и обя-

зано принять меры в целях самозащиты в точном соответствии со статьей 6 Договора 1921 года»²⁴.

С советской стороны для иранской экспедиции были выделены 44-я армия (командующий - генерал-майор А.А.Хадеев, штаб в Ленкорани) и 47-я армия (командующий - генерал-майор В.В.Новиков, штаб в Нахичевани) общей численностью 135 тыс. человек. Еще две армии (45-я и 46-я), имевшие 110 тыс. человек, прикрывали границу с Турцией. Все они входили в состав Закавказского фронта, образованного 23 августа на базе Закавказского военного округа (командующий - генерал-лейтенант Д.Т.Козлов). В походе участвовала также 53-я отдельная армия из Среднеазиатского военного округа (командующий - генерал-майор С.Г.Трофименко, штаб в Ашхабаде). План операции советских войск был разработан начальником штаба Закавказского фронта генерал-майором Ф.И.Голбухиным. Общий замысел состоял в том, чтобы внезапным ударом лишить иранские войска способности сражаться, а в случае сопротивления - уничтожить их, не допуская отхода на юг.

25 августа советские войска из Закавказья вступили на территорию Ирана. Главный удар наносила 47-я армия, наступавшая на Тебриз. 44-я армия двигалась по прикаспийским территориям. 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия.

Первыми на рассвете 25 августа границу перешли небольшие маневренные группы, имевшие задачу атаковать пограничные заставы иранцев, перерезать линии связи, блокировать дороги. В иранских портах на Каспии были высажены морские десанты. Активно действовала советская авиация (522 самолета), которая сначала наносила бомбовые удары, а потом сосредоточилась на ведении разведки.

25 августа со стороны Ирака двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. 29 августа в районе Сенендеджа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. По взаимной договоренности зона радиусом 100 км от Тегерана осталась незанятой.

27 августа правительство Али Мансура подало в отставку. Новое правительство во главе с известным ученым и литератором М.Форуги отдало приказ своей армии не оказывать сопротивления. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких локальных стычек. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а на следующий день - перед Красной армией.

Иранские вооруженные силы (по некоторым данным, около 200 тыс. чел., 300 самолетов, 150 танков, 400 орудий) оказались совершенно неспособны к сопротивлению в силу крайне слабой боевой подготовки, технической оснащенности и морального состояния. Иранцы обычно или сразу сдавались в плен, или расходились по домам по команде своих офицеров, или просто разбежались, бросая оружие и снаряжение. Так, гарнизон города Пехлеви численностью 520 солдат и офицеров после короткой перестрелки был пленен советским разведотрядом из 45 человек. Быстрое и решительное совместное наступление советских и британских войск стало полной неожиданностью для иранцев. Пожалуй, главные сложности для союзников создавали не сопротивление иранских войск, а горно-пустынная местность и тяжелый климат. Показательно, что для обеспечения продвижения советских войск были привлечены 11 инженерно-саперных батальонов и 31 отдельная инженерно-саперная и понтонно-мостовая роты.

Иранский поход выявил немало слабых мест в боевой подготовке и технической оснащенности Красной армии. Явно не хватало боевого опыта, умения эксплуатировать и применять боевую технику. Были проблемы с разведкой, связью, снабжением. Не всегда удачно взаимодействовали различные рода войск. Но в целом именно в Иране удалось бить «врага» малой кровью на его территории.

Потери союзников были минимальными: с советской стороны - около 50 убитых и свыше 100 раненых, с британской - 22 убитых и 45 раненых. У иранцев потери были на порядок больше²⁵.

В послании, полученном в Москве 30 августа, У.Черчилль писал И.В.Сталину: «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно». И.В.Сталин ответил:

«Дело с Ираном действительно вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно». И добавил: «Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»²⁶. Прозрачный намек на то, что главный враг - Германия и пора союзным войскам «совместно» сразиться с ней.

8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Иранские власти, однако, тянули с выполнением требований союзников по высылке немцев и их агентуры. В этих условиях было решено двинуть союзные войска к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола и затем покинул страну, передав власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви.

17 сентября советские и британские войска вошли в Тегеран. Отношения Ирана со странами «оси» были разорваны, а их официальные представители высланы из страны.

29 января 1942 года был подписан Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Союзники обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана и защищать его от всякой агрессии со стороны Германии, а также оказывать ему экономическую помощь. СССР и Великобритания получили право содержать на иранской территории военные силы и использовать любые средства коммуникаций по всему Ирану. Подчеркивалось, что ввод советских и британских войск «не представляет собой военной оккупации» и будет возможно меньше затруднять обычную жизнь страны. В свою очередь, Иран брал на себя обязательство сотрудничать с союзными государствами, чтобы они могли выполнить вышеуказанные обязательства²⁷.

Ввод советских и британских войск в Иран стал первой совместной военно-политической акцией новоявленных союзников - СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз это стало зримым свидетельством складывания антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Укрепились их стратегические позиции в регионе. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное им государство - плацдарм для фашистской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. Была обеспечена безопасность крупнейших нефтяных месторождений на Кавказе и в Иране. Наконец, появилась возможность обустроить транспортный «персидский коридор», по которому вскоре пошли союзнические поставки в СССР.

Несмотря на неоднозначную первоначальную реакцию, для самого Ирана акция союзников дала позитивные результаты. Не став ареной боевых действий со странами «оси», он вошел в антигитлеровскую коалицию (9 сентября 1943 г. объявил войну Германии), обеспечив в итоге свою безопасность, территориальную целостность и суверенитет и получив статус страны-победителя во Второй мировой войне. К тому же союзники оказали Ирану значительную материальную поддержку, решительным образом расширили и модернизировали его транспортную инфраструктуру для того, чтобы она могла обеспечивать поставки по ленд-лизу²⁸.

Пример Ирана оказал сдерживающее воздействие на Турцию и Афганистан. В октябре 1941 года из Кабула были высланы представители Германии и ее союзников.

Наконец, в тяжелейших условиях лета-осени 1941 года, когда Красная армия с огромными потерями отходила в глубь страны, быстрый и практически бескровный успех иранского похода давал хоть какие-то позитивные эмоции для советских людей.

В современной российской литературе высказывается сомнение в оправданности официальной советской версии о наличии реальной военной угрозы для СССР, исходившей от Ирана или с его территории. Политическим расчетом советского руководства, как утверждают, могло быть «продолжение предвоенной сталинской политики расширения советских границ, «восстановления» утраченных имперских рубежей»²⁹. С этим утверждением применительно к 1941 году при нынешнем состоянии документальной базы трудно согласиться.

Во-первых, мог ли мотив расширения границ быть руководством к действию для советского руководства в августе 1941 года, когда немецко-фашистские войска дошли уже до Ленинграда, Смоленска и Киева? Не об «имперских рубежах», а прежде всего о выживании советского государства и советского народа думали тогда в Кремле.

Конечно, у И.В.Сталина вполне могли быть мысли о том, что, войдя в Иран, резонно было бы там и остаться, закрепив эти территории (прежде всего южный Азербайджан с центром в Тебризе) в сфере влияния СССР. Впоследствии подобные расчеты могли усилиться³⁰. Неслучайно советский руководитель не откликнулся на предложение У.Черчилля заменить в Иране советские войска английскими. Но, подчеркнем, в 1941 году И.В.Сталин ради подобных гипотетических планов едва ли выделил бы на иранскую операцию три общевойсковые армии, а если считать оставшиеся в Закавказье войска, то пять армий при столь отчаянном положении на германском фронте.

Во-вторых, сторонники вышеуказанной точки зрения не обращают внимания на другой (помимо германской «пятой колонны»), даже более важный в долгосрочной перспективе мотив действий союзников - необходимость обеспечить военный транзит в СССР через иранскую территорию. В этом была самая что ни на есть живейшая потребность, в тот момент гораздо более значимая, чем предполагаемое закрепление южного Азербайджана под советским контролем.

В-третьих, хотя профашистские силы до 25 августа не смогли совершить государственный переворот, не было никакой гарантии, что они не смогут этого сделать в будущем. Сторонников Германии в стране было вполне достаточно, причем их число должно было расти по мере военных успехов Третьего рейха и приближения фронта к Ирану. В случае успеха переворота угроза с юга для СССР стала бы более чем реальной. Гитлер даже от Реза-шаха требовал вступить в войну на стороне Германии и ставил вопрос о передаче Люфтваффе иранских авиабаз, к строительству которых немецкие специалисты имели прямое отношение³¹. Можно представить себе, как бы повел себя от-

крыто прогерманский режим в Тегеране в обстановке все новых побед вермахта.

В-четвертых, если весной-летом 1941 года германские вооруженные силы уже действовали, пусть и в ограниченном масштабе, в Сирии и Ираке, почему они снова не могли появиться по соседству с Ираном или даже на его территории при изменении военно-стратегической ситуации. В 1941-1942 годах не раз возникла угроза прорыва германо-итальянских войск к Суэцкому каналу и дальше в Юго-Западную Азию. Кто мог гарантировать, что это не произойдет?

В-пятых, своевременность и обоснованность ввода советских и британских войск в Иран с точки зрения борьбы с фашизмом подтвердили и события 1942 года на советско-германском фронте. Через год после советско-британской акции в отношении Ирана немецко-фашистские армии вышли к Главному Кавказскому хребту. Возникла угроза прорыва гитлеровцев в Закавказье, а оттуда до Ирана рукой подать. В такой обстановке контроль за ситуацией в этой стране и бесперебойные поставки в Советский Союз из США и Великобритании по южному направлению были чрезвычайно важны.

Невольно даже У.Черчилль, по сути, подтвердил, что дело было отнюдь не в советских имперских амбициях. В своих мемуарах он говорил о необходимости «главным образом» добиваться открытия коммуникации от Персидского залива до Каспийского моря и изгнания всех немцев из Ирана. И только «на втором плане стояли глубокие и щекотливые вопросы о нефти, коммунизме и послевоенном будущем Персии...»³². Об отсутствии у СССР в этих событиях имперских замыслов пишут и некоторые современные западные историки³³.

Конечно, успех первой совместной советско-британской операции не означал, что между союзниками не было никаких противоречий и трений, пусть даже скрытых за дипломатическим политесом. Видимо, сказывались инерция многолетней борьбы за влияние в Иране, атмосфера еще недавно господствовавшей во взаимных отношениях подозрительности, если не сказать враждебности. Да и восприятие британскими верхами СССР

как союзника складывалось небыстро и непросто. Неслучайно У.Черчилль в мемуарах отмечал, что «более года после вступления России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем»³⁴.

Это столкновение интересов проявилось довольно скоро. Так, вводя свои войска в Иран, Москва помимо всего прочего хотела иметь плацдарм, который гарантировал бы сохранение и укрепление собственного влияния в соседней стране, не оставляя ее под единоличным контролем союзника.

Судя по всему, англичане были бы совсем не прочь такой контроль установить. Произошло это в самый отчаянный момент только что начавшейся битвы за Москву. В начале октября 1941 года в результате мощного удара немецко-фашистских войск в центральной части советского фронта образовалась огромная брешь. Казалось, что уже никто не остановит рванувшийся к советской столице вермахт. 12 октября У.Черчилль отправил И.В.Сталину послание, в котором он осторожно предлагал следующее: «Если Вам желательно отозвать имеющиеся там [в Персии] пять или шесть русских дивизий с тем, чтобы использовать их на боевом фронте, мы примем на себя полную ответственность по поддержанию порядка и содержанию в исправности и улучшению путей сообщения». Предупреждая возможные подозрения И.В.Сталина, У.Черчилль тут же торжественно заверил его: «Я обещаю именем Британии, что мы не будем стремиться к каким-либо выгодам для себя за счет каких-либо справедливых русских интересов как во время войны, так и по ее окончании»³⁵.

Англичанам, видимо, так хотелось поскорее услышать желанный ответ на это предложение, что британский посол С.Криппс, будучи принят 13 октября наркомом иностранных дел СССР В.М.Молотовым, сразу же поинтересовался мнением Советского правительства. Советский нарком, только-только получивший из рук британского дипломата вышеупомянутое послание У.Черчилля для передачи И.В.Сталину, удивился - по какому вопросу? С.Криппс пояснил. И неожиданно добавил еще одну фразу, то ли от себя, то ли выдав затаенное желание британского руководства вроде бы и союзнику подсобить, и самим в пекло не лезть. Он заявил, что «отвод советских войск из Ирана

следует рассматривать как мероприятие, равносильное посылке английских войск» на помощь советскому фронту.

Лихо! Получается, что простое пребывание английских дивизий (вместо советских) в далеком от реальной войны Иране, где они страдали разве что от жары и пыли, - это «мероприятие, равносильное» кровопролитным сражениям Красной армии с беспощадным врагом.

Советский нарком сразу же четко расставил все по своим местам: отвод советских войск из Ирана и оказание английскими войсками помощи СССР против немцев - «это два различных вопроса». При этом он напомнил, что британское правительство так и не дало ответа на советское предложение о посылке английских войск на наш фронт³⁶.

Имелось в виду, в частности, предложение, высказанное в послании И.В.Сталина У.Черчиллю от 13 сентября. Если уж создание Второго фронта на Западе в данный момент невозможно, писал советский руководитель, то «Англия могла бы без риска высадить 25-30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР...»³⁷. Вот на эти конкретные предложения Лондон отреагировал лишь общим заверением о готовности изучить любую «форму действенной поддержки» Советского Союза³⁸.

Но англичан никак не оставляла идея заменить советские войска в Иране своими и даже продвинуть их еще дальше на Кавказ. Получив ясный ответ В.М.Молотова на встрече 13 октября, С.Криппс тем не менее на следующей встрече 22 октября поставил вопрос о вводе британских войск на Кавказ. Он отметил, что «посылка войск через Иран ввиду незначительного грузопотока, проходящего через эту страну, представляется вполне возможной». На это В.М.Молотов возразил, что «Кавказ не нуждается в защите, так как там нет фронта». Нарком добавил, что «если английское правительство хочет помочь СССР, то не надо дожидаться, пока немцы будут на Кавказе, а надо сделать это раньше»³⁹.

Позднее, в послании, полученном в Москве 22 ноября, У.Черчилль сообщал И.В.Сталину о готовности командировать

своего министра иностранных дел А.Идена в СССР для обсуждения любого вопроса, «включая посылку войск не только на Кавказ, но и на линию фронта Ваших армий на Юге. Ни наши судебные ресурсы, ни наши коммуникации не позволяют ввести в действие значительные силы, и даже при этом Вам придется выбирать между войсками и поставками через Персию»⁴⁰. При такой постановке вопроса выбрать пришлось, конечно, поставки. Это для Советского Союза было важнее, чем символическое присутствие английских войск на Кавказе или даже на фронте.

В итоге англичанам так и не удалось провести свое «мероприятие, равносильное» посылке британских войск на советско-германский фронт. Хотя советское командование осенью 1941 года из-за катастрофического положения на фронте отозвало часть своих сил из Ирана. Но северная часть страны по-прежнему оставалась под советским контролем. «Персидский коридор» функционировал только для ленд-лизских поставок, но не для переброски британских войск.

Идеи, аналогичные британским, бродили и в Вашингтоне. Как сообщал советский посол М.Литвинов, на встрече с ним 12 января 1942 года Президент США Ф.Рузвельт «говорил даже о замене наших войск на Кавказе американскими войсками, дабы наши могли действовать и на других фронтах». Из Москвы послу велели ответить, что данные предложения «не имеют сейчас практического значения», так как Кавказ находится вне опасности. Но СССР с удовлетворением принял бы помощь «американскими войсками, которые имели бы целью сражаться бок о бок с нашими войсками против войск Гитлера и его союзников»⁴¹.

Как бы там ни было, но действия Великобритании в Ираке, Сирии и Ливане, а затем совместная англо-советская акция в Иране обеспечили военно-политический контроль союзников в регионе. Это позволило организовать первые поставки ленд-лизских грузов в СССР по южному маршруту. Поначалу они были невелики (3,7% от общего объема в 1941 г.). Для транспортировки грузов использовалась прежде всего Трансиранская железная дорога, которая с юга на север пропускала в сутки всего по два поезда.

Потребовались огромные усилия американцев (они активно включились в работу с 1942 г.), англичан и русских, чтобы осуществить коренную реконструкцию транспортной инфраструктуры Ирана (портов в Персидском заливе и на Каспии, железных и шоссейных дорог, аэродромов). Только тогда небольшой ручеек поставок превратился в настоящий поток. Это было особенно ценно в период Сталинградской и Курской битв, тем более что отправка Арктических конвоев в этот период то и дело прерывалась. В 1942 году через «персидский коридор», объединивший морские, воздушные и сухопутные пути ленд-лизовских поставок в СССР, прошло 28,8% всех грузов, а в 1943 году - 33,5%. В целом за годы войны этим маршрутом было перевезено 23,8% грузов. Масштабнее были только поставки через Тихий океан (47,1%)⁴².

¹*Coakley R.W.* The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR // http://www.army.mil/cmh-pg/books/70-7_09.htm

²См.: *Стрелянов П.Н.* (Колобухов). Казаки в Персии. 1909-1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; *Шишов А.В.* Персидский фронт (1909-1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010.

³См.: *Мамедова М.Н., Дунаева Е.В., Оришев А.Б.* Советский Союз и Иран (1933-1945) // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / Отв. редактор В.В.Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 277-278 (далее: СССР и страны Востока...).

⁴Там же; *Широкорад А.Б.* Каспий - русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. С. 250-256.

⁵*Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. От Сталинграда до Берлина. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 27-28.

⁶*Оришев А.Б.* Иранский узел. Схватка разведок. 1936-1945 гг. М.: Вече, 2009; *Он же.* В августе 1941-го. М.: Вече, 2011.

⁷См., например: СССР и страны Востока...; Оришев А.Б. Иранский узел...; *Он же.* В августе 1941-го...

⁸Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. 1941-1945 годы. М.: Международные отношения, 2003. С. 327.

⁹СССР и страны Востока... С. 278-280.

¹⁰*Oxford Companion to the Second World War.* Oxford University Press, 2005. P. 682.

- ¹¹См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941-1945 гг. М., 1973. С. 42-49, 235-241; *Gilbert M.* A History of the Twentieth Century. Volume Two: 1933-1951. N.Y., 1998. P. 376.
- ¹²*Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. / Сокр. пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 182.
- ¹³СССР и страны Востока... С. 283.
- ¹⁴*Черчилль У.* Указ. соч. С. 244.
- ¹⁵Документы внешней политики СССР. 22 июня 1941 - 1 января 1942. Т. XXIV. М.: Международные отношения, 2000. С. 14.
- ¹⁶Там же. С. 48, 63.
- ¹⁷Там же. С. 61
- ¹⁸Там же. С. 122-123, 132 и др.
- ¹⁹Там же С. 86-87, 116, 227.
- ²⁰Там же. С. 227.
- ²¹*Черчилль У.* Указ. соч. С. 246.
- ²²*Hastings Max.* Finest Years. Churchill as Warlord 1940-1945. L.: Harpers Press, 2010. P. 162. О вводе советских и британских войск см.: *Юнгблуд В.Т., Чучкалов А.В.* Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров: Издательство Вятского государственного гуманитарного университета, 2011. С. 68-84.
- ²³Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Политиздат, 1959. С. 538-539.
- ²⁴Документы внешней политики. 22 июня 1941 - 1 января 1942... С. 256-260.
- ²⁵О военном аспекте рассматриваемых событий см.: *Голуб Ю.Г.* 1941: Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. №4; *Он же.* Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе-сентябре 1941 г. // <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; *Любин Д.М.* Ввод Красной армии в Иран летом-осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия. Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2005; *Монин С.М.* «Дело с Ираном действительно вышло неплохо» // Международная жизнь. 2011. №8; *Оришев А.Б.* В августе 1941-го...; *Ходеев Ф.П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. №9.
- ²⁶Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: В 2-х т. Изд. 2-е. Т.1. Переписка с У.Черчиллем и К.Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.). М.: Политиздат, 1976. С. 27, 29.
- ²⁷Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1944. С. 190-196.
- ²⁸В декабре 2009 г. Президент Исламской Республики Иран М.Ахмадинежад дал своей администрации распоряжение оценить ущерб, который был на-

несен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции - СССР, США и Великобритании - во время Второй мировой войны. Планировалось потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа» // «Газета», 22 декабря 2009.

²⁹Голуб Ю.Г. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация северного Ирана в августе-сентябре 1941 года // <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; *Он же*. 1941: Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы// Отечественная история. 2004. №3, С. 25; *Любин Д.М.* Указ. соч.

³⁰См.: *Гасанлы Дж. П.* СССР - Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941-1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006; *Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945-1946 гг. по рассекреченным архивным документам// Новая и новейшая история. 1994. №3.

³¹*Оришев А.Б.* В августе 1941-го... С. 76.

³²*Черчилль У.* Указ. соч. С. 246-247.

³³*Veavor A.* The Second World War. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2012. P. 221, 509.

³⁴*Черчилль У.* Указ. соч. С. 205.

³⁵Переписка... С. 40.

³⁶Документы внешней политики. 22 июня 1941 - 1 января 1942... С. 362-363.

³⁷Переписка... С. 32.

³⁸Переписка... С. 34, 36.

³⁹Документы внешней политики. 22 июня 1941 - 1 января 1942... С. 375-376.

⁴⁰Переписка... С. 44.

⁴¹Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941-1943. М.: Политиздат, 1984. С. 148-49.

⁴²СССР и страны Востока... С. 285.

«ЯКИ» ПРОТИВ «ЛАЙТНИНГОВ» В НЕБЕ ЮГОСЛАВИИ

Юрий Рубцов

В ОЧЕРЕДНУЮ ГОДОВЩИНУ Октябрьской революции, 7 ноября 1944 года, югославский городок Ниш, к тому времени уже находившийся в тылу советских войск, провожал автоколонну 6-го гвардейского стрелкового корпуса из состава 37-й армии. Рева на подъеме, цепочка машин организованно вытягивалась в горы, когда над колонной будто пронесся шквал. Строчки из крупнокалиберных пулеметов невесть откуда взявшихся самолетов вдоль и поперек расчертили каменистую дорогу, кроша ее в жалящие, как осы, осколки, впиваясь в человеческие тела. Заухали разрывы, в смешавшейся колонне зачало сразу несколько грузовиков. Проклятия перемежались со стонами раненых, команды и крики о помощи тонули в грохоте взрывов и вое моторов. А на дорогу вновь и вновь пикировали самолеты, на фюзеляжах которых были ясно видны - нет, не кресты Люфтваффе, а белые звезды - опознавательные знаки ВВС США.

Именно это обстоятельство и притупило бдительность наблюдателей за обстановкой в воздухе. Вначале было подняли тревогу, издали приняв американские самолеты за немецкие: многоцелевые истребители P-38 «лайтнинг» (lightning - молния) силуэтом напоминали «раму» - двух-

Юрий Викторович Рубцов - профессор, доктор исторических наук.

моторный двухбалочный разведывательный самолет «Фокке-Вульф-189». Но, заметив на фюзеляжах и крыльях белые звезды, успокоились. И, как оказалось, совершенно напрасно.

Что же произошло в тот день? Ответ на этот вопрос долгие годы знали лишь некоторые политические руководители и военачальники. В годы войны происшедшее по вполне понятным причинам хранилось в строгом секрете. Нетрудно представить, какое тяжелое впечатление информация о столкновении союзников оказала бы на войска антигитлеровской коалиции и, наоборот, каким козырем стала бы она для геббельсовской пропаганды.

Это трагическое событие не получило сколько-нибудь подробного освещения и позднее, в годы холодной войны. Весьма скудные сведения можно было почерпнуть лишь из воспоминаний Маршала Советского Союза С.С.Бирюзова и генерал-лейтенанта А.К.Блажея, бывших в 1944 году начальниками штабов соответственно 3-го Украинского фронта и 37-й армии¹. Более словоохотливым оказался генерал-майор авиации Б.А.Смирнов², командовавший в те дни 288-й истребительной авиационной дивизией, о чем еще будет сказано ниже.

К сожалению, никаких письменных свидетельств не оставил непосредственный участник вспыхнувшего тогда воздушного боя с американцами - командир звена 866-го истребительного авиационного полка капитан А.И.Колдунов (впоследствии Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза).

Понятно, однако, что все лица, посвященные в обстоятельства трагедии, и в тот момент, и позднее не могли не анализировать происшедшее, пытаясь решить для себя вопрос, была ли это роковая случайность или заранее задуманная провокация с далекоидущими намерениями.

В первую очередь задавались этим вопросом в Ставке ВГК и Генеральном штабе. Ход событий и на советско-германском фронте, и на западноевропейском театре (вступление Красной армии в страны Восточной Европы, высадка союзных войск в Нормандии и Италии, распад фашистской коалиции в связи с выходом из войны Италии, Финляндии, Румынии и Болгарии) уже не оставлял сомнений в исходе Второй мировой войны.

1944 год стал годом заметного упрочения антигитлеровской коалиции. На состоявшейся в конце сентября в Думбартон-Оксе (пригород Вашингтона) конференции представителей США, Великобритании и СССР было достигнуто соглашение о создании всеобщей международной организации безопасности, которой было суждено войти в историю как Организация Объединенных Наций. Начиная с июля шло согласование сроков повестки дня новой (после Тегерана) встречи «Большой тройки», намечавшейся сначала на сентябрь, затем на ноябрь и состоявшейся в конце концов в феврале 1945 года в Ялте.

Но одновременно по мере продвижения Красной армии в глубь Европы в Вашингтоне и особенно в Лондоне росло недовольство по поводу видения Советским Союзом путей устройства послевоенного мира, в первую очередь польского вопроса. Москву, наученную тяжелым опытом соседства с враждебно настроенной Польшей в 1920-1930-х годах, волновали начертание новой советско-польской границы и политическая окраска власти, которая утвердится там после окончания войны.

Переписка руководителей стран-союзниц того времени выдает факт острых разногласий в польском вопросе. В личном послании 11 февраля 1944 года Президент США Ф.Рузвельт призывал И.В.Сталина не делать «ничего такого, что превратило бы этот особый вопрос в такой вопрос, который пагубно отразился бы на более крупных проблемах будущего международного сотрудничества... избегать каких-либо действий, которые могли бы помешать достижению нашей главной цели». На что глава советского правительства к одному из ответных посланий приложил копию письма, направленного им британскому премьеру, где без обиняков обращал внимание Черчилля на то, что его послания в Москву «пересыпаны угрозами по отношению к Советскому Союзу»³.

Знали в Москве и о лихорадочных попытках гитлеровских спецслужб внести разлад в стан «Большой тройки», не исключали, что нацисты могут встретить сочувствие и помощь в антисоветских кругах наших союзников. Абвер и другие спецслужбы Третьего рейха пошли бы на любую провокацию, чтобы внести раскол в антигитлеровскую коалицию.

Не была ли таковой бомбардировка советских войск американской авиацией в районе Ниша? Об этом просто не могли не думать в Кремле.

Хотя в периодической печати со ссылкой на генерал-лейтенанта А.К.Блажея промелькнуло утверждение, что И.В.Сталин не знал о случившемся, документы, выявленные нами в Архиве Президента РФ, его опровергают. Верховный главнокомандующий был оперативно поставлен в известность о нападении, а обстоятельный доклад первого заместителя начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии А.И.Антонова (фактического руководителя Генштаба в связи с длительными выездами маршала А.М.Василевского на фронты) лег на стол Сталина через четыре дня после инцидента.

Докладу предшествовали следующие события. 9 ноября, по горячим следам происшедшего, генерал А.И.Антонов пригласил к себе главу военной миссии США в СССР генерал-майора Дж.Дина и сделал ему официальное представление, в котором излагалась советская версия события:

«Настоящим довожу до Вашего сведения, что в 12 часов 50 минут 7 ноября с.г. между Ниш и Алексинац (Югославия) автоколонна войск Красной армии была атакована группой американских истребителей в составе 27 самолетов «лайтнинг».

Взлетевшая с аэродрома Ниш дежурная группа советских истребителей в количестве девяти самолетов также была атакована этими «лайтнингами» в момент набора высоты, несмотря на то, что были ясно видны опознавательные знаки самолетов ВВС Красной армии. Тем не менее американские самолеты «лайтнинги» в течение 15 минут продолжали свои атаки советских истребителей, вынужденных обороняться.

Атаки «лайтнингов» прекратились лишь после того, как ведущий группы советских истребителей капитан Колдунов, рискуя быть сбитым, подстроился к ведущему группы американских истребителей и показал ему опознавательные знаки своего самолета... Этот из ряда вон выходящий случай нападения американских самолетов на колонну войск и группу самолетов Красной армии вызывает у нас крайнее недоумение,

так как нападение совершено в тылу, в 50 км от линии фронта, между городами Ниш и Алексинац, о которых еще 14-16 октября было опубликовано в сводке Советского Информбюро, что они заняты советскими войсками. Ясно видимые опознавательные знаки советских самолетов также исключали возможность ошибки в определении принадлежности самолетов.

Действия американской авиации в районе Ниш не были согласованы с Генеральным штабом Красной армии, что также не находит себе оправдания»⁴.

В официальном представлении говорилось также, что в результате авианалета погибли десять военнослужащих Красной армии, в том числе командир 6-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Г.П.Котов⁵, было сожжено 20 автомашин с имуществом. В воздушном бою было сбито три советских самолета, погибли два летчика⁶.

Генерал Антонов настоятельно просил генерала Дина довести информацию до сведения председателя Объединенного комитета начальников штабов американской армии, с тем чтобы произвести срочное расследование происшедшего и строго наказать виновников «необъяснимого нападения» на советские части. Впредь же без предварительного согласования с Генеральным штабом Красной армии полеты союзной авиации в зоне действий наших войск не предпринимать. О принятых мерах и результатах расследования Антонов просил уведомить.

В ответ американский представитель от имени своего правительства и командования выразил большое сожаление по поводу случившегося. Вместе с тем он сразу же попытался увязать причину происшедшего с недостаточностью тех мер по координации действий союзных войск, которые предпринимались до сих пор. Из Москвы через Генштаб координация из-за больших расстояний и плохой связи весьма затруднительна, пожаловался Дж.Дин. Существующую систему согласования он признал неудовлетворительной, «и то, что мы до сих пор избегали этих печальных случаев, было только случайностью»⁷.

По его мнению, инцидентов могло бы не быть при наличии американских офицеров связи в штабах советских фронтов и советских офицеров - в штабе Средиземноморского командования армии США. Он напомнил о работе двух американских офицеров, которые, находясь при штабе 2-го Украинского фронта (УФ), координировали действия авиационных начальников - командующего 15-й воздушной армией генерал-лейтенанта А.Эйкера в Италии и генерала Воробьева на 2-м УФ, и высказал пожелание своего командования увеличить число таких представителей. Дин напомнил также о других примерах координации действий авиации и наземных войск союзников: функционирование в Полтаве летом-осенью 1944 года аэроузла, с которого ВВС США совершали «челночные» налеты на объекты Третьего рейха и оккупированных им стран, установление рубежей для бомбежки перед фронтом советских войск и т. п.

А.И.Антонов, очевидно, заподозрив американцев в стремлении переложить вину с больной головы на здоровую, решительно вернул разговор в прежнее русло. Если тот порядок координации действий ВВС, который установлен, перестал удовлетворять, заявил он, то можно избрать другой. Но пока следует вести речь не о новом порядке, а о том, что нарушен существующий, в результате чего и произошел инцидент. До сих пор, заявил первый заместитель начальника Генштаба, американские союзники заранее предупреждали советское командование о районах предполагаемых операций. Роковой же полет был произведен без согласования и притом непосредственно в зону действий наших войск. Советский военачальник твердо попросил придерживаться ранее достигнутых договоренностей о порядке действий в зонах, где сражались наши войска.

В самом деле, к моменту злополучной бомбардировки Ниш уже почти в течение месяца был в руках Красной армии. На этом фоне сетования американца на неоперативность связи с Москвой серьезной критики, конечно же, не выдерживали. Вместе с тем твердость Антонова объяснялась еще одним обстоятельством более общего характера. Дело в том, что американская сторона уже давно добивалась установления прямых контактов штабов

своих авиационных соединений с офицерами связи при советских штабах различных рангов, тогда как наше командование не стремилось расширять взаимное общение советских и американских военных. На данной встрече об этом впрямую, естественно, не говорилось, но каждый из собеседников, безусловно, пытался трактовать причины трагедии у Ниша в пользу своей позиции.

Дж.Дин здесь тоже не стал исключением. Он сослался на свое, сделанное ранее предложение ежедневно встречаться с компетентными лицами в Москве, коль нет готовности обменяться офицерами связи непосредственно на фронте. «Но это, очевидно, не то, что хотел бы советский Генеральный штаб», - высказал он скрытый упрек.

Почему же, возразил Антонов. Просто частота встреч должна зависеть единственно от обстановки: чем ближе войска союзников будут друг к другу, тем регулярнее придется встречаться. Возможно, предстоит и вовсе изменить существующий порядок взаимодействия, но не сейчас. Координация действий авиации с наземными войсками, по мнению Антонова, имела смысл в том случае, если бы союзная авиация взаимодействовала с нашими войсками тактически - на поле боя. В настоящее же время, подчеркнул он, союзная авиация наносит удары по более глубоким целям, а такого рода координация должна осуществляться, как было заранее оговорено, через Генеральный штаб, который ставит задачи стратегическим ВВС. В дальнейшем же, когда наши фронты сблизятся, возможно, придется перенести координацию во фронтовые штабы.

Тогда Дин предложил хотя бы устанавливать ежедневную линию для действий ВВС сторон, которая будет изменяться в зависимости от продвижения войск. Это предложение его советский собеседник расценил как вполне приемлемое, позволяющее избежать в дальнейшем нежелательных столкновений. Правда, он оговорился, что самостоятельно решить этот вопрос не может, так как должен доложить о предложении своему руководству⁸.

На этом беседа завершилась. Стороны расстались, чтобы проработать вопросы, поставленные друг перед другом. Одновременно в Москве ждали, какие объяснения вопиющему случаю бомбардировки наших войск дадут американцы.

Ждали, конечно, и выражения сочувствия. Они последовали. Командующему войсками 3-го Украинского фронта маршалу Ф.И.Толбухину поступили телеграммы соболезнования от союзного Верховного командующего на Средиземноморском театре английского фельдмаршала Г.Вильсона и командующего 15-й воздушной армией генерала А.Эйкера. 15 ноября 1944 года их текст был доложен И.В.Сталину⁹.

Позднее ему лично были принесены официальные извинения от имени Президента Ф.Д.Рузвельта. 14 декабря 1944 года на приеме в Кремле это сделал посол США в СССР А.Гарриман.

...Ответ на свое письмо от 9 ноября первый заместитель начальника Генштаба получил через десять дней. Генерал Дин, передавая «глубочайшее сожаление» Объединенного комитета начальников штабов армии США по поводу произошедшего инцидента, писал о результатах подробного расследования. Оно показало, что перед командиром эскадрильи истребителей P-38 (его имя в ответе Дина не раскрывалось, историки установили лишь, что эскадрилья входила в состав 82-й истребительной группы, возглавляемой полковником К.Т.Эдвинсоном) была поставлена боевая задача по штурмовке колонн противника и железной дороги в районе Съеница-Новипазар-Рашка-Митровица. При подходе к Съенице с юга эскадрилья разделилась, после чего самолеты направились к цели на бреющем полете. Определяя цель, командир американских летчиков допустил «навигационную ошибку», к тому же между начертанием на карте нужного объекта и цели, в действительности атакованной, выявилось, по утверждению американской стороны, «удивительное сходство». Другими словами, город Ниш командир эскадрильи принял за Новипазар и, отметив интенсивное движение войск, приказал немедленно открыть огонь. Остальные американские летчики были также уверены в том, что они атаковали нужный объект. В действительности же было допущено отклонение на 88 километров, что подтвердила проявленная по возвращении на аэродром киноплёнка.

«Когда эскадрилья выполнила штурмовой рейд, - говорилось далее в ответе Дина, - она была законно атакована советскими

истребителями, оборонявшими свои наземные войска, и в первой же схватке был сбит один американский самолет. Командир американской эскадрильи заметил после этого советские опознавательные знаки, но раньше, чем он мог вывести из воздушного боя свою группу, были сбиты другой американский самолет и два или три советских истребителя». Американское командование давало высокую оценку командиру звена советских истребителей, который «храбро приблизился к строю самолетов американского командира, и тогда взаимное опознавание было подтверждено»¹⁰.

Офицер, который вел эскадрилью, по утверждению генерала Дина, был опытным военным летчиком, имевшим налет более 4 тыс. часов. Группа к тому же «тщательно готовилась и инструктировалась» перед вылетом. И тем не менее случилось то, что случилось.

Первем здесь изложение генералом Дином американской версии произошедшего. Для полной объективности нужен и взгляд с другой стороны. Благодаря воспоминаниям генерал-майора авиации Б.А.Смирнова, бывшего командира 288-й истребительной авиационной дивизии, мы знаем, каким предстал тот бой советским летчикам.

Из мемуаров генерала Б.А.Смирнова: «В связи с освобождением Югославии припоминаются такие события... Часть сил 37-й армии выдвигалась на север, и ее соединения днем и ночью следовали сплошными колоннами по шоссейной дороге через город Ниш на Белград. Наш аэродром находился севернее этого города, и шоссейная дорога огибала его северо-западную окраину. Там размещался КП 866-го истребительного авиаполка.

Утром 7 ноября 1944 года, примерно около 13 часов, одна из боевых колонн 37-й армии двигалась по шоссе. Головные машины ее проходили уже траверз полкового командного пункта, когда дежурный офицер доложил начальнику штаба 866-го полка майору А.А.Сигорскому о том, что курсом на аэродром, с запада, на высоте 1500-2000 метров летят две большие группы немецких самолетов.

Я в это время находился на командном пункте в расположении 2-й болгарской армии и вот слышу, командарму докладывают, что американские бомбардировщики атакуют колонну наших

войск в районе города Ниш. Судец* распорядился: «Принять все меры к предотвращению столкновения в воздухе». Но как? Со стоянки дежурной авиаэскадрильи уже взлетела восьмерка истребителей, возглавляемая Героем Советского Союза капитаном А.И.Колдуновым. Ему и всем летчикам группы передаю указание командующего, прошу сделать все возможное, чтобы привлечь внимание американцев, дать как-то понять, что мы - союзники. Сделать это трудно: нам неизвестна радиоволна их обмена.

А тем временем две группы - по 25-30 самолетов каждая - уже подходили к западной окраине аэродрома. Верхняя, встав в круг, готовилась прикрыть действия нижней группы. Нижняя же разделилась еще на две равные части. Одна из них начала штурмовать колонну наших войск на дороге, обстреливая ее пулеметно-пушечным огнем с малых высот, а другая атаковала взлетающие истребители. В результате было сбито четыре американских истребителя типа «лайтнинг» (один уничтожили зенитчики). Наши потери - два экипажа. Погибли в бою лейтенанты Кривоногих и Шипулин. Самолет лейтенанта Жестовского оказался подбит, и летчик выпрыгнул с парашютом»¹¹.

Генерал Б.А.Смирнов вспоминал также о результатах исследования, проведенного командованием 288-й истребительной авиадивизии. Вместе с начальником штаба подполковником Б.П.Колошиным они тщательно осмотрели место падения одного из «лайтнингов» и обнаружили катушку с намотанной картой. Она была отпечатана на шелке и хорошо читалась. Красная черта, нанесенная на карту, обозначала маршрут полета, который начинался от итальянского города Бари, где находилась авиационная база ВВС США, и заканчивался в Полтаве, где американские самолеты, совершавшие челночные полеты для бомбардировок немецких войск, проходили обслуживание перед обратным полетом. Смирнов и Колошин обратили внимание на то, что два югославских города, Приштина и Ниш, были отмечены на карте

**Генерал-полковник авиации (впоследствии - Маршал авиации) В.А.Судец - командующий 17-й воздушной армией.*

особо. Обычно так делается, чтобы выделить цель. Приштина ко дню происшествия еще была занята гитлеровцами, а расположенный от нее более чем в 80 километрах к северо-востоку Ниш уже был освобожден Красной армией, но и через него пролег маршрут. Профессиональный штурман Колошин, обменявшись взглядами с комдивом, мог лишь с удивлением развести руками...

Однако вернемся к письму, 20 ноября 1944 года полученному Генштабом от генерала Дж.Дина. Глава американской военной миссии проинформировал советскую сторону о принятых после злополучного инцидента мерах. Командир группы самолетов, подвергших советскую колонну бомбардировке, смещен со своей должности. На театре военных действий «введено дополнительное ограничение, которое теперь, как правило, запрещает проведение тактических воздушных операций ближе чем в 80 милях (128 км) от известных советских позиций. Исключения из этих ограничений будут допущены только по соглашению с советскими органами и после специальной подготовки».

Целью проведенного разбирательства, естественно, было установление не только виновных лиц, но и причин, по которым стало возможно столь вопиющее происшествие. «В результате внимательного расследования мы заключили, - говорилось в ответе американской стороны, - что этот печальный инцидент произошел от того типа ошибок, который случается на всех театрах войны и который, даже при величайшей осторожности и предусмотрительности, мы бываем не в состоянии устранить полностью».

Уповать на счастливое стечение обстоятельств в дальнейшем было явно неразумно. Поэтому американская сторона одновременно подчеркивала, что лучший способ предупреждения подобных случаев - создание и поддержание тесной взаимосвязи между воздушными и наземными войсками обеих армий, действующими вблизи друг от друга. От имени Объединенного комитета начальников штабов высказывалась неоднократно прозвучавшая еще в ходе беседы Антонова и Дина мысль о необходимости продолжать усилия по совершенствованию системы взаимосвязи между оперативными штабами союзных армий «с целью устрани-

ния возможности ошибок и в то же время сохранения существенного сотрудничества, направленного на разгром общего врага».

Получив ответ (генерал армии Антонов представил его Сталину 23 ноября 1944 г.), советское руководство должно было окончательно определить, чем был инцидент в районе Ниша: заранее задуманной провокацией или случайным, роковым стечением обстоятельств? От этого прежде всего зависела реакция на случившееся, а значит, и перспективы боевого сотрудничества.

Что касается фронтового командования в лице генерала С.С.Бирюзова, то, судя по его воспоминаниям, оно делало однозначный вывод: налет американской авиации носил провокационный характер. Не верил маршал и в искренность извинений, которые принесли представители союзников на Средиземноморском театре военных действий. С Бирюзовым солидаризировался генерал Блажей, квалифицировавший происшедшее как «предательский удар из-за угла».

Судя по документам, у Бирюзова и Блажея едва ли были веские основания судить столь категорично. Скорее всего, на их взглядах сказалось дыхание холодной войны, в атмосфере которой вышли в свет их книги. Высшее же руководство Советского Союза в то время злого умысла в инциденте в районе Ниша, судя по всему, не увидело и расценило его как трагическую случайность, результат навигационной ошибки, согласившись с выводом союзников.

Не исключено, конечно, что Сталин допускал возможность сознательной провокации со стороны американцев, которые таким кровавым способом могли, по его мнению, попытаться доказать советской стороне необходимость внедрения своих офицеров связи в штабы советских войск. Соглядатаев, которые бы разнюхивали планы наших действий в Восточной Европе, Верховный пускать в расположение наших войск не хотел. Но и раздувать скандал не стал, дабы не иссякал поток союзных поставок по ленд-лизу: только в 1944 году советские ВВС получили из США 5887 самолетов.

Вместе с тем советская сторона продолжала настаивать на том, чтобы американцы пунктуально соблюдали уже имевшиеся договоренности о координации совместных действий. При этом были проявлены не только твердость, но и необходимая гиб-

кость. В развитие имевшихся с американцами договоренностей о координации боевых действий советский Генштаб определил, а Верховный главнокомандующий утвердил новую временную границу для действий союзных воздушных флотов перед советско-германским фронтом на всем его протяжении. Предложенная союзникам, она по получении 26 ноября 1944 года их согласия была введена в действие, о чем 6 декабря генерал армии Антонов доложил Сталину. На южном фланге разграничение шло от Сараева на юг, через Призрен-Прилеп до южной границы Югославии и далее на восток, по северной границе Греции до Черного моря¹².

В дальнейшем в зависимости от начертания линии фронта эта граница изменялась. Согласование союзниками «рубежей бомбометания» стало на заключительном этапе войны обычной практикой и было важной сферой их боевого сотрудничества.

Так, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года ее участники договорились продолжать координировать воздушные и наземные операции. А 6 февраля 1945 года соглашение, устанавливающее демаркационную линию для воздушных налетов, было достигнуто на трехсторонней основе - между советскими, американскими и британскими авиационными штабами. Больше того, соглашение предусматривало обмен информацией об осуществляемых и намеченных операциях уже на уровне авиационных соединений трех стран. Через месяц был сделан новый шаг - достигнуто соглашение о совместных действиях по прикрытию наступающих частей союзников с воздуха.

Вот как выглядело установление разграничительных линий на практике. Например, 2 мая 1945 года помощник начальника Генштаба по внешним сношениям генерал-майор Н.В.Славин направил главам военных миссий США и Великобритании следующее письмо об установлении бомборазграничительной линии на подступах к Берлину: «В связи с успешным продвижением советских войск северо-западнее Берлина и занятием советскими войсками города Росток Генеральный штаб Красной армии просит Объединенное союзное командование дать указание своим ВВС, начиная с 3 мая 1945 года, придерживаться нижеследующей бомборазграничительной линии: Висмар, Шверин, Дёмиц,

затем по р. Эльбе до Тангермюнде. Далее на юг от Тангермюнде бомборазграничительная линия остается без изменений.

Прошу об этом незамедлительно сообщить генералу Эйзенхауэру»¹³.

Это была сфера большой политики, когда координация шла на уровне высших штабов и многозвездных генералов. Но небезынтересно узнать, как удалось установить общий язык задействованным в бою 7 ноября его непосредственным участникам.

Вновь дадим слово генералу Б.А.Смирнову: «С каждой минутой обстановка накалялась до предела. Капитан Колдунов решил еще раз рискнуть и устремился к ведущему американской группы. Можно было подумать, что этот маневр закончится атакой. Но Колдунов не стрелял, а «лайтнинги» открыли по нему огонь. Он упорно приближался к намеченной цели. Вот его самолет смешался с машинами союзников, еще секунда - и капитан Колдунов, оттеснив ведомого от командира американской группы, притерся к нему вплотную. «Лайтнинги» уже не могли вести по нему огонь, боясь одновременно поразить своего командира.

Все это произошло в считанные секунды. «Лайтнинги» прекратили огонь.

Воздушный бой с союзниками, по оценке наших летчиков, был для них самым памятным и самым каверзным. Капитан Панин назвал его игрой в кошки-мышки: «Они гоняются за нами, а мы увертываемся, и непонятно, почему на их пулеметные очереди мы должны были отвечать реверансами...»

Когда наши самолеты приземлились, все бросились к машине Колдунова. Пилотам хотелось узнать, как это ему удалось прекратить атаки американских «лайтнингов». Капитан Панин - тот прямо спросил:

- Колдун (таким был позывной воевавшего на Як-3 А.И.Колдунова. - Ю.Р.)! Ты английский знаешь?

- Нет.

- А как же разговаривал?

- Очень просто - на летном языке. Зажал ручку управления между колен, поднял руки, соединив ладони в рукопожатии, а потом постучал кулаком по лбу - намекнул, что мы союзники. Вот и все...

Панин прервал Колдунова:

- Подожди. Уточним перевод летного языка. Значит, ты сказал приблизительно так: «Босс, ты дурак - соображать надо!»

- Ну... примерно, - улыбнувшись, согласился Колдунов.

- А если бы он не понял? - спросил Панин.

Колдунов подумал немного и ответил:

- Жить захочешь - поймешь!

Больше вопросов у Панина не было, и он обратился ко всем присутствующим:

- Ребята, качнем Колдуна!

Саша снова оказался в воздухе...»¹⁴.

Капитана Колдунова, проявившего смелость и находчивость в сложной обстановке, наградили за тот бой орденом Красного Знамени. Трудно даже представить масштаб потерь с обеих сторон, если бы благодаря ему не удалось довольно быстро побудить союзников убедиться в их роковой ошибке. В противном случае пришлось бы поднять в воздух полк, а то два-три, и тогда доброй половины «лайтнингов» на базе близ Бари американцы не досчитались бы.

Итак, случившееся в районе Ниша заставило командование Красной армии и войск союзников более тщательно отрабатывать вопросы координации совместных действий против Люфтваффе. Но, увы, тот инцидент не был последним.

19 марта 1945 года генерал армии А.И.Антонов направил генерал-майору Дж.Дину письмо, в котором излагались обстоятельства нового чрезвычайного происшествия:

«1. 18 марта 1945 года в период времени с 13 часов 15 минут до 13 часов 30 минут над расположением советских войск на восточном берегу реки Одер, севернее города Кюстрин, прошли курсом на север восемь групп американских бомбардировщиков типа «летающая крепость» в сопровождении истребителей «мустанг». Американские самолеты преследовались немецкими истребителями Me-109 и ФВ-190.

Когда группа американских самолетов подошла к Морин (35 км северо-западнее Кюстрина), в это время над районом Морин находились в воздухе шесть советских истребителей

Як-3. Советские летчики, заметив немецкие истребители, преследовавшие американцев, атаковали немцев, но сами, в свою очередь, были атакованы американскими истребителями.

Советские летчики, ясно различая американские самолеты, уклонились от воздушного боя с ними, но, несмотря на это, американские истребители продолжали преследовать советские самолеты. В результате атаки американских истребителей шесть советских самолетов были сбиты, причем два советских летчика погибли и один получил тяжелое ранение.

Этот случай является уже вторым случаем нападения американских истребителей на советские самолеты над территорией, занятой советскими войсками.

2. Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях, когда по обоюдному соглашению между советским, британским и американским штабами авиации была установлена разграничительная зона для боевых действий союзной авиации, проходящая на этом участке по линии Пазевальк, Берлин, то есть в 50 км к западу от района происшествия; причем никаких извещений о предполагаемом пролете здесь американскими самолетами линии советского фронта сделано не было».

Начальник советского Генштаба, квалифицируя случившееся, как «исключительное происшествие», просил довести содержание его письма «до сведения начальников Объединенных штабов... и произвести срочное расследование происшедшего случая, наказать виновников нападения на советские самолеты и потребовать от союзных военно-воздушных сил впредь строго выполнять соглашение об ограничительной зоне»¹⁵.

Трудно избавиться от ощущения, что в небе над Германией стороны, еще сами о том не зная, примеривались к жарким воздушным боям друг с другом в корейском небе в 1950-м.

¹Бирюзов С.С. Советский солдат на Балканах. М., 1963. С. 232-233; Блажей А.К. В армейском штабе. М., 1967. С. 255.

²См.: Смирнов Б.А. Небо моей молодости. М., 1990.

³Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной

войны 1941-1945 гг.: В двух томах. М., 1957. Т. 2. С. 119, 133.

⁴Архив Президента РФ (далее - АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 421. Л. 30-31.

⁵В некоторых позднейших публикациях указывается, что Г.П.Котов погиб во время налета авиации противника. См., например: Военно-исторический журнал. 1993. №6. С. 8.

⁶Бывший в то время заместителем начальника Генерального штаба генерал С.М.Штеменко приводит иные цифры: «Погибли командир корпуса генерал-лейтенант Григорий Петрович Котов и 31 офицер и боец, было ранено 37 человек... Кроме людей было потеряно 3 американских и 3 наших самолета» // *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. Кн. 2. С. 208.

⁷АП РФ... Л. 35.

⁸Там же. Л. 37.

⁹Там же. Л. 39-40.

¹⁰Там же. Л. 46.

¹¹*Смирнов Б.А.* Указ. соч. С. 294.

¹²АП РФ... Л. 49.

¹³Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15 (4-5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 350.

¹⁴*Смирнов Б.А.* Указ. соч. С. 295-296.

¹⁵Русский архив... С. 331-332.

ГРАФ Е.Ф.КАНКРИН: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Игорь Гладков, Маргарита Пилюян

ЛИЧНОСТЬ министра финансов интересует обычно многих, поскольку должность эта - одна из наиболее заметных в любом правительстве. Тем более, если деятельность его во многом способствует поступательному развитию экономики страны, оздоровлению ее финансовой системы.

В истории России было не так много министров финансов, о которых подобное можно сказать с уверенностью, учитывая, что признание они получили как у современников, так и потомков.

Одним из таких выдающихся специалистов и государственных деятелей можно по праву считать министра финансов Российской империи в первой половине XIX века Егора Францевича Канкрина (так его называли в России), человека, который успешно проработал на этом посту фактически 21 год. Это был беспрецедентный случай.

Георг Людвиг Канкрин родился в 1774 году в германской земле Гессен-Кассель, закончил известный университет в Марбурге (где в свое время учился М.В.Ломоносов). Однако применения своим знаниям в Германии найти не смог и в 1797 году

Игорь Сергеевич Гладков - профессор РЭУ им. Г.В.Плеханова, доктор экономических наук;

Маргарита Грачиевна Пилюян - историк, доцент МГУТУ им. К.Г.Разумовского.

приехал в Россию к перебравшейся сюда ранее семье, став одним из тех «русских немцев», которые обрели здесь новую родину и начали трудиться на ее благо.

Однако в российских реалиях молодому и талантливому Е.Ф.Канкрину не сразу удалось занять подобающее его масштабной личности положение. Внимание на его неординарные способности, по сути, впервые обратил вице-канцлер И.А.Остерман, на которого поданные Е.Ф.Канкриным служебные материалы якобы произвели положительное впечатление. При содействии этого высокого сановника в 1800 году Канкрин сделал помощником управляющего соляными варницами (которым тогда же был назначен его отец, известный инженер). Вскоре выдающиеся деловые качества младшего Канкрин стали очевидными и протекция ему уже была не нужна.

Начало XIX века для Е.Ф.Канкрин было связано со службой в российском Министерстве внутренних дел, а затем в военном ведомстве.

Продвижению способствовало издание Е.Ф.Канкриным как человеком разносторонних интересов в 1809 году книги «Фрагменты о военном искусстве с точки зрения военной философии», в которой он использовал свой уже накопленный к тому времени большой «командировочный» опыт, а также наблюдения касательно российской территории и коммуникаций. В книге он высказывал мысли о том, что России в возможных войнах следует использовать свои географические особенности - огромную территорию, холодный климат и даже протяженность и низкое качество дорог. Поскольку среди русских военных бурно обсуждался вопрос о грядущей войне с Наполеоном, книга вызвала определенный интерес. С ней ознакомились военный министр М.Б.Барклай-де-Толли и известный военный теоретик генерал К.Л.Фуль, а по их рекомендации - император Александр I. По указанию последнего Е.Ф.Канкрин получил приглашение на службу по военно-интендантской части. Кстати, тогда же прозвучала первая личностная характеристика Егора Францевича как человека дельного, много знающего, но жесткого, с тяжелым характером. В дальнейшем такие характе-

ристики Канкрина будут звучать часто, но все будут искупать его выдающиеся деловые качества.

Действительно, личные качества Е.Ф.Канкрина на редкость удачно сочетались с его родом деятельности. По свидетельствам современников, он отличался крайней педантичностью, вниманием к любой детали, бескорыстием, склонностью к жесткой экономии и даже к некоторому аскетизму в быту и, говоря современным языком, полной «негламурностью», невниманием к придворным условностям. Эти качества, будучи применены к интересам снабжения российской армии, дали удивительный результат.

Можно привести следующие примеры выдающихся способностей Е.Ф.Канкрина. Так, в 1812 году он был назначен генерал-интендантом всей действующей армии. В противостоянии с наполеоновской Францией, в отличие от других войн, которые Российская империя еще будет вести в первой половине XIX века, российская армия не сталкивалась со «снабженческими» проблемами - войска были полностью обеспечены и боеприпасами, и провизией, и сапогами, и прочим.

Более того, уже тогда проявились блестящие качества Е.Ф.Канкрина как финансиста: по итогам военной кампании он тщательно проверил все предъявленные ведомству счета, доказал необоснованность большинства из них и в результате была оплачена лишь 1/6 их часть*. В целом военную кампанию 1812-1814 годов России удалось закончить также беспрецедентно, без «обычного» в таких случаях крупного дефицита финансовых ресурсов. Неподкупность Е.Ф.Канкрина подтверждается также тем, что, имея возможность при заключении контрактов брать огромные взятки, он не шел на подобные действия, оставшись после войны таким же небогатым че-

*Как известно, союзные державы предъявили России претензии за полученные ее армией в 1813-1814 годах ресурсы (прежде всего продовольствие) в размере 360 млн. рублей. Е. Ф. Канкрину удалось путем переговоров сократить выплачиваемую сумму до 60 млн. рублей. К сожалению, такого рода факты остаются чаще достоянием исторической науки, будучи малоизвестными широкой аудитории.

ловеком, каким был ранее. Очевидно, что в ходе Отечественной войны Егору Францевичу Канкрину пришлось проявлять личную принципиальность неоднократно, часто в ущерб себе. По данным исследователя В.Е.Юровского, Е.Ф.Канкрин навлек на себя высочайший гнев великого князя Константина, когда заступился за жителей некоего немецкого городка, подвергнувшегося разграблению. Е.Ф.Канкрин «отстоял» М.И.Кутузов, назвав его человеком, «которого нельзя приобрести за миллионы», и даже пригрозил сам уйти в отставку в случае отставки генерал-интенданта.

К сожалению, в отечественных реалиях подобная принципиальность не прошла Е.Ф.Канкрину даром. Влиятельные враги, которых он нажил, predeterminedили «непонятный» спад в его карьере сразу после войны, несмотря на все его военные заслуги. Выдающийся специалист остался не у дел, занимая чисто формальные, не дающие никакого влияния должности, на некоторое время он даже покинул Санкт-Петербург. Есть сведения, что его, при всей личной честности, пытались обвинить в растрате, но, естественно, не смогли.

Вместе с тем даже находясь в опале, Е.Ф.Канкрин стремился активно использовать время. Именно в этот период он вплотную занялся экономической наукой и к 1821 году подготовил новую книгу «Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство».

Доподлинно неизвестно, ознакомился ли с его трудом император, но не исключено, что ознакомился, потому что вскоре после выхода книги Александр I отказался подписать поданное ему Е.Ф.Канкриним официальное прошение об отставке и, наоборот, вновь приблизил его. Е.Ф.Канкрин направился в императорской свите на Лайбахский конгресс, вскоре стал членом Государственного совета, а в 1823 году произошло наиболее, пожалуй, важное событие в его карьере и жизни - его назначили министром финансов Российской империи.

О том, что Е.Ф.Канкрин мог бы стать замечательным министром финансов, сразу после 1812 года говорил еще виднейший деятель России того времени М.М.Сперанский. К его мнению тогда не прислушались, да и самого Сперанского вскоре отправили

в «почетную ссылку». Лишь в начале 1820-х годов восторжествовала объективность, справедливость (в оценке феноменальной личности и деятельности Е.Ф.Канкринина).

В связи с этим обращают на себя внимание некоторые любопытные факты. Так, известно, что предшественником Е.Ф.Канкринина на посту министра финансов был граф Д.А.Гурьев. По мнению историков, трудно было найти людей, столько отличных друг от друга. Светский человек с широкими связями, Д.А.Гурьев не был специалистом в области финансов, у него фактически отсутствовало государственное мышление. Считалось, что он придерживался либеральных взглядов и тяготел к фритредерству, однако то были в основном слова, так как бюджет он воспринимал скорее как свое личное хозяйство. Неслучайно аристократические друзья воспринимали его пост как источник казенных денег (нередко он спасал своих друзей, выкупая в казну их разоренные имения). Однако финансам империи данная сторона его деятельности пользы не приносила.

Д.А.Гурьев был отправлен в отставку, но назначение новым министром именно Е.Ф.Канкринина многие при дворе восприняли драматически. Однако решения императора их мнение не изменило. Более того, Александр I вскоре скончался, затем последовали трагические события 14 декабря 1825 года.

От нового государя ждали смены команды. Николай I, имея репутацию, мягко говоря, консерватора, и не думал сменить Е.Ф.Канкринина на его посту - настолько высоко он ценил его профессионализм. Именно с императором Николаем I Е.Ф.Канкринину пришлось проработать 19 лет.

Одна из первых мер, предпринятых Канкриним на новом посту, - Гильдейская реформа, носившая довольно противоречивый характер. Так, она облегчала возможность заниматься торговлей представителям неторговых сословий, но для крестьян, желавших заняться торговлей, условия несколько ухудшились (что, естественно, вызвало их недовольство).

В последующем определенная двойственность некоторых реформ Е.Ф.Канкринина очень часто была связана с его желанием соединить то, что трудно соединяется - развитие промышлен-

ности и торговли с жесткой экономией, а также с сохранением политического статус-кво. По точному выражению современных исследователей, министр финансов Е.Ф.Канкрин одной рукой развивал промышленность, а другой - придерживал, опасаясь, что процесс приведет к пауперизации (обнищанию) общества и поднимет уровень недовольства, - поэтому министерству полагалось действовать в этом направлении «гомеопатическими средствами».

В конце 1820-х годов по объективным причинам (турецкая и персидская войны) в интересах наполнения бюджета Е.Ф.Канкрину пришлось пойти на некоторые меры, которые он сам считал в известной степени предосудительными (с 1827 г. министерство вернулось к политике винных откупов). При этом министр сетовал на то, как тяжело управлять финансами, когда они основаны на доходах от увлечения алкоголем. Более того, откупная система способствовала росту коррупции среди тех чиновников, кто за нее отвечал (вице-губернаторы). Однако доходы казны от продажи алкогольной продукции возросли примерно на 39%. Аналогичную цель - наполнение бюджета - преследовали меры по развитию горнодобывающей и в особенности золотодобывающей промышленности: если доходы всей отрасли возросли более чем вдвое, то добыча золота увеличилась примерно в 40 раз.

Во внешнеторговой сфере Е.Ф.Канкрин, осознавая определенную пользу фритредерства и иностранной конкуренции, все же оставался сторонником протекционизма. Отсюда как только он занял министерский пост, началась деятельность по повышению ввозных таможенных пошлин. Практически таков был его самый первый шаг как министра финансов. После составления таможенного тарифа в 1822 году при участии Е.Ф.Канкринина пошлины повышались еще шесть раз, вплоть до 1843 года. В данном случае ставилась цель не только наполнить бюджет (а он на этом направлении вырос в 2,6 раза), но и поощрить развитие довольно слабой на тот момент российской промышленности.

Выступая сторонником повышения ввозных пошлин, Е.Ф.Канкрин исходил также и из того, что широкие слои рос-

сийского населения пока еще в очень малой степени потребляли импортные товары, поэтому от повышения цен в результате увеличения пошлин должен был пострадать весьма узкий круг наиболее богатых людей.

Важно отметить, что основным достижением Е.Ф.Канкрин считают финансовую реформу, связанную с введением «серебряного монометаллизма». Поясним. Как известно, ассигнации в России появились в царствование Екатерины II (1768 г.). Вполне возможно, в самом начале своего использования они принесли определенную пользу, однако к 30-м годам XIX века их полезность оказалась проблематичной. Курс ассигнационного рубля namного отставал от курса серебряной монеты, не говоря уже о том, что ассигнации легко подделывали. Особенно это стало ощущаться после Отечественной войны 1812 года, так как с целью подрыва российской экономики во Франции было выпущено множество фальшивых ассигнаций. В итоге в стране возник параллельный курс двух единиц - рубля серебряного и ассигнационного. Сложившаяся ситуация получила название «простонародный лаж». Лажем называли разницу между реальным курсом рубля и биржевым курсом ассигнаций. Для того чтобы поддержать курс ассигнаций, существовало правило, что именно ими уплачивают подати и казенные сборы.

Прежде всего, Е.Ф.Канкрин нанес удар именно по данному правилу: уже в начале 1830-х годов было разрешено рассчитываться с казной металлической монетой. Собственно же денежная реформа началась в июне 1839 года с обнародования указа, в котором говорилось, что главной монетой обращения впредь будет считаться серебряная монета. При этом ассигнации будут считаться второстепенными знаками ценностей и их курс против серебряной монеты останется неизменным, исходя из расчета, что рубль серебра «весил» 3 руб. 50 коп. ассигнациями.

Более того, по указанию Е.Ф.Канкрин были открыты особые кассы, в которых всем желающим вместо серебра выдавали депозитные билеты с жестким обязательством по первому требованию вернуть серебро. Для таких нововведений особенно важно доверие населения, которое было обеспечено продуманными

действиями Е.Ф.Канкрин. Депозитный фонд империи достиг вскоре «принципиальной суммы» в 100 млн. рублей. Затем была проведена следующая акция: фонд был торжественно перевезен в Петропавловскую крепость и вновь торжественно проверен в присутствии специальных представителей от дворянства и купечества. Более того, курс золотой и медной монеты также фиксировался: 1 серебряный рубль равнялся 0,097 золотого империала, а также 16 (затем 32) рублям медью.

Уже с января 1840 года все сделки с казной и частными лицами следовало заключать исключительно на серебряной основе. С июля же 1841 года вместо ассигнаций были введены новые денежные знаки - кредитные билеты Сохранной казны и Государственного заемного банка. Обмен денежных знаков был полностью завершён уже после ухода Е.Ф.Канкрин с должности министра финансов Российской империи, в 1844-1846 годах.

Необходимо отметить, что все принятые меры удались во многом по причине подъема внешней торговли, сохранения в течение ряда лет Россией положительного внешнеторгового баланса, что способствовало притоку серебра из-за границы. Среднегодовые значения российского вывоза товаров за рубеж уже в 1841-1845 годах примерно на 40% превзошли его объемы в 1831-1835 годах. Именно в начале 1840-х годов Российская империя становится одним из крупнейших в мире экспортеров зерна: ржи - через Балтику и пшеницы - через черноморские порты. К концу же 1840-х годов зерно составляло около 1/3 всего российского товарного экспорта¹.

Кроме того, в заслугу Е.Ф.Канкрину необходимо поставить и подъем российской хлопчатобумажной промышленности, также начавшийся с 1840-х годов благодаря в том числе и его умеренно протекционистской тарифной политике.

На посту министра финансов граф Е.Ф.Канкрин (титул графа он получил в 1829 г.) занимался не только финансово-экономическими проблемами, но и вопросами экономического образования в России. Родившийся во второй половине XVIII века и окончивший европейский университет, он сформировался как личность под влиянием философии эпохи Просвещения, а следовательно,

прекрасно понимал огромную роль науки, технического прогресса и образования для развития страны.

Кроме того, Е.Ф.Канкрин считал необходимым появление в России экономической (также и конкретно-отраслевой) прессы, без которой, как он считал, был невозможен обмен научно-техническими идеями. Так, еще в 1825 году при его содействии было начато издание «Коммерческой газеты», а затем - «Журнала мануфактур и торговли», «Лесного журнала», «Горного журнала», «Земледельческой газеты», «Мануфактурных и горнозаводских известий». Особым его покровительством, по понятным причинам, пользовалась «Земледельческая газета», которой выделяли специальное пособие из бюджета для дешевизны подписки на нее. Редактором газеты, опять же по предложению Е.Ф.Канкринина, был назначен Е.А.Энгельгардт, бывший директор Царскосельского лицея. В 1828 году при его особой поддержке был основан Петербургский технологический институт (знаменитая впоследствии «Техноложка»), а также расширены Лесной и Горный институты, появился целый ряд промышленных школ. Канкрин выступил инициатором первых в России промышленных выставок в Санкт-Петербурге (1829 г.) и Москве (1831 г.) - опять же с целью оживить обмен научно-техническими идеями.

По инициативе Е.Ф.Канкринина российским представителям за рубежом давали специальные задания по сбору информации о новейших открытиях и изобретениях.

Ради притока научной информации Канкрин приложил массу усилий, чтобы уговорить императора Николая I пригласить в Россию крупнейшего ученого того времени, путешественника и натуралиста А. фон Гумбольдта. Гумбольдт приехал в Россию в 1829 году, и ему были обеспечены все условия для путешествия по России, особенно по ее азиатской части. В результате появилось исследование «Центральная Азия», ставшее одним из важнейших в мировой географической науке.

Даже если касаться только «служебной» стороны жизни Е.Ф.Канкринина, возникает образ удивительной, многосторонней личности, человека, который был одновременно и представителем своего времени, и во многом опередил свое время.

Несмотря на очевидные заслуги, многие современные ему государственные деятели его не любили, распускали слухи о его якобы «антироссийских настроениях». В данном случае в их адрес уместно напомнить известное высказывание М.Е.Салтыкова-Щедрина о том, что «не надо путать отечество с начальством», а свои интересы - с государственными.

Как отмечалось выше, Е.Ф.Канкрин предпочитал сокращать расходы, в том числе и военного ведомства, весьма тщательно проверял его отчеты. В ответ на упрёки отвечал, что - да, жадный, но только на то, что не нужно.

Заслуживает внимания тот факт, что Николай I, не приветствуя у своих подчиненных инициативы и самостоятельности, делал исключение именно для Е.Ф.Канкрин.

Можно привести некоторые другие данные, которые проиллюстрируют особое отношение императора к Егору Францевичу. Так, известно, что Николай I не курил и не поощрял курящих. Однако Е.Ф.Канкрину в его присутствии разрешалось курить трубку, хотя у экономного финансиста табак был дешевым и весьма низкого качества. Николай I прощал министру финансов также небрежность в одежде, поскольку главным в деятельности министерства считал результат.

В связи с ухудшением здоровья в 1844 году Егор Францевич Канкрин подал прошение об отставке, которое император вынужденно принял. Через год Е.Ф.Канкрин скончался, оставив после себя отлаженную финансовую систему, которая была, возможно, даже слишком хороша для российских реалий...

После смерти Николая I для характеристики времени его правления впервые прозвучит слово «застой». Вероятно, такая оценка верна. Однако справедливо будет отметить, что при всех недостатках его правления этот император все же сумел оценить профессионала, человека, который, будучи лишен внешнего лоска, тем не менее принес несомненную пользу Отечеству.

¹Подсчитано по: *Покровский В.И.* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб.: Изд. Деп. таможенных сборов. Типолитография М.Г.Фроловой, 1902. Т 1. XXXIV.

ВОПРОСЫ ПРЕДВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СССР И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Евгений Трофимов, Александр Фролов

ВОПРОСЫ предвоенного строительства советского союзного государства, касающиеся быстрого расширения границ на запад, до сих пор вызывают споры политиков и разногласия в отношениях с некоторыми нашими западными соседями. Был ли СССР оккупантом и, соответственно, было ли присоединение территорий, ставших или отошедших ныне к независимым государствам, насильственным или же в их вхождении в состав СССР присутствовала и воля населявших эти территории народов - остается злободневным и поныне. Упор на советский экспансионизм, как правило, делают те, кто желает обвинить в таковом и сегодняшнюю Россию.

Второй съезд народных депутатов СССР в 1989 году, как известно, осудил договор о ненападении между СССР и Германией и, следовательно, вместе с ним и все действия Москвы по расширению советского государства, но тогда был период отрицания всего советского, в основном без достаточно прора-

*Евгений Николаевич Трофимов - первый проректор Российской международной академии туризма, доктор политических наук;
Александр Владимирович Фролов - ведущий научный сотрудник
ИМЭМО РАН, доктор политических наук.*

ботанных оценок ситуации. Однако позднее все больше голосов стало раздаваться в пользу того, что на самом деле данный договор был вынужденным шагом советского руководства перед лицом нацистской угрозы и диктовался стратегическими соображениями. Тем не менее в 2008 году депутаты Госдумы, включая единокороссов и коммунистов, высказались против реабилитации договора.

Уже на следующий год, когда отмечалась 70-я годовщина со дня подписания документа, тема вновь обрела актуальность. Тогдашний первый заместитель председателя Комитета Госдумы по международным делам Ю.Квицинский заявил, что «скоро-спелые решения Второго съезда народных депутатов СССР, где говорилось, что пакт был аморальным и якобы не соответствовал международному праву, по-хорошему надо бы пересмотреть, приняв соответствующие заявления двух палат нынешнего российского парламента с более трезвыми оценками»¹.

Тогда же члены фракции КПРФ внесли в Госдуму проект заявления о признании исторической целесообразности советско-германских договоров 1939 года, мотивируя это необходимостью воспрепятствовать попыткам фальсификации истории со стороны ряда западно- и восточноевропейских государств, возлагающих ответственность за развязывание Второй мировой войны в равной степени на фашистскую Германию и на Советский Союз². Попытки признать целесообразным эти договоренности предпринимались левыми депутатами и в 2010 году, хотя и безрезультатно. Как бы ни развивалась ситуация, но, наверное, прав известный отечественный историк О.Ржешевский, который считает, что в этом деле надо прежде всего дать разобраться историкам³.

В вопросе, ожидающем более глубокого осмысления, важен документированный анализ происходившего в те уже далекие годы. Понятно, что попытки представить ситуацию только как покорение советскими войсками Бессарабии, Буковины, Западной Украины, Белоруссии и Балтии являются упрощенчеством, поскольку ситуация была сложнее. Это не было покорение территорий в ходе военных действий, хотя сила и маячила на втором плане, а другим, более широким набором средств и

методов с опорой на местные просоветские силы. Советские власти по ходу развития событий меняли схемы единения с Балтийскими республиками и в конечном итоге свели дело к их присоединению к СССР. Второе обстоятельство заключается в том, что практически все эти территории ранее входили в состав Российской империи и были частью нашего государства, в то время как Германия захватывала ранее не принадлежавшие ей земли. К прямому использованию силы в отношении бывшего субъекта Российской империи СССР прибег лишь в случае с Финляндией, но это было сделано для того, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда в преддверии надвигающейся войны.

В этой связи весьма показательны материалы Верховного Совета СССР, заседавшего накануне данных событий и после них, в ходе сессий которого легитимизировались новые территориальные приобретения. Анализ соответствующих документов позволяет понять некоторые причинно-следственные связи в действиях советского руководства, оценки, даваемые им тогдашнему международному положению и надвигающейся военной угрозе, механизм, задействованный в ходе советизации этих территорий, и, наконец, идеологическое основание проводимой политики. Данные материалы интересны еще и тем, что на них мало ссылаются западные исследователи. Но именно они дают серьезную пищу для размышлений: почему СССР это делал и как он все это объяснял? Думается, на них тоже нужно обратить внимание.

В предвоенные годы советское руководство предприняло самые активные шаги по расширению Союза ССР. Это делалось как в плане переноса границ СССР на запад перед лицом угрозы фашизма в Европе, так и в плане укрепления и расширения системы социализма с помощью Красной армии, набравшей к тому времени необходимую мощь. Мюнхенский сговор подорвал доверие Москвы к самой возможности совместных антигерманских действий с западными демократиями перед лицом угрозы со стороны Гитлера. Вступление Италии в союз с нацистской Германией только усилило эти опасения. Было ощущение,

кстати, основанное на разведанных, что войны с Германией не избежать. Требовалась передышка, перегруппировка сил, в том числе и вывод войск на более стратегически выгодные рубежи. В такой ситуации раздвигание границ на запад не могло осуществляться без соответствующего присутствия там Красной армии. При этом все действия Красной армии преподносились широко и многозначно как «великая освободительная миссия» и практически мгновенно закреплялись высшей законодательной властью СССР. Такие действия объективно не могли осуществляться без усилий пропагандистской машины и без нарушения прав человека. Быстрота действий определялась тем, что ни советское руководство, действуя в режиме самосохранения, ни какая-либо иная политическая сила в Европе не были уверены в сохранении статус-кво.

Москва, присоединяя к себе «новые» или «старые» территории, на тот момент не могла выходить за пределы тех договоренностей, которые были достигнуты ею с Германией. В противном случае и сами договоренности могли быть перечеркнуты, и Германия могла счесть их нарушение как казус белли в условиях, когда никто из мировых крупных держав не мог и не желал оказать СССР какую-то военно-политическую поддержку перед лицом германской агрессивности. Советское руководство сделало ставку на местных коммунистов и местные просоветские силы, которые реально существовали, и, самое главное, на скорейшее закрепление своих побед соответствующими законодательными актами, пусть не до конца четко продуманными.

Так, уже внеочередной пятой сессией Верховного Совета СССР, состоявшейся 31 октября - 2 ноября 1939 года, были приняты законы «О включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой» и «О включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой».

Руководство СССР в работе сессий придавало особое значение голосам с мест, когда местные жители, представители рабочего

класса, крестьянства и интеллигенции горячо приветствовали действия Красной армии. Выступая на сессии, львовский рабочий И.Кравчук, например, говорил: «Под руководством нашего дорогого товарища Ворошилова... славная героическая рабоче-крестьянская Красная армия перешла границу и раз и навсегда разбила искусственно созданную стену, которая разделяла две родные сестры - Западную и Восточную Украину»⁴. Примерно в том же духе ему вторил народный поэт Белоруссии Ф.Пестрак: «Лютый, проклятый пан - грабитель народа сделал эту землю мачехой для ее сыновей... Как велика... радость нашего народа, когда рабоче-крестьянская Красная армия 17 сентября по приказу советского правительства перешла границу и освободила народ от панского ярма»⁵.

В 1940 году Москва, хотела она того или нет, не смогла полностью восстановить СССР в границах бывшей Российской империи именно в тех регионах, которые Ленин считал наиболее развитыми - то есть в Польше и Финляндии. Польша, как известно, согласно договоренностям, которые Сталин не собирался нарушать, была оккупирована войсками гитлеровского вермахта, а в Финляндии Красная армия с осени 1939 года натолкнулась на жесткое сопротивление финнов во главе с бывшим царским генералом К.Маннергеймом, и военные действия часто шли не по ее сценарию. С Финляндией дело обстояло не так просто, поскольку именно устами И.Сталина, который дал зеленый свет военным действиям на финском направлении в 1939 году, Финляндии была предоставлена независимость. Следует напомнить, что 14 ноября 1917 года Сталин лично выехал на съезд финляндской Социал-демократической рабочей партии в город Гельсингфорс, где выступил с речью, в которой заявил: «Полная свобода устройства своей жизни за финляндским, как и за другими народами России!.. Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом!»⁶.

Относительно Финляндии СССР явно не добился своих изначальных целей, хотя Мирным договором от 12 марта 1940 года сумел отодвинуть границу. «В интересах обороны страны - говорилось в официальных советских источниках - надо было остановить гитлеровские войска подальше от жизненных

центров СССР, не позволить им вынести свои стратегические рубежи к советской границе»⁷.

Но и в советско-финской войне необходимо было обозначить успех. По ее итогам состоявшаяся 29 марта - 4 апреля 1940 года шестая сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О преобразовании Карельской АССР в союзную Карело-Финскую ССР», тем самым, закрепив результаты советско-финской войны. Выступая на сессии, депутат А.Жданов, которому было суждено сыграть одну из решающих ролей в последующих балтийских событиях, предложил передать в состав Карельской АССР территории, отошедшие от Финляндии к СССР на основании Мирного договора между СССР и Финляндией, за исключением небольшой полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду. Сам факт переименования республики он объяснил следующим образом: «Некоторые районы, отходящие к Карелии, являются не только карельскими, но и финскими... Преобразование в союзную республику будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского содружества»⁸.

В выступлении депутата от Карелии прозвучала мысль, что этот процесс (и увеличения территории, и переименования) призван придать новый статус и толчок развитию⁹. Однако фактически за этими решениями советского руководства стояла идея настроить население республики более лояльно в отношении советской власти в условиях растущего напряжения в Европе. Сессия также решила вопрос границ между Украиной и Белоруссией, утвердив Указ Президиума Верховного Совета СССР «О разграничении областей между УССР и БССР». Поэтому после неудачи в Финляндии присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии морально воодушевило советских руководителей.

В июле 1940 года, как известно, были в весьма спешном порядке проведены выборные кампании в Литве, Латвии и Эстонии, на которых к власти пришли просоветские народные фронты, практически немедленно обратившиеся с просьбой присоединить эти республики к СССР. Отклик не заставил себя долго ждать. Работавшая в период 1-7 августа 1940 года седьмая сессия Верхов-

ного Совета СССР завершила процесс национально-территориальных преобразований в западных регионах страны и приняла ряд важных законов о создании новых союзных республик в составе СССР в результате «освободительной миссии Красной армии».

Все дискуссии по данному вопросу прошли в духе поддержки действий советского руководства, героической Красной армии и необходимости дальнейшего укрепления Союза ССР. Выступавшие представители новых союзных образований, как правило, горячо поддерживали идеи вступления этих территорий в единое государство и говорили о перспективе скорейшего вхождения их хозяйств в экономику СССР.

При открытии сессии ее участники, демонстрируя поступательность процесса, отметили огромное историческое значение преобразования Карельской АССР в союзную Карело-Финскую Республику. Представлявший Майкопский сельский округ (Адыгея) М.Бурмистенко назвал это «свидетельством новых огромных побед ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей равенство национальностей, мирное сожительство и братское содружество всех народов»¹⁰. Оценивая недавние выборы в Карелии, в которых приняло участие 99,67% населения, имеющего право голоса, он отметил, что тем самым трудящиеся Карело-Финской ССР единодушным голосованием за кандидатов блока коммунистов и беспартийных дали достойный ответ всем империалистическим поджигателям войны и выразили свое безграничное доверие партии Ленина - Сталина.

Однако самый главный интерес на заседаниях сессии представляло выступление народного комиссара по иностранным делам и фактически второго человека в кремлевской иерархии В.М.Молотова, который с трибуны сессии дал оценку политической ситуации в Европе и разъяснения по поводу политики СССР в этих условиях. Историкам хорошо известно, какое сильное впечатление произвело на советское руководство быстрое поражение Франции под натиском немецких танков, авиации, сухопутных войск. Именно это поражение легло в основу доклада советского наркома. Как В.М.Молотов и в его лице все советское руководство оценило тогдашнюю ситуацию в Европе?

В результате развернувшихся военных действий со стороны Германии, отмечал нарком, сначала в Норвегии и Дании, а затем в Бельгии и Голландии и, наконец, на территории Франции война в Европе получила большой размах. 10 июня к Германии присоединилась Италия, объявившая войну Англии и Франции. Таким образом, четвертая крупнейшая европейская держава вступила в войну. Франция в этой ситуации, по словам главы внешнеполитического ведомства СССР, «обнаружила свою исключительную слабость в войне... И дело не только в плохой военной подготовке, отрыве правящих кругов Франции от ее свободолюбивого народа, но в излишне легкомысленном отношении французов к роли и удельному весу СССР в европейских делах»¹¹.

Германия, согласно оценке В.М.Молотова, добилась в войне против союзников больших успехов, но не добилась своей основной задачи - прекращения войны на желательных для нее условиях. 19 июля рейхсканцлер обратился к Англии с призывом договориться о мире, но английское правительство отвергло это предложение, истолковав его как требование капитуляции Англии, и ответило заявлением, что будет продолжать войну до победы. Это значит, что правительство Англии не хочет поступиться своими колониями, имеющимися во всех частях земного шара. «Более вероятным надо считать, - заявил народный комиссар, - что... мы стоим накануне нового этапа усиления войны между Германией и Италией, с одной стороны, и Англией, которой помогают Соединенные Штаты Америки, с другой стороны»¹².

В этих условиях СССР вынужден сохранять отношения с Германией, поворот в которых произошел год назад после подписания советско-германского соглашения. Это соглашение, которого правительство СССР строго придерживается, *устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и вместе с тем обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке*¹³ (курсив наш. - Авт.). Говоря об отношениях с Германией и попытками Запада запугать СССР ее могуществом, В.М.Молотов подчеркнул значение добрососедства, основанного на коренных государственных интересах как СССР, так и Германии.

Но, вот, объясняя причины присоединения к СССР земель на Западе, он определенно свел их к приобретениям именно военно-стратегического свойства. Да, присоединением Бессарабии был мирным способом решен давний спор с Румынией: проживавшие на территории Бессарабии и Северной Буковины, главным образом украинцы и молдаване, получили возможность войти в семью советских народов, территория СССР увеличилась на 44,5 тыс. кв. км. Но при этом границы СССР передвинулись на запад и дошли до реки Дуная, являющейся после Волги самой мощной рекой в Европе.

Из уст наркома прозвучала и его оценка событий в Балтии, предшествовавших выборам. По его словам, правящие круги Литвы, Латвии и Эстонии вопреки заключенным пактам о взаимопомощи, за спиной СССР и, используя так называемую Балтийскую Антанту, активизировали антисоветскую деятельность, ведя дело к военному союзу. Дальше терпеть такое положение, особенно в условиях современной международной обстановки, становилось совершенно невозможным. Вот почему последовали известные требования советского правительства об изменении состава правительств Литвы, Латвии и Эстонии и о вводе на территории этих стран дополнительных частей Красной армии, проведении выборов с соответствующими результатами голосования. Оправдывая западные территориальные приобретения СССР, В.М.Молотов напомнил народным избранникам, что 19/20 всего этого населения раньше входило в состав СССР, но было «силой отторгнуто в момент его военной слабости империалистическими державами Запада»¹⁴.

Обращают на себя внимание еще два посыла, которые советский руководитель дал Германии, и Западу в том числе. «Как подсказывают подсчеты населения, - заявил он, - СССР сможет говорить мощным голосом 193-миллионного населения, не считая прироста населения за 1939 и 1940 годы (продолжительные аплодисменты)... Первостепенное значение для нашей страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря. Вместе с этим у нашей страны появятся свои незамерзающие порты в Балтийском море, в которых у нас большая нужда»¹⁵.

При обсуждении закона о Молдавской ССР с самых разных позиций обосновывалась необходимость и приветствовалось вхождение Молдавии в состав СССР. Представитель Молдавии З.Кручунеску заявила: «От имени миллионов освобожденных людей заверяем вас, товарищи депутаты, что мы скоро научимся жить по-советски, работать по-стахановски, защищать свою волю, обретенное счастье по-сталински!»¹⁶. Однако советское руководство приняло решение не все «освобожденные» территории Буковины и Бессарабии передать в состав Молдавии, а часть их включить в состав Украины. Такая мотивировка объяснялась, видимо, нежеланием иметь вновь вошедшую в состав СССР республику слишком крупной.

При обсуждении закона «О принятии Литовской ССР в Союз ССР» представитель Сейма Литвы Ю.Палецкис выступил с резким осуждением прежнего литовского руководства. «Режим Сметоны, - говорил он, - был сплошным кошмаром для литовского народа и громадным тормозом в его развитии... Народный сейм Литвы уверен, что только вхождение в состав СССР обеспечит подлинный суверенитет Литовского государства, подлинный подъем промышленности и сельского хозяйства, подлинный расцвет национальной культуры, подлинное развитие материальных и духовных сил народа»¹⁷.

Классовыми позициями было проникнуто и выступление представителя Сейма Латвии А.Кирхенштейнса при обсуждении закона «О принятии Латвийской ССР в Союз ССР»: «Кровавыми мерами разоряли помещики крестьянские хозяйства... Пролетариат Латвии страдал от безработицы и полуголодного существования... Наш народ связан с братскими народами СССР прочными узами многих и многих лет революционной борьбы с царизмом, капиталистами и помещиками, угнетавшими русских и латвийских рабочих и крестьян... Настал час эти узы закрепить навечно»¹⁸.

Примерно в том же духе было выдержано и выступление представителя Госдумы Эстонской Республики И.Лауристина при обсуждении закона «О принятии Эстонской ССР в Союз ССР». По его словам, «трудящиеся Эстонии веками страдали

под властью балтийских баронов... Правящая капиталистическая клика проводила политику полной изоляции Эстонии от Советского Союза. На выборах 14 и 15 июля Союз трудового народа Эстонии, в платформе которого предлагалось установление теснейшего союза и дружбы Эстонии с Советским Союзом, получил почти 93% всех поданных голосов». Только вступление Эстонии в состав СССР, заверил выступающий, «гарантирует для нашего государства истинную независимость и суверенность»¹⁹. Конечно, за всем происходящим чувствовалась характерная для того времени режиссура, однако сложно отрицать и тот факт, что среди значительной части населения прибалтийских республик эти идеи пользовались популярностью.

Обсуждения очень быстро стали претворяться в законодательные акты. 2 августа 1940 года законом ВС СССР была образована Молдавская ССР, в состав которой были включены город Тирасполь, Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский и Тираспольский районы Молдавской АССР, город Кишинев, а также Бельцкий, Бендерский, Кишиневский, Кагульский, Оргеевский и Сорокский уезды Бессарабии. В распоряжение Молдавской союзной республики были переданы все промышленные предприятия, расположенные на территории Молдавии и Бессарабии, за исключением небольшого числа предприятий, имевших общесоюзное значение. Верховный Совет СССР обратился с просьбой к верховным советам Украины и Молдавии представить на утверждение проект их общей границы. В тот же день очередным законом северная часть Буковины, а также части Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии вошли в состав УССР.

3 августа 1940 года Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу Сейма Литвы и принял закон о включении Литовской ССР в Союз Советских Социалистических Республик в качестве равноправной союзной республики. Одновременно этим же законом, теперь уже по предложению Верховного Совета БССР, Литве был передан Свенчанский район, а также части территорий с преобладающим литовским населением Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского и Радунского

районов Белоруссии. ВС СССР также обратился теперь уже к верховным советам Белорусской и Литовской ССР представить проект точной границы между двумя союзными республиками²⁰.

Двумя днями позже Верховный Совет СССР, удовлетворяя просьбу Сейма Латвии, принял закон о включении Латвийской ССР в Союз Советских Социалистических Республик в качестве равноправной союзной республики. 6 августа ВС СССР принял закон о включении в состав СССР Эстонии как равноправной союзной социалистической республики. Латвия и Эстония в отличие от Литвы не получили дополнительных территориальных «вознаграждений». Тем самым процесс формирования западных границ СССР и западных республик был завершен, и Советский Союз обрел в западной своей части те территориальные очертания, которые он сохранял практически до своего конца - 1991 года.

Спустя некоторое время было решено перевести письменность в Молдавии с латиницы на кириллицу, в связи с чем в ноябре 1940 года было принято Постановление СНК Союза ССР «О переводе молдавской письменности новых районов Молдавской ССР (Бессарабии) с латинизированного алфавита на русский». Подчеркивалось, что это было сделано «по просьбе советских и партийных организаций Молдавской ССР»²¹.

Накануне Великой Отечественной войны советское руководство провело границы между западными союзными республиками, закрепляя факт их вхождения в Союз. Восьмая сессия Верховного Совета СССР (25 февраля - 1 марта 1941 г.) утвердила законы о границах между РСФСР и Карело-Финской ССР, УССР и Молдавией, Белоруссией и Литвой. Вопрос, который возникает перед историками на этом этапе: какую службу сослужили эти территориальные приобретения для СССР в июне 1941 года?

Возможно, пусть это все-таки скорее гипотетическая мысль: что тех сил, которые немецкие войска затратили на захват этих территорий, им как раз и не хватило в другой критический точке - под Москвой - для взятия столицы. Но, с другой стороны, народы Балтии в 1941 году подверглись массовой депортации по принципу лояльности-нелояльности к СССР и советскому

строю, что явилось своего рода показателем определенного недоверия советского руководства к населению Балтии. В целом, по данным председателя КГБ СССР В.Чебрикова, представленным 23 сентября 1988 года в комиссию Политбюро ЦК КПСС о репрессиях 1930-1950-х годов, всего было выселено из Балтийских стран с 1941 по 1953 год 195 тыс. 707 человек²², на что были затрачены колоссальные усилия со стороны государства и органов НКВД.

¹<http://www.me-journal.ru>. ME-Journal.RU, 24 августа 2009.

²<http://lenta.ru/news/2010/04/20/fair/>

³<http://ria.ru/society/20080505/106556830.html>

⁴Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 октября - 2 ноября 1939 г.: Стенографический отчет. М., 1939. С. 38.

⁵Там же. С. 72.

⁶*Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1946. Т. 4. С. 4.

⁷История КПСС. М., 1982. С. 434.

⁸Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта - 4 апреля 1940 г.: Стенографический отчет. М., 1940. С. 48-49.

⁹Там же. С. 57.

¹⁰Седьмая сессия Верховного Совета СССР. 1-7 августа 1940 г.: Стенографический отчет. М., 1940. С. 12.

¹¹Там же. С. 23.

¹²Там же. С. 24.

¹³Там же.

¹⁴Там же. С. 27.

¹⁵Там же. С. 28.

¹⁶Там же. С. 50.

¹⁷Там же. С. 70.

¹⁸Там же. С. 102.

¹⁹Там же. С. 123.

²⁰Там же. С. 186.

²¹Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. М., 1945. С. 969.

²²<http://www.memorial.krsk.ru/work/konkurs/4/Kovalcova%20K/00.htm>

ПРИБАЛТИЙСКИЙ УЗЕЛ: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

Мария Орешина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЭТА СТАТЬЯ по форме будет напоминать скорее историографические заметки, нежели фундаментальное исследование сложившейся на сегодняшний день отечественной традиции изучения истории Прибалтики. В этом случае автора всегда можно уличить в недобросовестности и, в конце концов, лени. Вместе с тем есть надежда на то, что данные размышления не оттолкнут представителей научного мира, привыкших творить по старинке, «по-нашему», с размахом - в благодатной тиши ученых кабинетов, выдавая в качестве результата огромные исторические «многоактные» полотна с должным «либретто», в роли которого выступают традиционно историографическое введение, источниковедческие штудии и, наконец, солирующие партии главных героев - события...

Сам объем задуманной нами работы, в которой мы, бесспорно, стремились к систематизации материала, максимальной репрезентации предметной палитры исследований в сочетании с

Мария Алексеевна Орешина - член Союза журналистов России, кандидат исторических наук.

глубиной проработки накопленного эмпирического материала, и, наконец, то главное, что ожидает любой читатель от прочитанного, выходит за рамки любой статьи, в данном случае научно-публицистического опуса. Поэтому кропотливо и терпеливо изложить все существующие на данный момент точки зрения научного общества по заданному вектору не представляется возможным.

Вместе с тем здесь, в рамках данной статьи, мы предпринимаем попытку подвести некоторые итоги тех наработок, которые имеются в отечественной историографии по балтийской проблематике. Набрасывая на бумагу эти мысли, мы руководствовались прежде всего тем сложившимся историческим и политическим контекстом, напрямую зависимым от набирающих обороты процессов перелицовки истории и перекройки мышления главным образом молодого поколения, менее всего защищенного, сопровождающимся накалом антироссийской риторики и сопутствующими эффектами - повышением градуса публично ведущихся дискуссий, прежде всего на страницах научно-публицистической периодики¹, на международных площадках, да и просто среди обычных обывателей.

В ВОДОВОРОТЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ»

Широкий спектр научно-публицистической периодики и, что называется, серьезного чтения был затянут в водоворот «интеллектуального противостояния» балтийских русофобов с российскими балтофобами, что напрямую отразилось во внушительном пласте статей, благодаря которым уже можно говорить об отдельно сложившемся направлении научных исследований и о формирующейся отечественной историографии по балтийской проблематике постсоветского периода². Где начинается эта историография - в 1991 году в связи с обретением странами Балтии независимости или раньше? И вообще, 20 лет, много ли это или мало для того, чтобы делать вывод о наличии историографии по заданной проблематике?

Российский сегмент исследований, связанный с проблемами истории стран Прибалтики, оказался в центре внимания историков (А.Г.Донгаров, А.Р.Дюков, В.Н.Залепеев, Е.Ю.Зубкова, С.Н.Ковалев, В.М.Курмышов, В.Н.Курьянов, Н.С.Лебедева, В.Л.Мальков, М.И.Мельтюхов, А.С.Орлов, Б.Н.Петров, В.В.Симиндей, И.А.Сухов, А.Н.Сытин, Е.Д.Фурман, А.А.Чапенко), юристов, специализирующихся по международному праву (Г.М.Вельяминов, А.Н.Вылегжанин, Г.В.Игнатенко, А.Ю.Скуратова, С.В.Черниченко, В.Б.Чернолецкий), экономистов (А.В.Кузнецов, А.С.Четверикова), социологов (Л.Воробьева, Р.Х.Симонян), географов, ведущих геополитические штудии (В.А.Колосов, Н.А.Бородулина), ну и, разумеется, политологов, политиков и дипломатов (А.А.Авдеев, М.В.Демурин, К.И.Косачев, Т.Н.Мозель, А.Обухов, Л.Ф.Соцков, А.Фоменко, Д.А.Цветков)³. Небезынтересно также обратить внимание на внушительный пласт диссертационных работ по различным периодам истории Прибалтики⁴.

Основное затруднение, которое возникает на пути исследователя, пожелавшего изучить историографию по заданному направлению, состоит в отсутствии полновесной фундаментальной работы по истории стран Балтии довоенного и послевоенного периодов, подводившей бы некий, разумеется, промежуточный итог, аккумулировавший бы исследовательские оценки, расставивший акценты в проблемном поле и наметивший бы перспективы дальнейшей работы⁵.

Исключение, правда, составляют немногочисленные рецензии сборников статей, изданных по результатам конференций, а также учебной литературы для вузов и школьных учебных заведений⁶. Там речь идет прежде всего о рецензировании коллективных изданий, вышедших в недрах ведущих профильных институтов Российской академии наук⁷, университетов, исследовательских фондов и неправительственных организаций как России, так и ряда зарубежных стран⁸. И что самое интересное - рецензии разместились далеко не в профильных, то есть исторических журналах, а в журнале, специализирующемся по проблемам мировой экономики и международных отношений.

К исключениям также можно отнести появившуюся относительно недавно монографию Е.Ю.Зубковой «Прибалтика и Кремль. 1940-1953»⁹, в которой, к удивлению, дается историографический срез преимущественно зарубежного опыта - стран Балтии, Германии и англосаксов. Почему-то, хотя к концу прочтения монографии становится ясно почему, оставлен в стороне российский опыт исторической рефлексии. Имеются лишь спорадические ссылки на некоторых российских авторов. Среди них С.В.Волков, В.Долинский, А.Г.Донгаров, Ю.В.Емельянов, Н.С.Лебедева, А.Макаркин, М.И.Мельтюхов, М.Ю.Мягков, А.С.Орлов, Г.Н.Пескова, М.И.Семиряга. Зато, напротив, тщательнейшим образом даются оценки событий через призму прибалтийских, немецких и англосаксонских историков, среди которых есть достаточно националистически настроенные ученые¹⁰, ставящие во главу угла политическую целесообразность и сложившуюся на данный момент конъюнктуру, а не научность.

НА ПОЛЕ ПРЕДМЕТНОЙ БРАНИ

Разумеется, темы, посвященные проблемам переселенчества безземельных и малоземельных крестьян Остзейского края на свободные земли Российской империи в 40-60-х годах XIX века или, скажем, экономическим последствиям для Прибалтики строительства железнодорожных сетей и ее превращения в транзитный узел, проблемам беженцев после революции и Первой мировой войны, разрешению конфессиональных споров в Латвии и роли Ватикана или участию латышей в Белом движении во время Гражданской войны, сейчас менее актуальны и у историков пользуются наименьшим спросом, чем, к примеру, «горячие» проблемные узлы, связанные с историей отношений СССР со странами Прибалтики довоенного и послевоенного периодов.

В перманентном режиме проведения политики «мягкого пересмотра итогов Второй мировой войны», которая представляет угрозу для сегодняшнего состояния международных отношений в целом, в контексте постоянного воспроизводства тупикового

развития российско-балтийских отношений и превалирования «антиялтинского» духа всей прибалтийской историографии в «войну интерпретаций» были втянуты такие темы, как обретение независимости странами Прибалтики в 1918 году; процедура их международного признания в 1920, 1922 годах; прибалтийские авторитарные режимы Сметоны - Пятса - Ульманиса как «жертвы пакта Молотова - Риббентропа»¹¹; прибалтийский фактор во внешней политике США в 1918-1945 годах¹²; реакция ответственности стран Балтии на заключение Мюнхенского сговора 1938 года и пакта Молотова - Риббентропа 1939 года как точка отсчета в прибалтийских претензиях¹³; ввод советских войск на территорию Прибалтийских государств и особенности советского военного присутствия¹⁴; заключение договора о военном сотрудничестве 1939 года со странами Прибалтики (28 сентября - Эстония, 5 октября - Латвия, 10 октября - Литва); осмысление массовых депортаций из стран Прибалтики¹⁵; вхождение в 1940 году Прибалтики в состав СССР (3 августа - Литва, 5 августа - Латвия, 6 августа - Эстония)¹⁶.

В ряду тем также подпольная и диверсионная деятельность Прибалтийских стран в годы Второй мировой войны и после ее окончания и прибалтийский вариант коллаборационизма¹⁷; выход Прибалтийских государств из состава СССР в 1991 году и обретение ими независимости (12 января - Эстония, 13 января - Латвия, 29 июля - Литва)¹⁸, или, по выражению М.Графа, «анатомия расставания»; проблема суверенитета Прибалтики в контексте международно-правового опыта восстановления государственности и правовых критериев сохранения государственной идентичности и континуитета; международно-правовые проблемы советской «оккупации», «аннексии», «инкорпорации», «превентивной агрессии», «безмолвного (молчаливого) подчинения»* Прибалтийских стран¹⁹; процесс присоединения При-

*Этот термин, ставший привычным в лексиконе у прибалтийских историков, вошел в широкое употребление сразу после выхода в 2004 г. одноименной монографии эстонского историка М.Ильмарва. См.: Ilmjarv M. *Silent Submission: Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Period from Mid-1920-s to Annexation in 1940.* Stockholm, 2004.

балтики к ЕС и НАТО и первые итоги²⁰; проблема негражданства и национальных меньшинств²¹; проблемы демаркации государственных границ²², в том числе и морских границ в Балтийском море, между Литвой, Латвией и Эстонией.

Причем, небезынтересно отметить, что наблюдаемый историографический бум по истории стран Прибалтики сопровождается у наших лимитрофов наметившимся «перекосом» в пользу беспрецедентного интереса к репрессивной и «оккупационной» тематике, тематике «советского геноцида», повстанческой деятельности, к «игре с цифрой» в сторону увеличения или уменьшения статистических данных в зависимости от политической конъюнктуры, сложившейся на данный момент. При этом поддержка подобных теорий направлена на пресечение и блокировку возможных центростремительных тенденций.

При этом «творя совместную конструктивную историю» и требуя от нас «морального разоружения», зачастую наши коллеги, увы, не удосуживаются проникнуть в суть явления, механизмы принятия решений на политическом уровне, политику советского руководства в отношении прибалтийских коллаборационистов, а также в сопоставление масштабов репрессий против коллаборационистов в странах Прибалтики. Никто, к примеру, не задается вопросом о том, каково было процентное соотношение коллаборационистов к общей численности населения, каков был характер сотрудничества с нацистами для большей части оказавшихся под оккупацией советских граждан и его мотивация.

Увлеченность изучением депортаций, составлением памятных книг по истории массовых ссылок как реакции на участие в коллаборационистской деятельности, как некой ответной акции «коллективного возмездия», сопровождающейся искусственным удревнением времени принятия решения советской власти и завышением численности депортированных, застигает реальное положение дел на тот момент. Никто из исследователей не обращает внимания на дифференциацию репрессивной политики советских властей по отношению к коллаборантам. Напротив, депортация из Прибалтики рассматривается как геноцид. При этом отсутствует научное обоснование для политической трак-

товки депортации из Прибалтики как явления. Остаются неизученными мотивы проведения депортации.

Малоизученными остаются вопросы об итогах вступления стран Прибалтики в Североатлантический альянс и Европейский союз, сам факт которого рассматривается евроатлантическим сообществом скорее в качестве «благотворительной акции» и крайнего северного рубежа НАТО, проблемного узла всей последующей политики местной прибалтийской эмиграции и Запада в отношении «восстановления демократий». В силу объективных причин совершенно выпавшими из исследовательской парадигмы стали темы, связанные с доктринами Госдепартамента США (Г.Стимсон и С.Уэллес) о непризнании территориальных изменений СССР за счет Прибалтики, о деятельности с мая 1953 года Комитета Ч.Керстена по изучению событий 1940 года в Прибалтике.

На гребне моды и сиюминутной востребованности стилю правового мышления прибалтийских историографов, а за ними и политиков свойственны «ползучий нацистский реваншизм», резистентская парадигма как ответ на проект по «советизации» Прибалтики, неготовность преодолеть давление актуального политического контекста, приверженность к политической ангажированности, исключение «неудобных подробностей» из исследовательского инструментария, реализация концепции по «стерилизации» Истории.

НАВЯЗАННАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

Темы, связанные с историей стран Балтии, в прошлом прибалтийских республик СССР, становятся чрезвычайно актуальны, и именно тогда, когда общество незаметно для самого себя впадает в мнимую амнезию и мы уже по-мольтеровски становимся «мнимыми больными». Причем ее востребованность, продиктованная сложившимися политическими реалиями, в которых мы все находимся, искусственна. «Актуальной» ее сделали прежде всего наши «партнеры» по прибалтийской оси - Таллин, Рига, Вильнюс,

в буквальном смысле навязав России под стягами толерантности, политкорректности и индифферентности искусственно выдуманные темы, предложив свободные интерпретации событий более полувековой давности, и т. д.

«КЕСАРИЮ КЕСАРЕВО»?

Заигрывание с Клио как серьезных ученых, так и дилетантов зачастую напоминает процесс «нетерпеливого» ожидания той точки невозврата, за которой начинается фаза исторического беспамятства. Встает вопрос: а кому это выгодно? Что движет нашими доморощенными и заграничными фальсификаторами истории? Кто они, только лишь непрофессионалы, с которых нечего взять? Или же все-таки проплаченные наймиты, раболепствующие перед Западом и готовые принести на алтарь Великой Победы наши собственные жертвы? Как нам все-таки относиться к «лозунгу» дипломатов - «Кесарю кесарево», то есть «историю историкам»?

Дипломаты и политики, обладающие минимальным чувством истории, слишком далеки от нее, так же как и поклонники Клио от Дипломатии. Первые - не в состоянии, а вторые вроде бы как и не могут отстаивать со знанием дела рубежи нашей исторической памяти, хотя и встречаются достойные внимания исключения. Осторожное «спихивание» дипломатическим сообществом международных дискуссий по острым и чувствительным темам двусторонних отношений на историческое сообщество, научные институции, варящиеся в своем собственном, отвлеченном и максимально приближенном к высокой науке соку, вряд ли приведет к ощутимым и ожидаемым позитивным результатам.

Факты находятся в тени толерантности, политкорректности и в целом политической воспитанности, которые приобретают обязательный характер. В условиях, когда делается ставка на подмену раритетного знания подделкой, что становится для нас важнее? Как можно дольше прятать голову в песок, избегая так называемые «раздражители» в наших отношениях с соседями,

и, по образному и удачному выражению А. Фоменко, проводить «реактивную» дипломатию или же все-таки перейти к дипломатии «инициативной», наполненной жесткими и одновременно корректными формулировками, подкрепленными действиями? Что может противопоставить скромный профессионал напористому дилетанту, играющему роль «добропорядочного» адвоката, оправдывающего преступления в отношении исторической памяти?

На все эти вопросы нам предстоит отвечать, и не столько перед другими, а перед самими собой, перед своей совестью, если, разумеется, мы еще пребываем в здоровой нравственно-ценностной оси координат.

О ДУРНОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ В МАШИНЕ, ГДЕ ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА БОЛЬШЕ ЛОБОВОГО СТЕКЛА...

Нигде вы не найдете слаженного определения фальсификации истории и ссылок на то, когда начался период размывания смысла. Почти ни в одной публикации вам не встретится четко сформулированной предметности дискуссии, все подвержено размыванию, приблизительности, чего не любит История.

Когда проблема фальсификации исторических фактов встала на официальном уровне, то только тогда началось знакомое всем нам «брожение умов», впервые задумавшихся о том, что такое, собственно, эрозия исторической памяти, увлекательность обмана, «аромат» подделки, о том, где проходит граница между правдой и подменой смысла и где есть место (и есть ли оно вообще) для морали и совести, и т.д.

Ряд исследователей пытается рефлексировать по этому поводу, увязывая «раскручивание» установки на фальсификацию истории с началом ведения холодной войны и принятием США решения об их жестком военно-политическом противостоянии с СССР²³. Для них это незаживляемая червоточина в исторической памяти, умело и беспощадно запущенный процесс морально-этической мутации мирового сообщества в целом, направленный на

понижение иммунитета у обывателя в отношении глобального промывания его мозгов через информационные ресурсы для достижения главной цели - разъединения былого духовного единения многих стран мира.

Некоторыми фальсификация истории приравняется просто к другому мнению, к тезису о том, что «о вкусах не спорят», и прочее. (Хотя, впрочем, какое отношение История имеет к вкусам?)²⁴

Есть и такие, для которых фальсификация истории приравняется к стоп-сигналу для мышления, к очередной идеологической фикции.

Другие склонны видеть в фальсификации инструмент по реализации внешней политики с целью формирования в России сознания «осажденной крепости»²⁵. А почему не предложить некую «альтернативную историю», размышляют наши оппоненты, которая бы привела к «модернизации сознания»? А тут еще как нельзя кстати подвернулась цель «трех Д» - по десоветизации, десталинизации и декоммунизации России, достижение которой будет способствовать только деформации в формировании восприятия русского прошлого.

А что делать с теми, которые в силу «исторической неукорененности» не обрели чувство истины или она оказалась для них размытой? Игра в попытки усадить Россию на скамью подсудимых, построить международные отношения в «покаянный контекст», породить «контрафактной историей» внутренний паралич в обществе, устроить «общемировое «Прощеное воскресенье», взаимное покаяние друг перед другом, закурить «трубку мира» и «обнулить исторические обиды» - подобные призывы имеют почву в сознании некоторых горячих голов, словно муравьев, усердно трудящихся над нивелированием «неудобных» шероховатостей, дабы предать Истории зеркальную гладкость²⁶.

С другой стороны, по меткому выражению А.Р. Дюкова, чьи работы всегда выстраданы и квазисубстантивны, в отличие от большинства его коллег, предпочитающих внутри предмета дискриптивный, а не проблемный дискурс, «безупречное моральное ничегонеделание», граничащее с постыдным поражением, стало очень выгодной и «взвешенной» позицией российского

истеблишмента. Нехватка оперативности, системности, координации в отражении стремительно сыпавшихся ударов с Запада и ЦВЕ уже похожа на катастрофу. Это можно сравнить с «холодной гуманитарной интервенцией», «гонкой контрзнаний», которым мы пока еще мало что можем противопоставить на «разоруженческом» треке. А самое главное, количество знаний не перерастает в качество политических решений.

Историков с устоявшейся харизмой и именем у нас можно пересчитать по пальцам, и все они, в хорошем смысле, «старорежимные огрызки» поруганной и обессилевшей Империи. Пусть это будет для них комплиментом. Да их и не должно быть много. Не все из них специализируются по новой и новейшей истории. Фундаментальных трудов (научных монографий), щедро фундированных архивными источниками, впервые введенными в научный оборот, крайне мало²⁷. Грантовая система выживания российской гуманитарной науки в целом позволяет «творить» в заведомо заданных идеологических рамках, и здесь уже пахнет насилием.

Все это в целом говорит о предательстве памяти, о том, с какой легкостью мы можем вести дискуссии и вступать в них, не обремененными должным образом знанием предметности, о которой пойдет речь, и проблем, подбирать «нужных» оппонентов и модераторов, скользить по поверхности, верить псевдофактам и т. д.

ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Несмотря на то, что фальсификация истории - это прежде всего политическая, а не историческая проблема, не осталась равнодушной к противодействию прибалтийским фальсификаторам и наша археография, благодаря усилиям которой был введен мощный пласт документов, недавно рассекреченных, а значит, никогда не публиковавшихся ранее²⁸.

На начало 1990-х приходится выход по инициативе МИД СССР сборника документов по истории дипломатических отношений Советского Союза с Прибалтикой, являющегося на

сегодняшний момент в своем роде непревзойденным классическим изданием материалов внешнеполитического ведомства страны по прибалтийской проблематике на основе федеральных и ведомственных архивов - АВП СССР, ЦГАСА, ЦГАОР Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республик.

Среди самых последних археографических сборников обращают на себя внимание проекты издательства «Европа», выпустившего серию «Евровосток», в которой публиковались архивные документы о преступлениях литовских, латышских и эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Эти проекты стали возможными благодаря Фонду содействия «Свободная Европа». Сразу надо сказать, тема, в силу напускной политкорректности, долгое время считалась неудобной и замалчивалась. Уникальные архивные материалы, предоставленные рядом российских федеральных и ведомственных архивов Российской Федерации - ГАРФ, РГВА, РГАСПИ, ЦА ФСБ, Росархив, ЦАМО, повествовали о событиях 1941-1944 годов на оккупированных немцами территориях Советского Союза.

Особо пристального внимания заслуживает сборник рассекреченных документов Службы внешней разведки Российской Федерации по истории Прибалтики в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны²⁹. Среди них - спецсообщения иностранного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР в Государственный комитет обороны, агентурные сообщения внешнеполитических ведомств ряда стран - Финляндии, Польши, Великобритании, документы дипмиссий, оперативные материалы и разведсводки, донесения источников информаторов, справки о положении в той или иной стране, секретные доклады по заданной проблематике, записи бесед о переговорах, телеграммы, информации резидентуры, переводы документов внешнеполитических ведомств Германии, Финляндии, Польши, директивы для прессы, отчеты и секретные меморандумы.

Тематика документов весьма обширна, а документальный состав подобран с учетом системного подхода к освещению событий, происходивших вокруг стран Прибалтики в период с 1935 по

1945 год. Вышеперечисленные документы тщательно фиксируют весь событийный фон во всех его деталях и нюансах, который был свойственен политике основных игроков на международной арене. Без внимания не остаются многочисленные поездки министров иностранных дел стран Балтии в столицы крупных государств, законодателей тогдашней внешнеполитической моды, работа немцев во внешнеполитическом секторе стран Балтии, реакция прибалтийских правительств на вероятность предстоящего на тот момент русско-германского конфликта и мировой войны, антисоветская активность прибалтийской эмиграции в Великобритании, США, Финляндии, Швеции и покровительство местных властей ее деятельности, профашистская деятельность местных националистических организаций в Прибалтийском регионе, формирование диверсионных подразделений для последующей деятельности на территории СССР.

Документы отражают подрыв финансово-экономических институтов стран Балтии и установление полной зависимости прибалтийских правительств от иностранного капитала, политика так называемой прибалтийской Антанты, беседы прибалтийского руководства, в том числе и военного, с государственными деятелями СССР, идея создания польско-литовского союза в связи с захватом немцами Клайпедской (Мемельской) области и Литвы, реакция проправительственных кругов стран Прибалтики на заключение Пакта Молотова - Риббентропа 1939 года, закулисные игры основных внешнеполитических игроков по отношению к СССР в связи с дальнейшим послевоенным устройством Европы, деятельность посланников прибалтийских республик в Великобритании (Балутиса, Зарине и Торма) в направлении формирования литовского правительства за границей, попытки создать специальную федерацию с целью обеспечения образования жизнеспособной политической комбинации на границе СССР как барьера против большевизма, советско-американские отношения в годы войны в отношении предоставления Советскому Союзу уступок в вопросе о прибалтийских странах, деятельность США в отношении прибалтийских беженцев, бежавших с оккупированных немцами территорий, восприятие на Западе

прибалтийской темы в контексте реальной военно-политической ситуации 1930-1940-х годов и исторически сложившихся в Европе геополитических доминант.

Подобные документальные сборники - это уже воистину «тончайшая настройка» отношений между будущими побежденными и победителями, их настроений, эволюций их взглядов и, если угодно, отражение философской парадигмы советской дипломатии той величайшей эпохи. Но для того, чтобы выпустить подобные «антифальсификационные опусы», необходима поддержка на государственном уровне с соответствующим финансированием.

НАШИ КОЗЫРИ

Еще не поздно подумать о том, что мы можем противопоставить на данном направлении и какие формы мы выберем. В этом смысле надо, с сожалением, констатировать, что на сегодняшний день у многих наших политиков, дипломатов и историков отсутствует парадигмальное мышление, а это, в свою очередь, приводит к нехватке концептуальных идей, содержащих некие исходные ориентиры, от которых мы могли бы отталкиваться и заложить в субстантивное наполнение концепции внешней политики нашей страны по данному направлению.

Беглые зарисовки историка А.Р.Дюкова сегодняшней кризисной ситуации в отечественной исторической науке в антифальсификационном формате лишь исключение из правил³⁰. На фоне идущего полным ходом в ряде стран Западной Европы и регионе ЦВЕ процесса историко-политической мобилизации, направленной на политически мотивированную перелицовку истории, государства решают за счет истории свои актуальные политические задачи. Академизм сопротивляется политике безнадежно, а у нас, в России, все еще идет поиск так называемой «исторической политики» (правда, пока безуспешный).

Призывов к научной добросовестности и повышению роли социальной ответственности автора, лозунгов о заботе о чи-

стоте интерпретаций итогов Второй мировой войны сейчас недостаточно для того, чтобы радикально переломить сложившуюся ситуацию в области исторических исследований и принятия политических решений. В условиях того, что созданной в 2009 году Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России до сих пор не удалось стать координирующим органом в области исторических исследований, а ее деятельность не получила системного характера³¹, пожалуй, идеи А.Р.Дюкова - это одни из немногих внятных и четко сформулированных программ дальнейших действий на долгосрочную перспективу.

В связи с этим можно лишь добавить только то, что необходимо делать серьезную ставку на многолетнюю работу с широкой зарубежной общественностью, искать союзников за рубежом для разработки совместных проектов в деле отстаивания Победы над фашизмом (потому как западно-европейский пирог многослоен), по-настоящему бороться за молодое поколение путем привлечения интернет-ресурсов, где можно сформировать электронную библиотеку изданий историко-документального характера о Второй мировой войне, в конце концов, объединить усилия над корректировкой проводимой большинством российских издательств, прямо скажем, губительной политики (только не надо обвинять автора в попытке ввести цензуру и в покушении на свободу слова!).

Реализация этого комплекса мер будет действительно способствовать возвращению чистоты смысла и противостоянию с целенаправленным замалчиванием понятий. И, что самое важное, о чем мы зачастую забываем, необходимо увязывать исторические исследования и дискуссии с морально-этическими ориентирами и понимать, что история имеет нравственно-этическое измерение. И только тогда сила будет на стороне историков-созидателей, а не историков, проповедующих деструкцию исторического прошлого.

В практическом плане в качестве субстантивного дополнения к работе «антифальсификационной комиссии» было бы разумно при государственной поддержке начать вести на систематической

основе и на базе новых, еще не введенных в научный оборот архивных документов подготовку профильных исторических публикаций по особо чувствительным сюжетам новейшей истории, целенаправленную издательскую деятельность, в том числе и в интернет-пространстве, обеспечить перевод всей продукции на английский язык с целью ее последующего распространения в российские загранучреждения (РЗУ), заинтересованные НПО за рубежом при выделении соответствующего финансирования.

Последнее предложение позволит на международных площадках оперативно реагировать на пожелания ряда стран, выдвигающих «банк претензий» к России, свести счета исторического характера. А от оперативности и возможности идти на обгон, да еще и с опережением, не говоря уже о значительном отрыве, зависит успех любой дипломатии, способной не только плестись позади или идти в заданном фарватере, потому что за тебя уже все решили «другие ребята», а самим формировать международную «повестку дня» на заданном направлении.

¹За последнее 20-летие на страницах ведущих профильных периодических изданий, в том числе и специализированных, был опубликован внушительный пласт работ по проблемным узлам истории стран Прибалтики. В частности, в списке лидеров такие издания, как «Международная жизнь», «Московский журнал международного права», «Мировая экономика и международные отношения», «Военно-исторический журнал», «Свободная мысль», «Эксперт», «Власть»; а также специальные выпуски «Вестника МГИМО - Университета», спецпроекты журнала «Международная жизнь» - «Вторая мировая война: История без купюр» (М., 2009); «История без купюр: От прошлого к настоящему» (М., 2010); «История без купюр» (М., 2011); периодические органы РАН - «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Отечественная история», «Новая и новейшая история». Стоит упомянуть и о таких изданиях, как «Россия в глобальной политике», «Наш современник», «Государство и право», «Право и политика» и др.

²К примеру, журнал «Международная жизнь» за последнее десятилетие постоянно отслеживал проблематику, связанную с историей Прибалтики. Ей посвятили свои работы: Авдеев А.А., Демурич М.В., Дюков А.Р., Обухов А.А., Орешина М.А., Поволоцкий Г.И., Симиндей В., Симонян Р.Х., Соцков Л.Ф., Фоменко А.В., Черниченко С.В. и др. Подробнее см.: *Черниченко С.В.* События в Прибалтике 1940 года как предлог для дискриминации русскоязычного населения // *Международная жизнь*. 1998. №3. С. 62-67; *Авдеев А.А.* Россия - Литва: некоторые итоги последних лет и взгляд

в будущее // Там же. 2000. №11. С. 25-29; *Демурич М.В.* Россия - Латвия: как выйти на стезю добрососедства // Там же. 2000. №12. С. 47-53; *Черниченко С.В.* Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Там же. 2004. №7-8. С. 212-225; *Поволоцкий Г.И.* О книге «Прибалтийцы на российской дипломатической службе» // Там же. 2006. №4. С. 84-96; *Обухов А.А.* Госграница с Литвой // Там же. 2006. №6. С. 52-75; *Соцков Л.Ф.* Прибалтика и геополитика // Там же. 2007. №3. С. 115-144; *Фоменко А.В.* Прибалтика как русская проблема // Там же. 2008. №5. С. 30-51; *Симолян Р.Х.* Прибалтика. Вспоминая предвоенные годы. Там же. 2009. №1. С. 58-77; *Дюков А.Р.* Историческая политика или политическая память // Там же. 2010. №1. С. 133-148; *Орешина М.А.* Рецепт исторической рефлексии по-прибалтийски // Там же. 2011. №3. С. 144-158; *Дюков А., Симиндей В.* Латвийский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Там же. 2011. №6. С. 141-148; *Орешина М.А.* Сага о золоте, пароходах и «балтийских дипломатических фантомах» // Там же. 2012. №5. С. 181-194.

³О новых исследованиях по истории отношений СССР с республиками Прибалтики см.: *Мельтюхов М.* Предыстория Великой Отечественной войны // Исторические исследования в России - III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.Бордюгова (далее - Исторические исследования в России - III...). М., 2011. С. 265-268.

⁴Подробнее см.: *Егоров Ю.А.* «Нейтралитет» скандинавских и прибалтийских стран как одно из средств развязывания Второй мировой войны и содействия германской агрессии. Автореф... к.ю.н. Тарту, 1949; *Латковскис А.В.* Экспансия США в Прибалтике (после Первой мировой войны). Автореф... к.э.н. Л., 1954; *Духанов М.М.* Россия и балтийский вопрос в 60-х годах XIX века. Автореф... к.и.н. М. Рига, 1962; *Горис А.Я.* Идеология и практика прибалтийской буржуазно-национальной эмиграции на службе международной империалистической реакции (после Второй мировой войны). Автореф... к.и.н. М., 1967; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и «балтийский вопрос» в конце XVI - начале XVII вв. Автореф... к.и.н. М., 1969; *Косаковский Г.Н.* Строительство железных дорог в Прибалтике и его влияние на развитие производства. Автореф... к.тех.н. М., 1971; *Духанов М.М.* Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX века и критика ее апологетической историографией. Автореф... д.и.н. Рига, 1974; *Боярский В.И.* Участие войск Прибалтийского пограничного округа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками 1941-1945 гг. Автореф... к.и.н. Рига, 1984; *Лазутка В.А.* Национализм в системе современного антикоммунизма. Критика социально-политического содержания национализма прибалтийской реакционной эмиграции. Автореф... д.филол.н. М., 1984; *Ниедре О.М.* Социальная структура крестьянства Прибалтики (в первое десятилетие XX века). Автореф... д.и.н. Таллин, 1986; *Шадрин А.Ю.* Тенденции интеграции и дезинтеграции в экономическом развитии прибалтийских республик СССР (1940-1990 гг.). Автореф... к.и.н. М., 1992; *Курьянов В.Н.* Выход Литвы из СССР (внутренние и внешние политические факторы). Автореф... к.и.н. М., 1995; *Он же.* Страны Балтии:

становление национальной государственности в системе международных отношений. Автореф... д.п.н. М., 1999; *Сорочинская-Дупате Х.И.* Политический экстремизм в Латвии: история и современность (1917-2000 гг.). Автореф... д.и.н. М., 2001; *Минченков С.А.* Становление системы пограничной охраны России на границе с Эстонией и Латвией в 1920-х гг. Автореф... к.и.н. В.Новгород, 2003; *Сухов И.А.* Русские в современной Эстонии 1991-2000 гг. Автореф... к.и.н. М., 2003; *Панин Е.Н.* Особенности опыта исторического развития Латвии (1917-1940 гг.): историографическая и источниковая база проблемы. Автореф... к.и.н. М., 2004; *Сазонова Д.П.* Этнополитический аспект в российско-латвийских отношениях на современном этапе. Автореф... к.полит.н. М., 2008; *Панин Е.Н.* Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 - май 1945 гг.). Автореф... д.и.н. М., 2009, и др.

⁵См., например: *Войцеховски М.* Исследование истории Прибалтики (XIX-XX вв.) в Польской Народной Республике // Германия и Прибалтика. Рига, 1978. Вып. 5. С. 3-14; *Гарлефф М.* К вопросу о немецко-прибалтийской историографии (1860-1914) // Германия и Прибалтика. Рига, 1983. Вып. 7. С. 91-102; *Эккерт Р.* Балтистика в Германской Демократической Республике // Передовая мысль в истории университетов страны. Вильнюс, 1983. С. 275-282; *Орлов А.С.* СССР и Прибалтика. 1939-1940 // Война и политика, 1939-1941. М., 1999. С.192-206; *Чапенко А.А.* История стран Балтии (Эстония, Латвия и Литва) в Первый период независимости и в годы Второй мировой войны: Очерки. Мурманск, 2008; *Донгаров А.Г.* СССР и Прибалтика (1939-1940 гг.). М., 2010, и др.

⁶См., например: *Воронов К.* Балтия - Россия: утраты и обретения // МЭиМО. 2005. №1. С. 114-125. Имеются в виду следующие издания: Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX - 30-е гг. XX века. М., 2000; Образ России и стран Балтии в учебниках истории / Под ред. Ф.Бромсдорфа, Г.Бордюгова. М., 2002; Россия и Балтия: эпоха перемен (1914-1924). М., 2002; Страны Балтии и Россия: общества и государства / Отв. ред. и сост. Д.Е.Фурман, Э.Г.Задорожнюк. М., 2002; Россия и Балтия III. Доклад СВОП. Мат. конф. / Под ред. С.К.Ознобищевой. М., 2003; Россия и Балтия: 2010. М., 2003; *Симонян Р.* Россия и страны Балтии. М., 2003.

⁷Здесь имеются в виду научно-исследовательские учреждения системы Российской академии наук: Институт всеобщей истории, Институт российской истории, Санкт-Петербургский институт истории, Институт социологии, Институт Европы, Институт славяноведения, Институт этнологии и антропологии.

⁸Московский общественный научный фонд, Фонд перспективных исследований и инициатив, Фонд Андрея Сахарова; в Латвии - Латвийский государственный университет, Даугавпилсский университет; в Литве - Институт истории Литовской АН, Вильнюсский государственный университет, Институт социальных исследований в Вильнюсе, Институт политики и государственной администрации при Каунасском технологическом уни-

верситете; в Эстонии - Институт истории АН, Институт исследований будущего, Нарвский колледж Тартуского университета; в Чехии - Институт международных исследований при факультете социальных наук Карлова университета; в Германии - Гамбургский университет, Фонд Фридриха Наумана; в США - Университет Висконсина; в Финляндии - Университет Рованиеми, Институт экономик переходного периода Банка Финляндии, Институт лютеранской церкви Финляндии, и др.

⁹О критике исследования Е.Ю.Зубковой см.: *Мельтюхов М.* Предыстория Великой Отечественной войны // Исторические исследования в России - III... С. 267.

¹⁰Имеются в виду А.Каспаравичюс, П.Леонас, Р.Лопата, А.Штротас (Литва); Э.Андерсон, К.Кангерис, И.Фелдманис, скандально известные в связи с изданием исследования «О латышском добровольческом легионе СС», И.Бишерс, В.Блужма, М.Вирсис, И.Зиемеле, А.Странга (Латвия); М.Граф, М.Ильмарв, И.Лаар, Л.Мялкоо (Эстония); историки прибалтийского происхождения, проживающие в США, - Р.Мисиунас, Р.Таагепера; М.Виганд, Б.Мейснер, К.Тиле (Германия), Д.Ливен (Франция); и др.

¹¹*Симиндей В.В.* Внешнеполитические зигзаги «президентской диктатуры» в Латвии // Международная жизнь. Спец. вып. «Вторая мировая война: История без купюр». М., 2009. С. 37-63;

¹²*Мальков В.Л.* Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939-1940 гг. (из архивов США) // Новая и новейшая история. 1990. №5. С. 41-52; *Мягков М.Ю.* СССР, США и проблема Прибалтики в 1941-1945 годах // Там же. 2005. №1. С. 50-59; *Мальков В.Л.* Прибалтийский узел. 1939-1940 гг. По материалам американских архивов // Россия. XXI. 2006. №3. С. 122-149; *Фоменко А.В.* Прибалтийский вопрос во внешней политике США в 1918-1940 гг. // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО-Университета. Спец. вып. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 319-331; *Он же.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918-1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М., 2009; *Орешина М.А.* Сага о золоте, пароходах и «балтийских дипломатических фантомах» // Международная жизнь. 2012. №5. С. 181-194.

¹³*Донгаров А.Г., Пескова Г.Н.* СССР и страны Прибалтики (август 1939 - август 1940) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 33-39; *Каспаравичюс А.* Дипломатическая реакция Литвы на пакт Молотова - Риббентропа // Международный кризис 1939-1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006; *Донгаров А.Г.* СССР и Прибалтика (1939-1940 гг.). М., 2010; *Ковалев С.Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. №8. С. 33-37; и др.

¹⁴*Мельтюхов М.И.* Нарастание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939-1941 гг. // Отечественная история. 1999. №4. С. 46-70; *Петров Б.Н.* Вооруженные формирования Прибалтики накануне и в начале Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2000.

- №10. С. 269-299; *Курмышов В.М.* Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921-1941 гг. СПб., 2003; *Он же.* Решение проблемы базирования Балтийского флота накануне войны (развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939-1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2004. №2. С. 115-135; *Ковалев С.Н.* Советские войска на территории Эстонии. 1939-1940 гг. СПб., 2005; *Курмышов В.М.* Развертывание военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике в феврале 1940 - июне 1941 года // Военно-исторический журнал. 2005. №2. С. 17-21; *Ковалев С.Н.* «Советские гарнизоны на побережье Балтийского моря являются таким фактором, который обеспечивает мир в этой части Европы»: Латвийское руководство о международном положении в начальный период Второй мировой войны. 1939-1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. №6. С. 9-13; *Он же.* Развитие военной инфраструктуры советских войск (сил) на территории Прибалтийских стран. 1939-1940 гг. // Там же. 2008. №8. С. 19-24; *Он же.* Мероприятия по обеспечению ввода и пребывания советских воинских контингентов на территории Эстонии, Латвии и Литвы (1939 г.) // Там же. 2008. №9. С. 28-31; *Он же.* Особенность организации и обеспечения размещения контингентов советских войск (сил) в пунктах дислокации (базирования) на территории Эстонии, Латвии и Литвы (1939-1940 гг.) // Там же. 2008. №10. С. 16-21; *Он же.* Особенности организации и обеспечения размещения советских воинских контингентов в Литве в 1939-1940 годах // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2008. С. 10-16; *Он же.* Проблемы размещения советских войск в странах Балтии (по опыту дислокации на территории Латвии) в 1939-1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия. 2. История: Научно-теоретический журнал. Вып. 3. СПб., 2008. С. 56-66; *Он же.* Советские войска на территории стран Балтии (1939-1940 г.). СПб., 2008; *Он же.* «Мы должны быть готовы... к настоящей большой серьезной войне»: Особенности боевой подготовки советских воинских контингентов в Прибалтике (1939-1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. №12. С. 19-23; *Петров П.В.* Балтийский флот и блокада побережья Эстонии в июне 1940 г. // Вопросы истории. 2011. №5. С. 156-161; и др.
- ¹⁵*Бугай Н.Ф.* Операция «Весна»: выселение народов из Прибалтики // Л.Берия - И.Сталину. «Согласно Вашему указанию...» М., 1995; *Дюков А.Р.* «Докладные Берия» и проблема достоверности статистики советских репрессий // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. №1. Апрель-июнь. С. 61-67; *Он же.* Депортация 1941 года из республик Прибалтики: Механизм принятия решений // Свободная мысль. 2010. №11 (1618). С. 87-96.
- ¹⁶*Залепеев В.Н.* Территориальная проблема Литвы в германо-советских отношениях: 1939-1941 годы // Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Страницы истории. Брянск, 2001. С. 69-77; *Он же.* Сувалкский регион в военно-политических взаимоотношениях нацистской Германии и СССР // Вестник Брянского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. М., 2004. №2. С. 83-88; *Лебедева Н.С.* Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939-1941 гг.: от советско-германских до-

говоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 246-267; *Емельянов Ю.* Прибалтика: между Сталиным и Гитлером // Наш современник. 2007. №4. С. 152-173; и др.

¹⁷*Зубкова Е.Ю.* «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 74-90; *Кокурин А.И.* Органы НКВД - МВД СССР по борьбе с вооруженным националистическим подпольем (Западная Украина и Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония), 1939-1953 // Тр. Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007; *Дюков А.* Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009; *Он же.* «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942-1944 гг. / Сб. док. М., 2009; *Ковалев Б.* Легализация советских коллаборационистов на Западе после окончания Второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. №2-3. Июль-декабрь. С. 76-83.

¹⁸*Фурман Е.Д.* Литовский выбор: Поражение «демократов» - победа демократии // Свободная мысль. 2004. №3. С. 74-87; *Кретицин Г.В., Баторшина И.А.* Восстановление литовской государственности на рубеже 1980-1990-х гг. // Вопросы истории. 2010. №7. С. 113-125; *Рутковский М.А.* Латвия, Литва и Эстония - «парад суверенитетов»? // Международная жизнь. Спец. вып. «История без купюр». М., 2011. С. 134-144.

¹⁹*Черниченко С.В.* Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. 2004. №7-8. С. 212-225; *Вельяминов Г.М.* Россия и Прибалтика // Московский журнал международного права // 2007. №4 (68). С. 4-22; *Чернолецкий В.Б.* О так называемой идентичности нынешних государств Прибалтики // Там же. 2007. №1. С. 149-168; *Вылегжанин А.Н., Игнатенко Г.В., Скуратова А.Ю.* Юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения // Там же. 2010. №3. С. 49-73; Россия и СССР - это разные по целям государства: Интервью главного редактора еженедельника «Литовский курьер» В.Третьякова с руководителем Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству (Россотрудничество) К.Косачевым // Литовский курьер. №29 (908) 19-25 июля 2012; СССР навсегда остался в прошлом (окончание интервью) // Там же. №30 (909). 26 июля - 1 августа 2012. (www.kurier.lt); и др. Здесь мы также приводим лишь некоторые материалы, совсем недавно появившиеся в русскоязычной прессе Литвы по проблемам «советской оккупации». *Иванова Н., Аватков В.* «Оживить труп» по-литовски // Литовский курьер. №21 (900). 24-30 мая 2012 г. С. 5; *Павловский И.* Аргумент «сам дурак» // Литовский курьер. №21 (900). 24-30 мая 2012 г. С. 5; *Воловой В.* Уши мертвого осла // Литовский курьер. №21 (900); 24-30 мая 2012 г. С. 5; *Берг Б.* Черная гвардия // Литовский курьер. № 21 (900). 24-30 мая 2012 г. С. 13; *Рыбакова А.* Профессор Весялка: Хорошо бы избавиться от дураков (интервью) // Литовский курьер. № 22 (901). 31 мая - 6 июня 2012 г. С. 3; *Смирнов В.* «Мягкий» Кремль в Литве // Литовский курьер.

№ 22 (901). 31 мая - 6 июня 2012 г. С. 12; *Иванова Н.* Литва - государство евразийское // Литовский курьер. №34 (913). 23-29 августа 2012. С. 10; *Строганов Ю.* Образ России в предвыборной борьбе: В публичном пространстве усилилось нагнетание антироссийских настроений. Поток «случайных» событий словно приурочен к парламентским выборам // Экспресс-неделя. №34 (811). 23 августа 2012. С. 11; *Гатишис В.* Вопрос об «ущербе» как предвыборный трюк // Экспресс-неделя. №30 (807). 26 июля 2012. С. 3; Глава нашего МИД намерен отслеживать «пропагандистские выпады» из-за рубежа // Экспресс-неделя. №30 (807). 26 июля 2012. С. 5; МИД РФ: «У Литвы нет оснований требовать от России компенсаций» // Там же. С. 8; *Палецкис А.* У нас молчат о том, кто подталкивал Гитлера // Экспресс-неделя. №34 (811). 23 августа 2012. С. 3; *Сытин А.* Пусть хуже, но без России // Литовский курьер. №36 (915). 6-12 сентября 2012. С. 5; *Строганов Ю.* История у нас превратилась в идеологию // Экспресс-неделя. №36 (813). 6 сентября 2012. С. 11.

²⁰*Кучинская М.Е.* Подходы Запада к включению стран Балтии в «европейскую систему безопасности» // Новая Евразия: Россия и страны Ближнего Зарубежья. М., 1997. С. 38-48; *Большаков С.И., Кучинская М.Е.* Север Европы в стратегии НАТО и ЕС и интересы национальной безопасности России // Проблемы внешней и оборонительной политики России. Сб. ст. РИСИ. / Общ. ред. В.И.Кривохижа. М., 2000. №6. С. 5-52; *Кучинская М.Е.* Система балтийской безопасности: подходы западного сообщества и интересы России // Россия: европейский вектор. РИСИ. М., 2000. С. 83-115; *Хромова А.А.* О влиянии расширения ЕС на торгово-экономические отношения России и стран Балтии // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сб. ст. М., 2000. №6. С. 53-78; *Цветков Д.Ю.* Балтия идет в НАТО // Дипломатический ежегодник. 2002. Сб. ст. М., 2003. С. 225-232; *Сытин А.* Прибалтика в Евросоюзе: Итоги вступления // Свободная мысль. 2008. №4 (1587). С. 43-54.

²¹*Черниченко С.В.* События в Прибалтике 1940 г. как предлог для дискредитации русскоязычного населения // Международная жизнь. 1998. №3. С. 62-67; *Чернолецкий В.Б.* Практика реализации права на гражданство в странах Прибалтики // Московский журнал международного права. 2009. №1. С. 51-68.

²²*Обухов А.А.* Госграница с Литвой // Международная жизнь. 2006. №6. С. 52-75.

²³Такого мнения придерживается политолог и литератор, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации IV созыва и член ПАСЕ (2004-2008 гг.) А.В.Фоменко. Подробнее см.: *Фоменко А.* Проблема коллаборационизма во Второй мировой войне // Международная жизнь. 2010. №5. С. 32-46.

²⁴*Чубарьян А.* Фальсификация истории или просто другое мнение // Международная жизнь. Спец. вып. «Вторая мировая война: История без купюр». М., 2009. С. 5-12.

²⁵*Орешина М.А.* Прибалтийские «мозговые центры» в рядах фальсификаторов российской истории // Военно-исторический журнал. 2012. №7. С. 39-42;

Она же. «Исторические претензии» прибалтийских стран к России // Там же. 2012. №9. С. 39-41.

²⁶Орешина М.А., Раку М.В. Куда ведет «шлифовка» истории через политпиар? // Международная жизнь. Спец. вып. «История без купюр». М., 2011. С. 105-133.

²⁷Здесь мы имеем в виду научные монографии известных российских авторов, среди которых к.э.н. и д.полит.н. Л.Воробьева, к.и.н., генеральный директор Фонда «Историческая память» и главный редактор «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований» А.Р.Дюков, д.и.н., сотрудник ИРИ РАН Е.Ю.Зубкова, д.соц.н., руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р.Х.Симонян, историк и политолог, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации IV созыва, член ПАСЕ (2004-2008 гг.) А.В.Фоменко и др. См.: *Дюков А.Р.* Миф о геноциде. Репрессии советских властей в Эстонии (1940-1953). М., 2007; *Симонян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2005; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940-1953. М., 2008; *Воробьева Л.* История Латвии: от Российской империи к СССР. М., 2009-2010. Кн. 1-2. Рецензии и дискуссии латвийского историка Х.Стродса («Столетие в истории Латвии и России») и российского исследователя В.Симиндея («Покушение» на историю Латвии») об исследовании Л.Воробьевой подробнее см.: История Латвии: сквозь баррикады национально-цехового монополизма // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. №2-3. Июль-декабрь. С. 139-151; *Дюков А.Р.* Милость к падшим: советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009; *Плотников А.Ю.* Прибалтийский рубеж: К десятилетию заключения российско-литовского договора о границе. М., 2009; *Фоменко А.В.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918-1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М., 2009; *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010; и др.

²⁸Полпреды сообщают... Сб. док. об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. - август 1940 г. М., 1990; Латвия под игом нацизма: Сб. арх. док. М., 2006; Прибалтика и геополитика / Сб. док. (1935-1945) / Сост. Л.Ф.Соцков. М., Служба внешней разведки Российской Федерации. М., 2006; СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская Республика (март 1939 - август 1940 гг.). / Сб. док. Вильнюс, 2006; Трагедия Литвы / Сб. арх. док. о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006; Эстония. Кровавый след нацизма, 1941-1944 / Сб. арх. док. о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006; Прибалтика. Под знаком свастики (1941-1945) / Сб. док. М., 2009; «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941-1944 гг. / Сб. док. / Сост. А.Р.Дюков, В.В.Симиндей и др. М., 2009; Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940-1941 гг. / Сост. А.Р.Дюков. М., 2012; и др.

²⁹Впервые небольшая часть документов сборника «Прибалтика и геополитика (1935-1945)» была опубликована в 2007 г. на страницах журнала «Международная жизнь» под одноименным названием. См.: *Соцков Л.Ф.* Прибалтика и геополитика // *Международная жизнь*. 2007. № 3. С. 115-144.

³⁰*Дюков А.Р.* Историческая политика или политическая власть // *Международная жизнь*. 2010. №1. С. 133-148.

³¹Указ Президента Российской Федерации №549 от 15 мая 2009 г. «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»; Указ Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. №183 «Об утверждении состава Комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» (пункт 11).

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ФОТОГРАФА

Людмила Терновая

*Высшее призвание фотоискусства -
объяснить человека человеку.*

Сьюзан Зонтаг

*Объектив фотокамеры не может лгать,
но может быть орудием лжи.*

Гарольд Эванс

СЕЙЧАС нам сложно представить мир без фотокамеры. Большинство знаковых событий в жизни современного человека зафиксировано с помощью фотографий. Объем фотоматериалов настолько велик, а возможности фототехники столь разнообразны, что, кажется, они охватывают почти всю историю человечества. Действительно, чертеж камеры-обскуры можно найти среди рисунков Леонардо да Винчи. Однако для того, чтобы эта гениальная идея, как и многие подобные, воплотилась в жизнь, требуется сложение комплекса условий, среди которых технические составляют лишь небольшую часть. Реализацию такой идеи должно ждать общество. И с начала XIX столетия эти ожидания стали формироваться все настойчивее. Их переводу

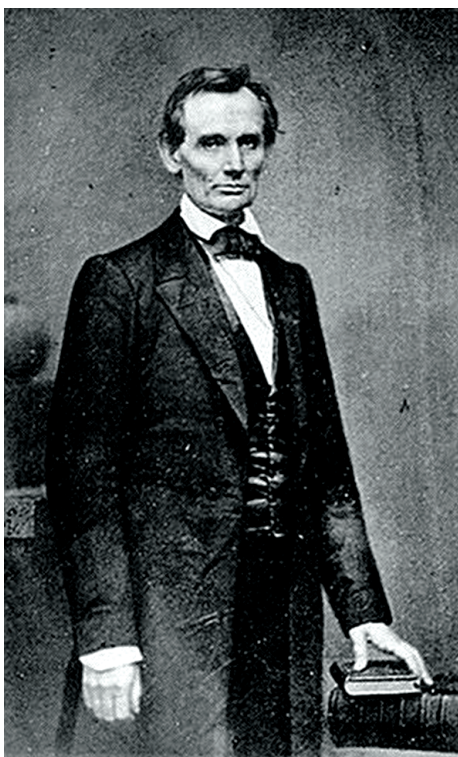
Людмила Олеговна Терновая - историк, профессор, доктор исторических наук.

в реальность способствовали два открытия. Первое - в 1822 году Нисефора Ньепса, которому - благодаря открытому им же свойству некоторых химических элементов чернеть на свету - удалось получить на стекле, покрытом битумом, гелиографическую копию с гравюры папы Пия VII. Второе - Луи Дагера, сконструировавшего фотокамеру и предложившего способ закрепления изображений на светочувствительном слое.

Это открытие было официально признано на заседании Парижской академии наук 19 августа 1839 года. Но что оно могло дать людям? Некоторые считали, что открытие способствует созданию прикладных технических средств, необходимых в криминалистике, геодезии, делопроизводстве. А о том, что на основе новых достижений вырастет особое направление искусства, первоначально не думали. Были и ярые критики того, чтобы с помощью фотографии изображать людей. Для получения первых фотопортретов и мастера, и модели должны были преодолеть некоторые сложности, поскольку съемка живой природы затруднялась из-за слабой светочувствительности фотоматериалов и примитивной оптики, что вызывало необходимость длительной выдержки. Вскоре венгерским ученым И.Петцвалем был предложен новый портретный объектив. В сентябре 1839 года в Мюнхенском союзе искусств профессор Штейнгель продемонстрировал два фотопортрета, полученные им по способу Дагера. Возникли первые съемочные ателье. В 1840 году «художественный кабинет» был открыт А.Ф.Грековым в Москве, в 1841 году появилось фотоателье художника Изеринга в Германии, в 1844 году - фотостудия М.Брейди в Нью-Йорке.

Постепенно сторонников фотографии становилось все больше. Американец М.Брейди в 1850 году опубликовал «Галерею знаменитых американцев», а в 1860 году начал фотографировать Президента США Авраама Линкольна. И после того, как в 1878 году в садах Ватикана сфотографировался со своей свитой папа Лев XIII, который к тому же выразил свои впечатления о результатах съемки латинскими стихами, фотография стала признанным искусством. Многие выдающиеся деятели искусства были страстными фотографами. В их числе писатели - Эмиль Золя, Виктор Гюго, Леонид Андреев.

В то же время начала развиваться репортажная фотография. Одним из мастеров этого жанра справедливо считается Роджер Фентон (1819-1869 гг.), являющийся первым официальным военным фотографом. Фентон окончил Университетский колледж Лондона со степенью бакалавра искусств. Начал там же изучать право, но не был квалифицирован в качестве адвоката, потому что стал художником, который выставлял свои картины в ежегодных выставках Королевской академии. В 1851 году во время посещения выставки в Гайд-парке он был поражен увиденными на ней фотографиями, что пробудило его интерес к фототехнике.

*Президент США А.Линкольн.
Фотограф М.Брейди*

И уже в следующем году Фентон представил публике фотографии, сделанные в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге. Он основал Королевское фотографическое общество под патронажем принца Альберта и стал его первым секретарем. Его можно назвать родоначальником военной фотожурналистики, хотя фотографии с полей сражений Крымской войны (1853-1856 гг.) не отразили всего ее трагизма.

Фентон с двумя ассистентами и «фотографическим фургоном» прибыл в Балаклаву 8 марта 1855 года. В Крым он был командирован по инициативе и при поддержке принца Альберта и финансировании издательства «Эгню и сыновья» в качестве официального военного фотографа. Фоторепортажи Фентона задумывались как средство формирования благоприятного

отношения к политике правительства, ведшего, несмотря на массированную антирусскую пропаганду, эту не очень популярную войну¹. В английской прессе появлялись критические заметки, например, Уильяма Говарда Рассела - корреспондента «The Times»². Вообще, эту войну можно считать первым международным вооруженным конфликтом, который так широко освещали средства массовой информации. При штаб-квартире союзников было аккредитовано невиданное прежде количество репортеров и фотографов, да и сама профессия военного корреспондента рождалась в ходе Крымской войны.

Что касается Фентона, то он оставался в Крыму до конца июня 1855 года, фотографировал и писал многочисленные подробные письма. Его потрясли грабежи, пьянство и беспорядки в союзных войсках. В то же время в записях можно найти и идиллические описания цветущих лугов и живописных деревень. Что касается фотографических свидетельств, то Фентон делал очень мало снимков того, что можно было бы назвать действием, поскольку его больше привлекали такие объекты, как кучи снарядов, оружие, заваленное тряпьем, и корабли в далеком порту, выглядевшие,

*Крымская война.
Фотограф Р. Фентон*

как увеличенные модели в бассейне. Фентон фотографировал отдыхающих офицеров и сцены жизни в лагере. Офицеры и солдаты не позировали специально, а потому их фото-портреты были свидетельством их жизни в лагере. Внимательный зритель мог разглядеть не только запустение

окрестностей, но и скудость снаряжения, и разнородность одежды, что говорило об усталости армии. Фентон привез в Англию около 360 фотографий, которые были выставлены в Лондоне, а затем изданы «Эгню и сыновьями» в виде отдельных отпечатков.

Последующие события войны были засняты Джеймсом Робертсоном, суперинтендантом и главным гравером Императорского монетного двора в Константинополе. Он прибыл в Крым, чтобы запечатлеть падение Севастополя. Робертсон фотографировал захваченные укрепления Малахова кургана и разрушения, причиненные огнем артиллерии. На его фотографиях видно, как осколки, кирпичи, расщепленные балки везде валяются в беспорядке. Многие уже тогда отмечали, что если в обычные времена изображение подразумевало композицию, то в военный период фотография доносит до зрителя бессвязный фрагментарный сюжет, который лучше всего говорит о сути войны.

Мастерство фотографов оказалось востребованным и во время Гражданской войны (1861-1865 гг.) в США. В частности, уже упоминаемый М.Брейди был уполномочен сопровождать и фотографировать войска, что стало основанием для появления визуального отчета о войне. Автором фотографий времен Гражданской войны, а также фотопортретов Линкольна был и Александр Гарднер (1821-1882 гг.), которого, как и Фентона, подтолкнуло на занятие фотографией посещение выставки в Гайдпарке в 1851 году. После переезда в США он устанавливает связи с будущим главой секретной службы Алланом Пинкертоном, который рекомендует Гарднера на должность главного фотографа в топографическое управление США. Затем Гарднер становится фотографом армии северян под командованием генерала Дж. Б. Мак-Келлана. Гарднер делает снимки битвы между главными силами конфедератов под командованием генерала Р.Ли и северянами под командованием генерала Мак-Келлана при Антиетаме 17 сентября 1862 года, когда стороны понесли огромные потери и не в состоянии были продолжать боевые действия.

Фотографиями, сделанными на полях сражений этой же войны известен Тимоти Г.О'Салливан (1840-1882 гг.), начавший свою творческую карьеру с работы в мастерской М.Брейди. В начале Гражданской войны О'Салливан поступил в федеральную армию в чине первого лейтенанта и вскоре участвовал в сражениях при Бофорте, Порт-Рояле, Форт-Уокере и Форт-Пуласки. После ухода в отставку он вошел в группу военных корреспондентов

под руководством того же Брейди. В июле 1862 года в составе войск генерала Джона Поупа был наблюдателем кампании в Северной Вирджинии, затем присоединился к группе Гарднера. В июле 1863 года О'Салливан снимет свою самую известную фотографию «Урожай смерти», на которой изображено покрытое трупами поле после битвы под Геттисбергом, закончившейся победой унионистов. Им было задокументировано немало других эпизодов этой войны, в том числе капитуляция генерала Р.Ли в апреле 1865 года.

После Гражданской войны О'Салливан поработал в качестве официального фотографа Геологической экспедиции под руководством Кларенса Кинга, исследующей земли вдоль 40-й параллели. Его фотографии должны были служить цели привлечения поселенцев на западные земли. Им были сделаны снимки доисторических руин древних пуэбло, ткачей навахо, и существующих поселений пуэбло на юго-западе США. В 1870 году О'Салливан присоединился к группе исследователей, направлявшихся в Панаму для обследования Панамского канала.

В то же время далеко не всех мастеров фотографии устраивал репортажный характер фотографии. Они видели большие возможности фототехники в передаче реальности, настаивали на сближении фотографии с новыми стилями живописи и графики - импрессионизмом, символизмом, ар-нуво и т. д. Так возник пикториализм - течение в европейском и американском фотографическом искусстве конца XIX - начала XX века, подчеркивавшее в фотографии те черты, которые сближали ее с живописью и графикой. Сторонники пикториализма использовали особые техники съемки и печати, приближавшие фотоизображение к картинам художников. Следует заметить, что такие искания отвечали характеру переходной эпохи, когда творческим натурам свойственно искать новые пути не только в реальности, но и в мире грез, фантазий, утопий.

Пикториализм в России был производным от европейского и продолжил его жизнь вплоть до 1930-х годов. Отечественные мастера фотографии неосмотрительно сохранили его манеру по отношению к пришедшей эпохе. Собственно, эти

не ко времени пришедшиеся меланхолия и томность взамен духоподъемных снимков на благо нового режима оказались роковыми. Новая жизнь вместе с соцреализмом подминала под себя инаковидящих. И в 1936 году в адрес фотохудожников покатались обвинения в формализме, упадничестве, вообще во всех тяжких грехах³.

О том, как фотохудожники могли изменять изображение реальности, можно судить по раскрашенному акварелью снимку 1880-х годов из московского Музея Востока, который называется «Кэндэ. Пара фехтующих»⁴. Как и большинство фотографий, представленных в экспозиции, он запечатлел не секундной длительности сценку, выхваченную из потока времени, а явление в целом. Именно так выглядела учебная схватка двух единоборцев, практикующих бой на мечех.

На других фотографиях в музее представлены персонажи японской жизни позапрошлого века - монахи, самураи, гейши, мастера по изготовлению зонтов или типовые сцены, например приготовление традиционного обеда. Любопытно, что постановочные снимки делались во многом для того, чтобы рассказать иностранцам о Японии, которая в период Мэйдзи (1868-1912 гг.) открылась для контактов с внешним миром. Таким образом, фотография одновременно оказывалась демонстрацией готовности Страны восходящего солнца к техническому прогрессу. С другой стороны, Япония в ту эпоху стремительно теряла свои традиции, поэтому для японцев столь значимо было зафиксировать признаки уходящей эпохи. И фотография подходила для этой цели как нельзя лучше, потому что распространенная до этого гравюра укиё-э, с ее условным изобразительным языком не давала такого ощущения присутствия. Возможно, японцы понимали недостаточность эмоций в студийных постановках таких фотографий, но сегодня мы их воспринимаем как документальные свидетельства конца XIX века, когда мир находился в ожидании перемен.

Тот период не меньше, чем любой переходный этап, как в хронологическом, так и политическом или экономическом плане, нуждался в точном, документальном отображении. В этой связи требуется вспомнить американского фотографа и фотожурна-

листа для новостной службы «New York Daily News» Эдварда Нормана Джексона (1885-1967 гг.). Он был официальным фотографом Президента США Вудро Вильсона в конце Первой мировой войны и автором фотографий четверки мировых лидеров на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.): премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа, премьер-министра Италии Витторио Орландо, премьер-министра Франции Жоржа Клемансо и Президента США Вудро Вильсона. Карьеру фотокорреспондента Джексон начал на улицах Нью-Йорка, в 1913 году он был направлен фотографировать Панамский канал до его официального открытия. Во время Первой мировой войны Джексон около года пробыл на фронте во Франции. А после войны стал работать в основанной в 1919 году газете «New York Daily News». Он сделал фотографии трагических моментов из жизни Уолл-стрит - «черного четверга», 24 октября 1929 года - начала краха фондового рынка, а также «черного вторника», 29 октября 1929 года - начала Великой депрессии.

В 1920-х годах благодаря развитию фототехники создаются возможности передавать непосредственную атмосферу происходящего в мире. В январе 1930 года немецкий фотограф Эрих Соломон освещает Вторую международную конференцию в Гааге. Именно по результатам публикации фоторепортажа с нее Аристид Бриан даст ему прозвище «король бестактностей». Соломон, по мнению современников, совершенно не смущался в освещении темы, используя смелые ракурсы и неожиданно решая те из них, которые к тому времени уже успели покрыться академическим лоском, например официальный политический портрет. Однако во время Второй мировой войны судьба этого мастера складывается трагически. В 1942-1943 годах он с семьей скрывается от преследования нацистов на заднем дворе пансионата в специально сделанном тайнике. Часть своих архивов Соломон помещает в банки из-под консервов и зарывает там же. Другая часть, оставшаяся в квартире в Гааге, безвозвратно утеряна после ее обыска нацистами. В 1944 году газовщик пансионата доносит немецким властям о необычно большом потреблении газа в пустом доме, вследствие чего вся семья Соломонов была арестована.

*«Большая четверка»: Дэвид Ллойд Джордж, Витторио Орландо, Жорж Клемансо, Вудро Вильсон.
Фотограф Э.Н.Джексон*

И, согласно докладом Красного Креста, Эрих Соломон умер в газовых камерах Освенцима 7 июля 1944 года⁵. Творческая манера Соломона указывала на возможность с помощью объектива фотокамеры выхватить неожиданный ракурс, который, несомненно, говорил о человеке больше, чем постановочная съемка. Соломон был из числа тех фоторепортеров, которые стремились соединить искусство фотографии с потребностями времени.

Не меньше внимания этому же уделял английский фотограф Питер Генри Эмерсон (1856-1937 г.), одним из первых начавший пропагандировать фотографию как независимое искусство и сформулировавший теорию эстетики фотографии. Его обращение к фотографии было продиктовано необходимостью документирования материала антропологических исследований населения Восточной Англии. Сделанные в этих целях фотографии были опубликованы в книгах «Повседневная жизнь и пейзаж пространств Норфолка» (1886 г.) и «Картины жизни Восточной

Англии» (1888 г.). Вероятно, обращение к антропологическому материалу повлияло на формулирование художественной программы Эмерсона в книге «Натуралистическая фотография» (1889 г.). Свою теорию он назвал натурализмом, утверждая, что настоящая фотография должна быть непосредственной и простой, показывать людей в привычной для них обстановке. По его мнению, предметом фотографии не должны быть костюмированные модели, позирующие на искусственном фоне, композиции должны быть спонтанными, а не организованными. Фотографам нельзя имитировать приемы живописцев. Однако он сам увидел ограниченность таких рекомендаций и в 1891 году опубликовал брошюру с черной каймой «Смерть натуралистической фотографии», в которой отрекался от своего прежнего убеждения, что точное воспроизведение природы равнозначно искусству.

Среди мастеров фотографии также следует отметить Альфреда Стиглица (1864-1946 гг.), внесшего огромный вклад в утверждение фотографии как независимого искусства и своим творчеством заметно повлиявшего на формирование его эстетики. С 11 лет он любил наблюдать за работой фотографа в местном фотоателье, следил за происходящими в лаборатории чудесами и уже тогда посчитал лишним ретуширование негативов. Во время путешествия по Европе Стиглиц фотографировал городские и природные ландшафты, крестьян, рыбаков и многое увиденное. В 1887 году на конкурсе фотографов-любителей в Лондоне он получил серебряную медаль из рук Эмерсона. Вернувшись в 1890 году в Нью-Йорк, Стиглиц стал партнером в фирме изготавливающей фотогравюры. Но его главной страстью была фотография. За десятилетие он получил более 150 премий и медалей на различных конкурсах и выставках в США и далеко за ее пределами. Чтобы побороть негативное отношение к фотографии со стороны художественной элиты, Стиглиц издавал журналы по фотоискусству, в 1893 году стал редактором журнала «Американский фотограф-любитель», в 1896 году занялся изданием под названием «Camera Note», которое выпускалось под эгидой общества фотографов-любителей «The Camera Club of New York», где он имел возможность популяризации своих

идей путем продвижения сделанных им фотографий. В 1902 году Стиглиц организовал в Национальном художественном клубе Нью-Йорка выставку фотографий, имевшую большой успех. Он был первым фотографом, чьи произведения вошли в собрания ведущих музеев США и стали экспонироваться наряду с картинами знаменитых художников. Стиглиц создал группу «Фото-сецессион», куда входили многие известные фотохудожники, также был директором фотогалереи 291 на 5-й авеню и нескольких других. К числу несомненных заслуг Стиглица можно отнести и то, что он представил американской публике, обладавшей преимущественно консервативными вкусами, новейшее искусство Европы - живопись Сезанна, Матисса, Брака, Пикассо⁶.

С 1931 года начинает заниматься фотожурналистикой Роберт Капа (Эндре Эрне Фридман, 1913-1954 гг.)⁷. В следующем году в Копенгагене ему удается сделать серию портретов Троцкого. Он перебирается в Париж, где не только знакомится с выдающимся фоторепортером Анри Картье-Брессоном, но и открывает собственное ателье. Всемирную известность получают фотографии Роберта Капы, сделанные в период Гражданской войны в Испании, в частности называемый классическим снимок смерти республиканского солдата в момент, когда того настигла пуля.

Капа в Испании переживает личную трагедию. Под Мадридом случайно раздавленная маневрировавшим танком погибает его подруга, немецкая фотожурналистка Герда Таро. Позже Капа работает фотокорреспондентом на японско-китайской войне. Во время Второй мировой войны он делал фоторепортажи в Северной Африке и Италии, снимал высадку союзнических войск в Нормандии.

Пример Герды Таро говорит о том, что в фотоискусстве практически нет гендерных ограничений. Среди выдающихся фотографов - немало женщин. Жизнь Жермен Крюл (1897-1985 гг.) могла бы стать сюжетом для приключенческого романа. Крюл изучала фотографию в Мюнхене, где в те годы художественной фотографией считался снимок, сделанный мягкорисующей оптикой в пикториальном стиле. Она принимала активное участие в студенческой политической жизни, завязала отношения с коммунистическими кругами Германии. В начале 1920-х годов ока-

залась в Советской России, где отсутствие знания русского языка не помешало ей с восторгом слушать речи Ленина и Троцкого. Но подавление Кронштадтского мятежа охладило ее восторги, а вскоре Крюл была арестована и выслана за пределы России. По возвращении в Германию она погружается в творческие искания как фотограф, работая над серией фотографий металлических конструкций. В конце 1920-х годов Крюл переехала в Париж, была признана одним из настолько успешных европейских фотографов, что Жан Кокто называл ее «волшебным зеркалом». В период Второй мировой войны Крюл поддерживает «Свободную Францию» генерала де Голля. Она организует в 1942 году Информационное фотоагентство на территории Французской Экваториальной Африки, в 1944 году фотографирует освобождение Парижа. После окончания войны в течение двух десятков лет жила в Таиланде, стала буддисткой и остаток своей жизни провела в Индии с тибетскими монахами.

Особый интерес вызывают фотографии, в которых страна предстает глазами иностранца. Такой интерес возрастает, когда узнаешь, что этот иностранец - девушка, относящаяся к дипломатическому истеблишменту. Поэтому ценными являются фотографии, сделанные Эмлен Найт-Дэвис, дочерью посла США Джозефа Дэвиса в Москве в 1937-1938 годах. Посол прибыл в Москву в сопровождении своих любимых дам - супруги и 20-летней дочери. Полтора года, проведенные двумя американками в Москве, оказались на удивление плодотворными. Марджори (супруга посла) сумела собрать коллекцию русского декоративно-прикладного искусства, хранящуюся в Музее Хиллвуд. Эмлен не только успешно изучала русский язык, но и фотографировала городские пейзажи советской столицы. Эти снимки стали экспонатами фотовыставки «Путешествие дочери американского посла по Москве 1937 и 1938 годов»⁸. В предисловии к каталогу Эмлен Найт-Дэвис пишет, что работа над фотовыставкой пробудила в ней самые яркие воспоминания и впечатления 70-летней давности: «Это было время незабываемое и сложное, время знакомства с новой страной, которую я никогда не забуду»⁹.

Выставка состояла из трех разделов. В первый включены фотоснимки церемонии отъезда семьи Дэвис из Нью-Йорка

в Советский Союз и их прибытие в Москву на Белорусский вокзал. Второй - Москва тех времен глазами 20-летней американки. На фотографиях - разнообразные сцены из московской жизни: женщины, продающие искусственные цветы зимой с лотков-корзин на улице напротив Мосторга, обычные лица советских людей, здания с вывешенными на них призывами и транспарантами. На одном снимке запечатлен Парк культуры и отдыха им. Горького, по дорожкам которого идут москвичи, преодолевая ветер и лютую стужу. За ними - массивные стенды с портретами деятелей партии и правительства, повторяющиеся из кадра в кадр, так что если бы не одежда на персонажах фотографий, понять, в какие годы был сделан кадр, почти невозможно.

Пристальный взгляд молодой американки обращен на сюжеты, которые разительно отличались от образа жизни людей в Америке. Фотограф особое внимание уделяет не только снимкам наглядной политической агитации, но также столь удивительному для Америки конца 1930-х годов явлению, как очереди, например длиннющей очереди у входа в ЦУМ. Еще один раздел посвящен семейным фотографиям семьи Дэвис в Москве. Здесь можно узнать, как выглядела резиденция посла США - Спасо-хаус в те годы, как сервировала стол хозяйка к приему высокопоставленных гостей. Есть и снимки русской дачи американского посла в СССР в Немчиновке, где семья Дэвис любила проводить выходные. Марджори Пост Дэвис так полюбила эту русскую дачу, что заказала построить ее копию на территории своей усадьбы Хиллвуд в Вашингтоне.

Ко времени Второй мировой войны искусство фотографии получило самое широкое распространение, а потому фотодокументы об этом трагическом времени во всех его ужасающих деталях воссоздают картины и сражений, и быта, и пленных, и празднования Победы. Военная тематика отражена в работах выдающегося мастера Дмитрия Бальтерманца (1912-1990 гг.). В годы Великой Отечественной войны его снимки публиковались во многих изданиях, в частности в «Известиях». Сейчас произведения этого классика отечественной фотографии находятся в собраниях крупнейших музеев мира.

В годы Второй мировой войны получили известность работы британского фотографа Берта Харди (1913-1995 гг.). В 1939 году он приобрел «Лейку» и стал одним из первых английских фотографов, использующих 35-миллиметровую камеру. Харди фотографировал действия войск союзников: высадку в Нормандии, освобождение Парижа, форсирование Рейна. Он был одним из первых фотографов, донесших до широкой общественности ужасы концентрационных лагерей. После окончания войны продолжил карьеру военного фотожурналиста, освещал события Гражданской войны в Греции, Корейской и Вьетнамской войн.

Следуя идеям Сопrotивления, а также в противовес гламурному Голливуду, итальянский драматург и кинокритик Чезаре Дзаваттини призывал европейских художников не отвлекаться на мелодрамы со счастливым концом, а приложить творческие силы к отображению в искусстве реальных жизненных драм простых итальянцев. Эта же мысль вдохновляла итальянских кинорежиссеров, фотографов, поэтов. Фото- и киненеореализм были тесно переплетены. Кадры из фильмов Лукино Висконти, Микеланджело Антониони, Роберто Росселлини или Витторио Де Сика напоминают фотографии, сделанные их современниками. «Лицом» направления в равной степени можно считать Джульетту Мазину в «Дороге», Анну Маньяни в фильме «Рим, открытый город», фотопортрет неизвестного апулийского рыбака Алессандро Новаро, чумающую девчонку около уличной афиши Джулиано Боргезана. Так же как и режиссеры, фотографы работали на улицах, в домах простых людей при естественном освещении и привлекали непрофессиональных актеров, избегая всего искусственного и надуманного. В кино манифестом неореализма стал фильм Роберто Росселлини «Рим, открытый город» (1945 г.), основанный на реальных событиях военного времени. Тогда о постройке декораций не могло быть и речи, потому что павильоны киностудии «Чинечитта» были разрушены. Росселлини покупал пленку у фотографов и склеивал в рулоны. В результате рождалась высокая степень документальности и жизненной правды, к которой призывал Дзаваттини. «Рим, открытый город» имел огромный успех на фестивале в Каннах

в 1946 году. Именно тогда возникло определение «школа неореализма». В том же году итальянский альманах «Politecnico» опубликовал первые фотоочерки Луиджи Кроченци «Вечная Италия» и «Взгляд на Милан», а еще год спустя появилась серия «Окраины Рима». В кадре те же выщербленные стены домов и бедные кварталы - родство с фильмом Росселлини очевидно.

В 1947 году мир еще только начинал оправляться после войны. Явственно ощущалась необходимость понять, как можно избежать ее повторения, а для этого нужно было видеть то, что делается в мире. Эту потребность уловили четыре друга, создавшие организацию «Magnum Photos» на основе кооператива. Целью творчества была визуализация близкой и далекой послевоенной реальности без давления со стороны политики и прессы. В эту четверку входили: Роберт Капа, Анри Картье-Брессон, Джордж Роджерс и Дэвид «Чима» Сеймур. Все они были известны фоторепортажами из наиболее опасных мест планеты. Затем агентство стало пополняться еще несколькими крупными фотографами. Но в мае 1954 года произошла настоящая трагедия - на горном перевале в Андах разбился Вернер Бишоф; вскоре в Индокитае подрывается на mine один из основных подвижников агентства - Роберт Капа; в 1956 году при съемке военной операции британских войск в Суэцком канале погибает Сеймур. Управление стратегией «Magnum Photos» полностью ложится на двух оставшихся идейных вдохновителей.

Анри Картье-Брессон для многих фотографов и в целом для фотографии был и остается ее символом, поскольку именно ему принадлежит наиболее точное описание творческого процесса в фотографии. В 1962 году в своем обращении «Всем фотографам» он обвиняет всех, в том числе и себя, в забывчивости относительно основной идеи, с которой создавалось агентство. Картье-Брессон призывает держать достаточную дистанцию от коммерции и, если надо, не раздумывая, жертвовать личной безопасностью и комфортом ради отображения мира и современников, используя весь свой талант, способности и общее мировоззрение. Это - высокие требования. И сейчас «Magnum Photos» объединяет лучших из лучших мастеров. Попасть в агентство исключительно сложно,

потому что учитывается все - от жизненного кредо, возраста и до страны проживания и биографии. Большинство членов «Magnum Photos» - западноевропейские фотографы. Среди них всего лишь один выходец из России - Георгий Пинхасов, ставший полноправным членом агентства в 1990 году¹⁰. О том, как оценивают в мире журналистики работы членов «Magnum Photos», можно судить и по тому, что вручаемая пресс-клубом США с 1955 года лучшим фотожурналистам года Золотая медаль носит имя Роберта Капы.

Фотоискусство тесным образом связано с кинематографом. Часто в кино приходят из фотожурналистики. Но бывает и так, что известный мастер кино увлекается профессиональной фотографией. Причины смены творческого амплуа различные, среди них могут быть и политические. После Второй мировой войны Лени Рифеншталь* не могла вернуться в кинематограф. В 1956 году в возрасте 53 лет она впервые совершает поездку в Африку. Ее путевые впечатления, выраженные в фотоснимках, публикуются в ведущих мировых СМИ - «Stern», «The Sunday Times Magazine», «Paris Match», «L'Europeo», «Newsweek», «The Sun». В период между 1962 и 1977 годами Рифеншталь не один раз пересекает Нубийскую пустыню, запечатлевая жизнь нубийских племен, открывая миру жизнь племен Центрального Судана. В 1973 году выходит в свет фотоальбом «Нубийцы - люди, будто пришедшие с другой звезды», а в 1976 году - «Нубийцы из племени Кау». Однако даже переход к съемкам этнографических сюжетов не избавил Рифеншталь от критики, которая видела в

*Рифеншталь Лени (1902-2003 гг.) - одна из талантливейших женщин XX в., танцовщица и актриса, работавшая в начале жизненного пути с известнейшими западными актерами, прославилась в дальнейшем как блистательный мастер документального кино. Ее фильмы, такие как «Триумф воли» (1935 г.) и «Олимпия» (1936-1938 гг.) являются памятниками «большого стиля» тоталитарной эпохи. Высоко ценимая Гитлером, Рифеншталь близко знала и его окружение. Геббельс, Геринг, Гиммлер и другие вожди Третьего рейха в мемуарах Рифеншталь описаны живо, с обилием бытовых подробностей. В послевоенные годы Рифеншталь посвятила себя изучению жизни африканских племен и подводным съемкам океанической флоры и фауны. См.: Рифеншталь Л. Мемуары. М., 2006.

чернокожих африканцах аналоги с нацистами, в их атлетических телах - фашистский культ здоровья, в кровавых ритуальных боях нубийцев - пропаганду жестокости.

В значительной степени фотографии помогали людям узнавать о том, как живут по другую сторону «железного занавеса». Да и сейчас при практически сплошном покрытии мира каналами телевизионной связи и Интернета фотография ценна тем, что она передает то, как определенный объект был увиден пытливым взглядом фотохудожника или репортера. Например, жизнь Страны Советов 1960-х годов ярко запечатлена в фотографиях репортера Юрия Абрамочкина, который начал свою профессиональную деятельность с серии, посвященной Московскому фестивалю молодежи и студентов (1957 г.).

Не меньший интерес, чем жизнь Страны Советов, вызывали события того же времени на Острове Свободы. У кубинской революции был свой фотолетописец - Альберто Корда (1928-2001 гг.). Его настоящее имя - Альберто Диас Гутьерес. Псевдоним «Корда» был взят в честь венгерских режиссеров Золтана и Александра Корды. В 1959-1962 годах Альберто Корда был репортером ежедневной кубинской газеты «Revolución». Ему принадлежит всемирно известное изображение Че Гевары - «Героический партизан». Сделано оно было случайно: 5 марта 1960 года во время съемок камера направлялась совсем на другого, но выбрала Че в берете со звездой. Корда скармлировал снимок, убрал чужой нос и кусок пальмы, и получился не только идеальный образ героя, но самая воспроизводимая в мире фотография. Он никогда не получал авторских отчислений за эту фотографию, потому что Куба не признала Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений¹¹. Несмотря на это, в 2000 году Корда выиграл дело у компании «Smirnoff», использовавшей изображение в рекламе. Полученные в результате любовного соглашения 50 тыс. долларов были им пожертвованы кубинской системе здравоохранения. А саму фотографию он безвозмездно отдал итальянскому издателю Джанджакомо Фельтринелли, известному публикацией «Доктора Живаго». После революции в течение десяти лет Корда был личным фотографом Фиделя Кастро.

*Че Гевара - «Героический партизан».
Фотограф А.Корда*

Корда, как и еще два десятка фотографов, снимавших Фиделя Кастро и его сподвижников, был зачарован молодой энергией участников Сопротивления на маленьком острове в Карибском море, который вскоре стал геополитическим символом свободы. И сейчас подлинные фотоснимки тех времен не развеивают романтический миф о кубинской революции, а заставляют задуматься о том, для чего и как делаются революции. Об этом рассказывает выставка «Куба в революции», организаторы которой решили доказать, что кубинская революция

- самая фотогеничная из всех революций и делали ее красавцы¹².

Многие фотодокументы открывают по истечении времени. Это касается свидетельств возведения Берлинской стены в августе 1961 года. К 50-летию этой даты открылась выставка уникальных фотографий из Военно-исторического архива в Потсдаме «Другой взгляд. Начало Берлинской стены»¹³, на которой представили 1200 черно-белых фотографий. Снимки делались для служебного пользования - они должны были фиксировать состояние стены, поэтому запечатлели ее восточно-берлинскую сторону целиком. Виды однообразны: развалины домов, ограды кладбищ, быстро возведенные и плохо оштукатуренные стены из кирпичей, собранных в руинах города. Рядом с колючей проволокой - уцелевшая церковь с кладбищем. Стена прошла по живому телу города. Редко геометрическое сочетание кладки, колючей проволоки, рвов и протоптанных пограничниками тропинок нарушает какое-нибудь дерево. Приграничный Берлин предстает на этих фотографиях безлюдным обширным пространством, ощущение такое, что, похоже, от стены бегут и зверь, и человек. На фотографии неизвестного пограничника (ГДР, 1965 г.) - стена

высотой в два метра, она сложена из грубых камней и обнесена колючей проволокой, заброшенная станция метро с табличкой «Potsdamer Platz». Попытки западных берлинцев вступить в контакт с пограничниками с восточной стороны на фотографиях не отражены, хотя те педантично заносили их в протоколы - берлинская писательница Аннетт Грешнер использовала их для подписей к снимкам. Вот трое западных полицейских кричат, увидев, как пьяный падает со стены при попытке перелезть через нее: «Можете оставить себе эту свинью! Нам она не нужна!» Фотографии сопровождают цитаты из поощрений и взысканий пограничникам - начальство выговаривает солдатам за то, что те играют в футбол, слушают западноберлинские радиостанции и ведут дневники в служебных блокнотах. Жизнь продолжается даже в таких абсурдных обстоятельствах.

С 1970-х годов внимание мировой общественности все более привлекают снимки из «горячих точек». Один из мастеров подобной фотографии, Хироджи Кьюбота, увлекся фотоискусством во время обучения на факультете политологии Токийского университета, а после окончания учебы, в 1962 году, решил стать профессиональным фотографом. Несколько лет работал свободным журналистом. И уже в 1970 году Х.Кьюбота получил престижную премию от крупнейшего в Японии издательства «Коданся» и стал кандидатом в члены «Magnum». Как сотрудник агентства, Кьюбота фотографировал в различных «горячих точках» Азии. Он издал несколько фотоальбомов - о Китае, Корее, Америке, родной Японии, принесших ему международную известность. Его фотографии печатались в журналах, персональные выставки фотографа проходили в Токио, Осаке, Пекине, Нью-Йорке, Вашингтоне Лондоне, Вене и Париже. В 1989 году Кьюбота стал уже действительным членом «Magnum». В 1990-х годах, занимаясь проблемой голода в Азии, Хироджи Кьюбота сделал несколько десятков тыс. фотографий в Китае, Индии, Индонезии, Вьетнаме и Камбодже. В 2000 году вышла его книга «Можем ли мы прокормить себя?», где он пытается убедить людей в том, что они не должны прятаться от реальности, сколь бы страшной она ни была.

Не менее значим фоторепортаж из точки, которую, хотя и нельзя считать «горячей», но можно назвать знаковой. В таких точках нашей планеты в определенное время происходят события, которые потом долго будут звучать в мировой реальности. Мы ценим фотографии встречи на Эльбе советских и американских солдат, нам важно видеть документальное фотосвидетельство подписания акта о капитуляции Германии после Второй мировой войны. Однако мы должны признать, что далеко не все знаковые для мировой политики события были задокументированы в фотографии так, что это могло бы позволить даже через значительное время ощущать нерв момента, напряженность лиц, участвующих в этом действии.

Выставку фотографий, отражающих моменты ввода войск стран Варшавского договора в Прагу в августе 1968 года, чешский фотограф Йозеф Коуделка, победитель «Prix Nadar», «Grand Prix National de la Photographie», «Grand Prix Cartier-Bresson» и «Hasselblad Foundation International Award in Photography», назвал «Вторжение-68 Прага»¹⁴. Пленки с фотографиями Коуделки удалось тайно вывезти из страны. И год спустя, благодаря агентству «Magnum», они разлетелись по страницам множества журналов всего мира, подписанные, дабы избежать репрессий, - «PP» (пражский фотограф).

На открытии выставки в Москве Коуделка говорил, что ему хотелось бы, чтобы зрители поняли то же, что и он сам, «когда впервые увидел русских солдат, - эти ребята не виноваты и не они в ответе за происходящее. Они не хотят здесь находиться. У меня были приятели среди солдат, и мне хотелось позвать их выпить пива. Но я понимал, и они понимали, что солдат есть солдат и если придет командир и скажет: «Ты будешь стрелять или тебя не будет!», он выполнит приказ. Мне хотелось бы, чтобы молодые люди узнали себя в этих солдатах и сделали все, чтобы ни в какой стране никто не был бы вынужден их не любить. Помню, во время вторжения для меня ужас состоял в том, что я сам в любой день мог оказаться в положении этих солдат. Я жил в той же системе - меня могли разбудить утром, дать автомат, посадить в танк и послать, например, в Варшаву.

*Из фотосерии о Пражской весне.
Фотограф Й. Коуделка*

Или ты стреляешь, или в тебя стреляют»¹⁵. По его убеждению, «то, что происходило в Праге в августе 1968-го, - это, конечно, был спектакль. Но одновременно - один из редких моментов истины, когда общество забывает носить маску. В тот момент визуально - это театр, но по своей сути - нет. И это главное»¹⁶.

К числу тех событий, которые оказались почти без освещения в фотодокументах, относится подписание Беловежских соглашений 8 декабря 1991 года в белорусском местечке Вискули. Одним из немногих, кому удалось это сделать, был фотожурналист Юрий Иванов¹⁷. Он вспоминает, что журналисты (из фотографов он был единственным) полетели в Вискули, приземлились на военном аэродроме в Пружанах и стали ждать. Никто из них не знал, что будет. Вначале прилетел самолет с Кравчуком и Шушкевичем, позднее - самолет с Президентом России. Все засуетились, сели в машины, и кортеж уехал, а корреспонденты остались на жутком морозе. Въезд в Вискули был запрещен, но журналисты связались с теми, кто мог прислать машину, чтобы они все-таки оказались в Вискулях. И только там они уже стали понимать, что происходит. Вскоре вышли представители трех государств, сели за стол, началась обычная протокольная процедура. Журналистам объ-

явили, что будет подписано соглашение под таким-то номером о создании СНГ. Иванов попросил Ельцина попозировать вместе с Кравчуком и Шушкевичем. Так был сделан снимок, ставший потом знаменитым. Фотокорреспондент оказался в центре события совершенно случайно. А когда все закончилось, фотограф пошел и снял пустой стол с чьей-то папкой, очками и сахарницей. Вот так обыденно и закончил свои дни Советский Союз.

Видеть других и понимать других можно, когда появляется возможность увидеть не только людей, но и Землю не с привычной точки зрения, а с высоты, чтобы охватить большее. Поэтому нас так волнуют фотографии планеты, сделанные с космической орбиты. Но уже до этого была возможность представить Землю хотя бы с высоты птичьего полета: аэрофотография известна с третьей четверти XIX века, когда появились снимки с воздушных шаров. Основоположником аэрофотографии считается легендарный парижский фотограф и воздухоплаватель, известный как Надар (настоящее имя Гаспар-Феликс Турнашон, 1820-1910 гг.).

В 1991 году француз Ян Артюс-Бертран создает собственное фотоагентство «Altitude». Благодаря отличной профессиональной репутации ему удалось убедить ЮНЕСКО стать участником своего авторского проекта «Земля, увиденная с неба»¹⁸, который с самого начала существует под эгидой этой международной организации. Артюс-Бертран делает фотографии с воздуха в самых разных уголках Земли. Изредка съемка ведется с воздушных шаров, но чаще всего с вертолета, позволяющего зависать над нужными для фотографий точками. Высота, используемая им для съемки, также различна (от 30 до 300 м над землей) и зависит от характеристик снимаемых объектов. Возможно, главное значение съемок Артюс-Бертрана состоит в том, что он создал новую концепцию самого метода воздушной съемки. До него фотографии, сделанные с воздуха, встречались в тематических альбомах (посвященных отдельным местностям, массовым мероприятиям, животным или явлениям природы) в качестве своеобразного дополнения к традиционным фотографиям. Французский фотограф стал первым, кто сделал аэрофотографию основой авторского взгляда на мир и расширил географию своей деятельности до большей части планеты.

Тематика работ Артюс-Бертрана включает в себя как творения человека, например мегаполисы, так и объекты природы. Стремясь показать планету во всем многообразии, Артюс-Бертран не избегает запретных тем. В работах этого автора можно увидеть ужасающие последствия разрушительного цунами 2004 года, а также свалки близ мегаполисов, вырубленные леса и высохшие реки. Многие из перечисленного есть следствие бездумной (с точки зрения экологии) деятельности человека, вид на результаты которой с воздуха еще более подчеркивает остроту этих проблем. Не остались в стороне от воздушной съемки и социальные катаклизмы, например уничтоженные талибами статуи Будды в афганской провинции Бамиан или лагерь косовских беженцев в Албании¹⁹.

Еще один проект Яна Артюс-Бертрана и фонда «GoodPlanet» позволяет зрителю взглянуть на мир не сверху, а снизу, от земли, от корней деревьев и трав. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 20 декабря 2006 года, 2011 год был объявлен Международным годом лесов. Это было сделано с целью привлечения внимания международного сообщества к проблемам рационального использования и сохранения лесных экосистем. В рамках программы Года четыре десятка фотографов были командированы в различные уголки мира, чтобы запечатлеть красоты дикой природы или же указать на последствия варварского отношения к ней. В результате работы таких мастеров, как Ксавье Десмье, Арт Вулф, Франс Лантинг, Дитмар Нилл получилась фотосага о лесах и людях, красивая и тревожная одновременно.

Если фотография позволяет передать ощущение тревоги там, где человек должен был находить лишь покой и отдохновение, то что можно говорить о фотографиях, практически ежедневно поступаемых в СМИ из «горячих точек». А профессию фотокорреспондента с полным правом можно отнести к очень опасным. С риском для жизни и здоровья они пытаются передать зрителю картины сражений, стихийных бедствий, уличных беспорядков и т.д. В 2011 году ситуация напряженности возникла в арабском мире. В Мисрате (Ливия) погибли под минометным обстрелом сразу два британских фотокорреспондента с мировым именем -

Тим Хезерингтон и Крис Хондрос. Последнее, что успел передать Хезерингтон, были слова в микроблоге: «В осажденном ливийском городе Мисрата. Артиллерия Каддафи бьет без разбора. Никаких признаков НАТО»²⁰. Британцы были в группе десяти журналистов, снимавших на главной улице Триполи наступление правительственных войск. Когда начался обстрел, они побежали к стене расположенного напротив здания. Туда и был нанесен следующий смертоносный удар. Хезерингтон и Хондрос вскоре скончались от полученных ран в больнице. Погибшие репортеры были одними из бесстрашных и опытных военных фотокорреспондентов, имевших колоссальный опыт работы в «горячих точках».

В послужном списке Хезерингтона - Нигерия, Сьерра-Леоне, Либерия. В 2007-2008 годах он провел несколько месяцев с крошечным (15 человек) подразделением солдат, охранявшим блокпост в Афганистане. Это место считается одним из самых опасных в стране. И названо в честь погибшего там военного врача Хуана Рестрепо. Документальный фильм Хезерингтона «Рестрепо», который он снял в соавторстве с другим журналистом - Себастьяном Юнгером, получил главный приз фестиваля «Сандэнс» в 2010 году, а в 2011-м был номинирован на «Оскара». За свои фотоработы Хезерингтон получил множество престижных наград. Хондрос более 20 лет работал в «горячих точках» и прошел Афганистан, Ирак, Косово. Снимая для известного фотобанка «Getty Images», Хондрос получил высшую награду в профессии - премию «World Press Photo» и Золотую медаль Роберта Капы, а также был номинирован на Пулитцеровскую премию.

Одна из особенностей нашего времени состоит в том, что «горячая точка» может возникнуть весьма неожиданно там, где мало кто это предполагал. Поэтому точнее всего становится отображать мир посредством пиксельной графики, обращающей внимание на каждую точку. В новом пространстве социального протеста такой точкой оказываются площади Майдан Незалежности, Тахрир, улица Уолл-стрит и т. д. Способно ли искусство показать себя на этом пространстве, не потеряв своей сути и предназначения? Уличные фотопоказы о Москве XX и XXI веков на Унтер-ден-Линден в Берлине, возле набережной

Шпрее на Музейном острове и фотолетопись жизни немецкой столицы на Страстном бульваре, организованные в 2011 году, позволяют говорить, что фотография на улице может быть не только элементом рекламы, а окном в другую, геокультурную и геопозитическую реальность.

Известный американский журналист Томас Фридман, называя свою книгу «Плоский мир», объясняет ее название тем, что появилась новая система координат благодаря возможностям у беспрецедентно большого числа жителей Земли сотрудничать и конкурировать в реальном времени и в большом числе областей²¹. «Теперь, - пишет Фридман, - каждый человек должен и способен задать вопрос: каково *мое* место в глобальном соревновании и сегодняшней перспективе и как *мне* самому сотрудничать с другими людьми на глобальном уровне?»²² Не поторопился ли американский журналист с тем, что наступило время всеобщего формулирования таких вопросов?

Некоторые фотографические материалы говорят, что не везде человек может задуматься об индивидуальном проекте. Нам часто кажется, что фотографии рассказывают что-то конкретное про разных людей, но оказывается, что это иллюзия. Угадать, какое «я» скрывается за изображением, невозможно, особенно если фотография передает сцену массового действия. Например, на огромной фотоработе Андреаса Гурского запечатлен праздник в столице Северной Кореи. Тысячи людей на стадионе изображают живые картины. Лиц не видно, только гигантское море флажков, из которых складываются пейзажи социалистической родины и буквы лозунгов. На соседнем панно тот же эффект обезличивания, но достигнутый уже при капитализме. Гонконгская биржа, за рядами одинаковых компьютеров сидят десятки неразличимых брокеров. А на фото-портретах Иржи Давида пополам разрезаны лица героев и дано зеркальное отображение каждой половины. Фотограф склеивает эти половины между собой попарно, получая по два портрета каждого человека, но портрета совершенно разных, потому что лица несимметричны. И это доказывает, что нет такого «Я», которое было бы бесспорным²³.

Если «Я» не бесспорно, то как же тогда понять 6 млрд. Других? Созданный Артюс-Бертраном фонд «GoodPlanet» в 2003 году взялся за проект под названием «6 миллиардов Других», предполагавший бесчисленные видеointервью с жителями всей планеты²⁴. За несколько лет группа репортеров объездила 83 страны, собрав коллекцию из 6 тыс. сюжетов. Гигантская настенная проекция представляет собой подвижный коллаж из сотен портретов. Время от времени лица некоторых героев укрупняются, из их уст доносятся ответы на типовые вопросы: «Что значит для вас семья?», «Какова ваша величайшая радость?», «Каков ваш величайший страх?», «Верите ли вы в жизнь после смерти?», «Какова ваша самая большая мечта?» и т. д. Некоторые из ответов - банальны, но вряд ли авторы проекта ожидали услышать что-либо сокровенное. Скорее, им представлялось важным показать, что у жителей Земли гораздо больше общего, чем кажется. Меняются типажи и регионы, а мечты и страхи у большинства людей близки. И такая близость позиций людей по витальным проблемам позволяет языком фотоискусства передавать то общее и то особенное, что есть в каждой стране, каждой местности, каждой семье, каждой профессии и у каждого человека.

Мы справедливо считаем фотодокумент одним из самых достоверных свидетельств о прошедшем. Однако с момента своего изобретения фотография подвергалась коррекции дефектов, различным цветовым или портретным изменениям в творческих целях. И не только в творческих. На фотографию можно добавить изображение человека или предмета, а можно запечатленное на ней изначально в последующем исключить. Примеров такого политического ретуширования фотографий немало. В Государственном музее истории ГУЛАГа в Москве представлены примеры фальсификаций фотографий и картин в сталинскую эпоху²⁵. Текст под названием «Призрачная колонна», сопровождающий три похожие фотографии, начинается так: «Эта шахматная партия была разыграна в апреле 1908 года на острове Капри, Италия». История следующая: Ленин приехал в гости к Горькому и оказался там за одним шахматным столом

с однопартийцем Александром Богдановым. На фотографии из альбома «Ленин» 1939 года возле стола стоят Горький и жена Богданова. На той же фотографии, только из альбома, изданного Институтом марксизма-ленинизма в 1960 году, к ним добавлены античная колонна и приемный сын Горького Зиновий Пешков, который действительно был тогда на Капри, а вскоре после этой съемки эмигрировал во Францию. На подлинной фотографии на месте колонны был человек - марксист Владимир Базаров, который после того, как примкнул к меньшевикам, утратил право быть возле Ленина даже на старых фотографиях. И фото, и тексты взяты из альбома английского дизайнера и коллекционера фотодокументов советской эпохи Дэвида Кинга «Пропавшие комиссары»²⁶. Кинг много лет собирал документы, фотографии и произведения, имевшие отношение к ленинско-сталинской эпохе. Его альбом «Пропавшие комиссары» получил широкую известность и переведен на многие языки, а материалы, использованные в нем, легли в основу передвижной выставки, которая с 1998 года с успехом путешествует из страны в страну.

Фотовыставки превращают фотографию в столь же подвижное искусство, как и кино. Более того, появляются фотофильмы. Крис Маркер²⁷, известный фильмами «Взлетная полоса» (1962 г.), «В глубине воздух красный» (1977 г.) и «Без солнца» (1983 г.), стал сочетать разные искусства в музейных пространствах. Его черно-белый фотофильм «Взлетная полоса» идет всего 29 минут. За это время Крис Маркер успевает рассказать историю о «Третьей мировой войне», опытах над пленными, совершающими путешествия во времени, смотровой площадке парижского аэропорта Орли, где герой (Давос Ханых) встречает героиню своей жизни (ее играет Элен Шатлен, режиссер и переводчик с русского, получившая премию за перевод на французский язык книги Василия Голованова). В фильме использована литургическая песнь украинского композитора Петра Гончарова «Кресту твоему»²⁸.

Все отмеченные особенности развития фотографии как искусства, выхватывающего из жизни то, за чем глаз обычного, неподготовленного человека не успевает, объединяет фотожурналистов разных стран, придерживающихся не только разных

политических взглядов, но и являющихся сторонниками различных направлений фотоискусства. Но имеется, конечно, желание, чтобы их работы были известны как можно более широкой публике. В некоторой степени этому помогает «World Press Photo» - престижный международный конкурс фотожурналистов. Это не просто конкурс, а независимая, некоммерческая организация, штаб-квартира которой находится в Амстердаме (Нидерланды), основанная еще в 1955 году. Организация занимается и присуждением крупнейшей ежегодной премии в области фотожурналистики. После конкурса из фотографий победителей собирают выставку, которую за год посещает более миллиона людей в 40 странах, а книга с фотографиями победителей публикуется на шести языках. В 2006 году на конкурсе победил живущий в Нью-Йорке фотограф Спенсер Платт из «Getty Images». На его фотографии были запечатлены молодые ливанцы, проезжающие на автомобиле через разрушенные во время израильских бомбардировок окрестности Южного Бейрута. Фотография была сделана 15 августа 2006 года, в первый день прекращения огня между Израилем и «Хезболлой», когда тысячи ливанцев начали возвращаться в свои дома.

Помимо выбора Фотографии года, конкурс проводится в категориях: «Горячие новости», «События», «Люди в новостях», «Спорт», «Проблемы современности», «Повседневная жизнь», «Портреты», «Искусство и развлечения» и «Природа». Также «World Press Photo» стремится поддерживать профессиональную пресс-фотографию на международном уровне для того, чтобы стимулировать изменения в фотожурналистике, способствовать передаче знаний, выявлять высокие профессиональные стандарты в фотожурналистике и содействовать свободному и неограниченному обмену информацией. Для этого существует ряд образовательных проектов по всему миру: семинары, практические занятия и ежегодный Joop Swart Masterclass.

Отметим, что в передаче визуальной информации о тех или иных международных событиях, о лицах, чьи решения порой определяют судьбы мира, о тех местах нашей планеты, которые так важно сохранить и которыми надо гордиться, нельзя делать

различия в жанрах фоторепортажа или фотопортрета. И все-таки следует согласиться с впечатлением от выставки «World Press Photo», что «фотохроника жизни - это не фильм и не игра. Тот, кто смотрит эти фотографии, имеет возможность отказаться от зрелища. Тот, кто снимает их, - тем более. Вопрос этический: где проходит в фотожурналистике та тонкая грань между моральным и аморальным, этикой и цинизмом, сочувствием и равнодушием?»²⁹

И ведь именно этот вопрос часто приходится решать всем тем, кто непосредственно связан с мировой политикой, международными отношениями, принятием важнейших внешнеполитических решений. Возможно, поэтому среди этих людей есть немало увлекающихся фотографией, умение которых остановить мгновение такое же, как у профессионалов. Это, например, посол России в Вашингтоне Сергей Иванович Кисляк или бывший генсек НАТО Джордж Робинсон.

Фотокамера позволяет схватить мгновение, остановить его для других, не видевших действительность вживую. И для камеры нет разницы в том, прекрасно или ужасно это мгновение. Она лишь дает возможность людям самим увидеть пропасть между светлым и темным, добром и злом, красотой и уродством...

¹Леонтьев М. Большая игра. М.; СПб., 2009. С. 70.

²Толкачева И. Фоторепортаж XIX века: две войны // <http://www.photographer.ru/cult/history/750.htm>

³Курдюкова Д. Пограничное сопротивление // Независимая газета. 2011. 21 ноября.

⁴<http://www.orientmuseum.ru/news/?item=254>

⁵Захарова Н. Мастер скрытой камеры // http://www.photonews.ru/creative_foto/75

⁶См.: *Homer W.I.* Alfred Stieglitz and the American avant-garde. Boston: New York Graphic Society, 1977; *Whelan R.* Alfred Stieglitz: a biography. Boston: Little, Brown, 1995.

⁷*Kana P.* Скрытая перспектива. СПб.: Клаудберри, 2010; *Bustelo G.* Robert Capa: obra fotográfica. London; N.Y.: Phaidon, 2005; *Kershaw A.* Blood and champagne: the life and times of Robert Capa. N.Y.: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press, 2003; *Whelan R.* Robert Capa: a biography. N.Y.: Knopf, 1985.

⁸См.: *Акимущкина И.* Русская дача американского посла // Независимая газета. 2011. 22 апреля.

⁹Там же.

¹⁰http://www.creativestudio.ru/articles/magnum_photos.php

¹¹Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Парижский акт от 24 июля 1971 г., измененный 28 сентября 1979 г. // http://www.copyright.ru/tu/library/inside/63/?doc_id=203.

¹²*Кабанова О.* Влюбиться в революцию // Ведомости. 2011. 11 марта.

¹³См.: Полоса отчуждения // Ведомости. 2010. 12 августа.

¹⁴Выставка «Вторжение 68 Прага» была подготовлена фондом Aperture и агентством «Magnum Photos» к 40-летней годовщине события и сопровождается одноименной монографией. Экспозиция включает в себя более 160 специально отобранных самим Й.Коуделкой фотографий из его архива, представленных в хронологическом порядке, а также обширные материалы для чтения (плакаты, листовки, обращения) и видеофильм. Специально для Москвы выставка была расширена и дополнена.

¹⁵*Церетели Т.* «Никогда не буду снимать театр - он и так вокруг нас» // Известия. 2011. 7 октября.

¹⁶Там же.

¹⁷*Иванов Ю.* Свобода из бильярдного зала // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. 8 декабря.

¹⁸См.: *Артюс-Бертран Я.* Земля, увиденная с неба. Изд. 2-е. М., 2008.

¹⁹http://www.creativestudio.ru/articles/arthus_bertrand.php

²⁰Цит. по: *Фокина К.* Погибшие фоторепортеры были суперпрофессионалами // Известия. 2011. 22 апреля.

²¹См.: *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2007. С. 13.

²²Там же. С. 16.

²³www.galerierudolfinum.cz

²⁴<http://ecorussia.info/ru/ecopedia/6-billion-others>

²⁵См.: *Юсупова Д.* Подделки с выставки // Ведомости. 2012. 6 апреля.

²⁶*Кинг Д.* Пропавшие комиссары: Альбом. М., 2005.

²⁷Псевдоним французского кинорежиссера-документалиста, фотографа и писателя Кристиана-Франсуа Буш-Вильнева.

²⁸*Мокроусов А.* Крис Маркер променял кино на компьютер // Известия. 2012. 25 марта.

²⁹*Виноградова Ю.В.* Фоторепортер и очень-очень нервно. Об ужасах, катастрофах, страхах и здоровом журналистском цинизме // Независимая газета. 2011. 24 июня.